

«ТАМ, СРЕДИ
ШУМНОГО МОРЯ,
ВЬЕТСЯ
АНДРЕЕВСКИЙ
СТЯГ...»

ХРЕСТОМАТИЯ
ВОЕННОГО МОРЯКА

Книга для чтения по истории армии и флота

Сборник

**«Там, среди шумного моря,
вьется Андреевский стяг...»
Хрестоматия военного моряка**

«Алетейя»

2015

УДК 359
ББК 68.54

Сборник

«Там, среди шумного моря, вьется Андреевский стяг...»
Хрестоматия военного моряка / Сборник — «Алетейя»,
2015 — (Книга для чтения по истории армии и флота)

Хрестоматия является первым специализированным изданием, призванным оказать помощь в формировании профессионально-важных и личностных качеств военных моряков. В издании представлены исторические документы, воспоминания и дневники, отрывки из произведений художественной литературы, посвященные истории отечественного военно-морского флота и подвигам военных моряков. В том вошли произведения, охватывающие период от создания флота до 1917 года. Книга адресована широкому кругу читателей – прежде всего ныне служащим и будущим военным морякам, а также всем, кто интересуется военной историей Отечества, историей флота, военной педагогикой и психологией.

УДК 359
ББК 68.54

© Сборник, 2015
© Алетейя, 2015

Содержание

От составителей	6
Глава 1	10
Первая победа. (письмо Петра I князю Ф.Ю. Ромодановскому)	10
Московский триумф	11
Строительство флота. (из письма барона Боргсдорфа)	13
А.Н. Толстой. Петр Первый. (отрывок из романа)	14
А.П. Соколов. Упущенная победа	20
Журнал графа Апраксина	25
Указ о разграничении власти морских и сухопутных начальников на кораблях	30
«Дело» подполковника Бордовика	31
Победа русского корабельного флота	34
Победа при Гренгаме. (письмо князя М.М. Голицына графу Ф.М. Апраксину)	35
Устав морской. (13 января 1720 г.)	37
Глава 2	43
А.П. Соколов. Гогландская морская битва	43
Мичманы	47
«Перекрестили»	49
П. Милюков. Адмирал Александр Иванович фон Круз	50
А.П. Соколов. Лейтенант Ковако	53
Ордер Г.А. Потемкина Ф.Ф. Ушакову. 3 июля 1790 г.	55
Рапорт Ф.Ф. Ушакова Г.А. Потемкину о сражении в Керченском проливе. 8 июля 1790 г.	56
Донесение Ф.Ф. Ушакова о разгроме турецкого флота в сражении между Тендрой и Гаджибеем. 28–29 августа 1790 г.	58
Письмо Екатерины Великой о победе над турецким флотом на Черном море	59
Ордер Г.А. Потемкина Ф.Ф. Ушакову. 29 сентября 1790 г.	60
Рапорт Ф.Ф. Ушакова Г.И. Потемкину о разгроме турецкого флота в сражении у мыса Калиакрия. 31 июля 1791 г.	61
Глава 3	63
Чесменское сражение	63
У. Уэсли. Гибель «Евстафия»	67
Рапорт Ф.Ф. Ушакова Павлу I	69
Письмо турецкого визиря Ф.Ф. Ушакову	71
Обращение Ф.Ф. Ушакова к жителям деревни Горицы	72
Е.П. Метакса. Взятие Корфу	73
Речь депутации острова Корфу к адмиралу Ф.Ф. Ушакову	81
П.П. Свиньин. С адмиралом Сенявиным в Архипелаге	82
Конец ознакомительного фрагмента.	93

**«Там, среди шумного моря,
вьется Андреевский стяг...»:
хрестоматия военного моряка
Авторы-составители С. Э.
Зверев, О. Ю. Ефремов**

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

Рецензенты:

В.М. Котков, доктор педагогических наук, профессор (Военная академия связи)

О.Ю. Пленков, доктор исторических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет)

От составителей

Дорого достается России всякое улучшение, медленно подвигается она к усовершенствованию! Потребовалось тридцать лет беспримерного гнета, сотни тысяч жертв и великое национальное унижение, чтобы она додумалась до аксиомы, на которой зиждется человеческая жизнь от начала мира; чтоб убедилась, что действия, основанные на тупой вере в традиции или непогрешимость одного смертного, несвойственны природе человека, что все, так называемые непреложные истины, служат средством тлетворным, разлагающим, если рядом нет умственной оценки причин и последствий.

Адмирал И.А. Шестаков

Знаменательные слова адмирала Ивана Алексеевича Шестакова, одиннадцатого морского министра (1882–1888) России, к сожалению, могут быть отнесены не только к николаевскому царствованию, по поводу которого они были в свое время сказаны. Не раз за свою многовековую историю мы вынуждены были начинать дело военного и государственного строительства практически с чистого листа, несмотря на колоссальные усилия, расходы и издержки, затраченные на обеспечение безопасности и устройство основ народной жизни. Не раз становились актуальными тезисы о враждебном окружении и даже заговоре против России, обусловленные именно невозможностью примириться с фактом мгновенного крушения надежд целых поколений, безропотно жертвовавших силы и жизни на алтарь отечества. Не раз мы начинали искать виновных в неудачах на мировой арене и во внутренних нестроениях, изводить смуту, карать крамолу, пытаясь таким образом обеспечить себя надеждой на прогрессивное и стабильное развитие общества в будущем.

В чем же дело? Почему сбросив с раската очередного «Ивашку» мы с недоумением отмечаем, что это не сильно помогает двинуть дело вперед? Почему, нередко воюя по безоглядному принципу «война все спишет», мы пришли к тому, что *слава, купленная кровью*, вызывает все меньше уважения у окрестных народов и все меньше энтузиазма – у собственного населения? Или справедлив упрек классика в том, что *мы ленивы и нелюбопытны?*

История отечественного Военно-морского флота, воплощенная в судьбах слагавших его людей, помогает нам ответить на эти вопросы. Ибо флот есть держава в миниатюре. Каждый корабль под военно-морским флагом есть суверенная территория своего государства, а команда есть частица общества, приводящего в действие его пружины и механизмы. Здорово общество и государство – здоров и флот. История учит, что только в редких случаях усилиями отдельных подвижников флот может законсервировать себя от внешней скверны, обратив все свои помыслы на защиту отечества, тем спасая его честь, но *победить* этот флот не может, несмотря ни на какие жертвы.

Именно поэтому создание боеспособного и победоносного флота не может ограничиваться вводом в строй современных кораблей и высокотехнологичных систем вооружений. Флот начинается с воспитания моряка, а если смотреть шире – то с воспитания гражданина страны, который придет служить во флот.

Так уж повелось в последнее время, что государственно-патриотическое воспитание молодого поколения оказалось возложенным у нас в основном на образовательные учреждения. После принятия целого ряда законодательных инициатив, концепций и программ в обществе наблюдается своего рода «патриотический бум», в ходе которого воспитание в заведениях среднего общего и высшего профессионального образования в ряде случаев отождествляется с воспитанием патриотизма у обучающихся.

Но что значит воспитать патриота? Означает ли это, что если юноша посетит все находящиеся в окрестностях музеи, памятники и выставки; прослушает уроки или лекции, на которых ему расскажут о великих соотечественниках и их свершениях; затвердит даты дней воинской славы России, даже окажется в состоянии связно рассказать о том или ином славном периоде ее истории, то этим может ограничиться его воспитание и общество гарантированно получит высокообразованную, нравственную личность, вполне разделяющую социально значимые ценности, которыми живет это общество?

Мы полагаем, что в этом вопросе надо отталкиваться от цели образования, которое по самой этимологии этого слова призвано формировать *личность* человека. Подчеркнем: не торопиться воспитать патриота, но прежде всего умственно и нравственно развитого человека. «Должно восстановить прямое назначение школы, – писал Н.И. Пирогов, – быть руководителем жизни на пути к будущему. И этого достигнем только тогда, когда все человеку дарованные способности, все благородные и высокие стремления найдут в школе средства к бесконечному и всестороннему развитию, без всякой задней мысли о рановременных забот о приложении»¹. Развитая личность почти наверняка вырастет в патриота, но вот обратное далеко не всегда верно: патриотизм ограниченного человека имеет хороший шанс обратиться в простое «патриотическое начетничество» или узкий, нерассуждающий, агрессивный шовинизм.

По нашему мнению, именно воспитанию *благородных и высоких стремлений* в юношестве реже всего уделяется внимание в современных образовательных учреждениях. Как следствие, педагоги и родители больше озабочены *успешностью* поколения, вступающего в деятельную жизнь, т. е. его способностью оптимально применяться к существующей реальности. Стремясь снабдить молодого человека подходящим случаю набором компетенций, мы забываем о том, что если школа и вуз не будут воспитывать человека на нравственных *идеалах*, то у него при столкновении с несовершенством жизни и не возникнет никакого желания изменить ее к лучшему. Стоит ли говорить о том, что такое общество обречено.

Умственное и нравственное развитие человека возможно только благодаря *переживанию*. Как известно, даже учебная информация не трансформируется в твердые знания, если не приобретает в сознании мировоззренчески-ценностного оттенка. Тем более немыслимо никакое нравственное воспитание без переживания и *проживания* ситуации или примера, призванных оказать воспитательное воздействие. Но сопереживать можно только *человеку*, живой голос которого дошел до нас из глубины времен. Лучше всего задачу приобщения к переживанию, запускающему механизмы осознанного восприятия, выполняют литература и искусство.

Исходя из этого, нами была задумана серия «Книга для чтения по истории армии и флота». Цель ее – почти исключительно педагогическая. Задача, решаемая ей, заключается в том, чтобы приблизить исторические события к читателю, перевести ее с языка дат и цифр в плоскость личностных ценностей и смыслов, позволить говорить не сколько историческим событиям, а главным образом людям, волею судеб оказавшимся ввергнутыми в эти события, или литературным персонажам, воплощавшим авторский взгляд на происходившее.

И кто еще может явить современному поколению пример *благородных и высоких стремлений*, как не офицеры русского Императорского флота! В строках приказов и воспоминаний перед нами предстают образы людей умных, образованных, глубоко религиозных, верных, ответственных, стойких и мужественных в бою, смело поражавших вооруженного неприятеля и проявлявших жалость и человеколюбие к неприятелю побежденному.

Конечно, и в наше время нет недостатка в людях образованных, нравственных, мужественных и стойких, но самая симпатичная черта русских морских офицеров заключалась в том, что все эти качества сочетались в их характерах удивительно гармонично, производя на свет «то лучшее, что должно быть в России», если немного перефразировать М.А. Булгакова.

---

¹ Пирогов Н.И. Школа и жизнь // Морской сборник. 1860. № 1. С. 284.

Можно сказать, что наши морские офицеры были самостоятельно мыслящими и глубоко чувствующими *активными государственниками*. Их подвижническими трудами и во многом благодаря обаянию их личности прирастала Российская империя территориями, вызывая теперь у нас законное изумление своим величием и мощью.

Мы напрасно будем возлагать надежды на какие бы то ни было политические и экономические реформы, если они не коснутся человеческой личности, если наша система образования не станет вырабатывать характеры, подобные великим, не побоимся этого слова, характерам наших предков. С этими характерами мы и хотим познакомить наших уважаемых читателей.

В хрестоматию военного моряка включены:

- документы, содержащие интересные или малоизвестные современному читателю сведения по истории Военно-морского флота;
- публицистика, на страницах которой излагались любопытные мысли, сохранившие актуальность до наших дней;
- дневники и воспоминания моряков, позволяющие прочувствовать «человеческое измерение» флотской службы;
- отрывки из произведений художественной литературы, раскрывающие личный взгляд автора на историю флота;
- краткие описания выдающихся подвигов моряков.

Хрестоматия состоит из десяти глав. Первая глава посвящена истории создания Военно-морского флота великим преобразователем России и его успехам в сражениях, показавших, что в Европе возникла новая могучая морская держава.

Во второй главе освещаются морские баталии самого, пожалуй, славного времени отечественной истории – екатерининского царствования, решительно раздвинувшего границы империи.

Третья глава содержит описание экспедиций русского флота в Ионический архипелаг под руководством великих адмиралов Ф.Ф. Ушакова и Д.Н. Сенявина.

Подтверждением нашей мысли о том, что флот начинается с воспитания моряка, служит четвертая глава, в которой собраны материалы, касающиеся деятельности выдающихся военных педагогов, закладывавших основу боеспособности русского флота.

Пятая и шестая главы посвящены истории флота периода тридцатилетнего царствования Николая I, государя, уделявшего немалое внимание кораблям и морякам.

Седьмая глава повествует о славных кругосветных путешествиях и открытиях, совершенных русскими военными моряками.

В восьмой главе повествуется о становлении парового броненосного флота в России и о подвигах моряков в Русско-турецкую войну 1877–1878 годов.

Девятая и десятая главы рассказывают о трудном периоде истории Императорского флота – его цусимской голгофе в Русско-японскую и боевой деятельности в Первую мировую или Великую войну, которая дала множество примеров храбрости и верности долгу, но закончилась крушением государственного корабля царской России и утратой значительной части ее флота.

Тексты произведений, приведенных в хрестоматии, сокращены и адаптированы для лучшего восприятия современного читателя. Составители надеются, что это побудит заинтересованного читателя обратиться к самостоятельному изучению источников.

Выражаем благодарность Елене Юрьевне Голубевой за помощь в работе над хрестоматией.

О. Ю. Ефремов

заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии связи им. С. М. Буденного лауреат премии правительства РФ в области образования доктор педагогических наук, профессор

С. Э. Зверев

*профессор кафедры организации и методики образовательного процесса ВУНЦ ВМФ
«Военно-морская академия» кандидат педагогических наук, доцент*

Глава 1

Вторая рука потентата²

Первая победа. (письмо Петра I князю Ф.Ю. Ромодановскому)

Взятие русскими войсками турецкой крепости Азов в 1696 г. было первым военным успехом славного петровского царствования, достигнутым во многом благодаря помощи галерного флота, построенного перед началом второго похода под Азов на р. Воронеж и возглавляемого первым русским адмиралом Францем Яковлевичем Лефорт. Тридцать русских галер смогли пресечь снабжение осажденной крепости по морю, о чем и свидетельствует письмо царя.

Min Her Kenih³.

15-го дня [мая 1696 г.] пришел наш караван в Черкасский⁴, и в 18 д⁵. пришли в Каланчу⁶, в 19 д. пришли на устье моря, и за мелью на море галерам выйти было невозможно. А неприятель на море стоял в 13 кораблях, и того же дня неприятель, нагружаясь жалованьем⁷ и воинскими припасами в 13 тунбасах⁸, с которыми для провожания в 11 ушколах⁹ были янычары, и как те суда поравнялись против устья Каланчинского¹⁰, и мы, холопы твои, в малых судах и казаки в лодках, прося у Бога милости, ударили на того неприятеля и милостью Божией и пресвятой Богородицы со всеми святыми молитвою, а вашим государским счастьем, те суда разбили, из которых 9 сожгли, 1 взяли, а остальные ушли к кораблям, и корабли, то видя, 11 ушли, а один затонул сам, а другой наши сожгли.

На тех тунбасах взято 29 человек языков, пороху 85 бочек, 300 бомб, 5000 гранат, 500 копий и все это к нам свезено. Взято больше всего сукон и иных вещей. А взятые языки сказывали, что прислано на тех кораблях 500 янычар и многие припасы и мортиры, и людей-де они высадили на берег, видя наши галеры, и для того сухим путем послали; а запасы-де, которые остались, ушли все назад на кораблях. А третьего дня ветер был полуденный, и галеры вышли все в море в целости.

С моря, мая 31 дня, *Piter*.

(Посельт Д.М. Адмирал русского флота Франц Яковлевич Лефорт, с. 65–66)

---

² Выражение о флоте Петра I: «Всякий потентат (властитель), который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет».

³ Господин мой князь (голл.) Так обращался юный царь к князю-кесарю Ф.Ю. Ромодановскому, неизменно остававшемуся в Москве фактически в должности правителя государства во время отлучек Петра в заграничные поездки и походы.

⁴ Черкасск – тогдашняя «столица» Войска Донского, оказывавшего Петру деятельную помощь во время Азовских походов.

⁵ День.

⁶ Ныне Новогергиевск.

⁷ Турки везли и деньги для азовского гарнизона.

⁸ Турецкое мореходное грузовое судно.

⁹ Ладя, лодка.

¹⁰ Приток Дона.

Московский триумф

Главные события осады и роль флота в достижении победы были обстоятельно отражены в триумфе, которым встречала Москва возвращавшиеся из-под Азова войска.

И ради прихода к Москве генерал-адмирала и командора¹¹ с ратными людьми за Москвой-рекой [были] устроены нарядные триумфальные ворота.

Идя из города по правой стороне, вместо столба – человек резной; у него в правой руке палица, в левой руке ветвь зеленая, над ним написано: *Геркулесовой крепостью*.

У ног его невольники: азовский паша в чалме, у него за плечами янычар, за ним скованы два турка нага; у того паши подписано:

*Ах! Азов мы потеряли,
И тем бедство себе достали.*

После персоны геркулесовой – пирамида, перевитая ветвью зеленой, подписана: *В похвалу прехрабрых воев морских*.

От того столба по мосту картина на полотне, на ней написано: *Приступ к Азову и бой на море галер и фуракатов*¹².

На картине написано: *На море турки поражены, оставив Москве добычу, корабли их сожжены*.

В море же написан человек, словущий¹³ бог морской, коего называют Нептуном, на звере морском, походит на китовраса¹⁴, в руках острога да весло, а от него подпись: *Вот и я поздравляю со взятием Азова и вам покоряюсь*.

Под конец картины на коле голова в чалме, под ней брони воинские и подписано: *Глава азовского паши*.

По левую сторону ворот вместо столба – человек резной в воинском платье, в правой руке меч, в левой щит. Над ним подписано: *Марсовой храбростью*.

У ног его невольники: татарский мурза, позади его лук с колчаном, за ним прикованы два татарина нагих, на нем подпись: *Прежде в степях мы ратовались*¹⁵, ныне же от Москвы бегством едва спасались.

Подле того – пирамида, перевитая ветвью зеленой, на ней написано: *В похвалу прехрабрых воев полевых*.

У того столба картина на полотне, на ней написано: *Воинских людей бой с татарами и приступ к Азову*.

Над нею же подписано: *Москва агарян побеждает, на многие версты прехрабро прогоняет*.

У той же картины написана голова на коле. Подписана: *Голова Дулак-мурзы*.

По своду же в трех местах написано: *Приидох, Видех, Победих*.

...И как адмирал и командор пришли к Берсеневскому мосту, адмирал Франц Яковлевич Лефорт, выйдя из саней, и командор шел пеший, и в стрелецких полках, против которых они шли, из мелкого ружья и из пушек была стрельба.

---

¹¹ Звание командора возложил на себя сам царь Петр Алексеевич.

¹² То же, что и галера.

¹³ Прославленный, прославляемый.

¹⁴ Мифическое существо, изображавшееся как чудовище-кентавр, иногда с крыльями.

¹⁵ Сражались, воевали.

А как адмирал и командор к триумфальным воротам пришли, у тех ворот ему, адмиралу, была речь в стихах через трубу такова:

Генерал-адмирал! Морских сил всех глава,
Придя, зрел, победил прегордого врага,
Мужеством командора турок вскоре поражен,
Премногих же оружий и запасов он лишен,
Сражением жестоким басурманы побеждены,
Корысти их отбиты, корабли запалены.
Оставшиеся же в бегство ужасно устремиша,
Страх велий в Азове и всюду разшириша,
По сих их сила многа на море паки¹⁶ прииде,
Но в помощь в град Азов от сих никто же вниде,
Сие бо¹⁷ возбранила морских ти¹⁸ воев сила,
Их к сдаче град Азов всю выю¹⁹ наклонила,
И тем бо взятием весело поздравляем,
Труды же командора триумфом прославляем.

А после речи была на воротах стрельба из вестовых²⁰ 4-х пушек, и замахали значками, и по той вести была стрельба на Бархатном дворе из большого наряда²¹.

И адмирал пройдя Триумфальные ворота, сел в сани по прежнему и ехал в Белый город и в Кремль до конюшен на санях, а от конюшен до Троицкого подворья шел пеший, а от Троицкого подворья и до слободы ехал на санях, а командор шел пеший.

(Поход боярина Шеина, с. 187–188)

---

¹⁶ Снова.

¹⁷ Ибо это.

¹⁸ Твоих.

¹⁹ Шею.

²⁰ Сигнальных.

²¹ Крупнокалиберных пушек.

Строительство флота. (из письма барона Боргсдорфа)

Взятие Азова могло только раздражить могущественного в то время турецкого султана. Поэтому царь, нисколько не почивая на лаврах, срочно приступил к строительству морского флота, который бы мог служить демонстрацией военной мощи России на Азовском и Черном морях. Нет ничего удивительного в том, что масштабное строительство не обошлось без определенных качественных издержек. Похоже, именно этим обстоятельством объясняется горячая молитва строителей об успешном плавании флота.

...На реках Воронеже и Волге из военных судов для Вашего Царского Величества изготовлено:

У Воронежа:

Находятся в работе и должны быть летом изготовлены:

20 баркалонов²²; каждый имеет от 36 до 44 пушек.

6 бомбардирских судов, каждое в 20 пушек; две из них могут быть вооружены, кроме пушек, еще одной мортирой, а остальные 4 – двумя.

10 каботажных судов.

12 галер, вооруженных каждая 16 Petrios²³ и 6 пушками.

100 бригантин.

Затем должны поступить в работу и к будущему лету быть изготовлены:

10 баркалонов.

3 бомбардирских судна.

3 каботажных судна.

6 галер.

У села Румянова на реке Воронеже состоят в работе:

4 баркалоны.

У села Ступина на реке Воронеже их находится в работе 10.

У села Савифы на реке Волге находится в работе 10 баркалонов.

Кроме того, в разных вышеупомянутых местностях стоят 400 бригантин.

Все эти суда хорошо и прочно построены; с полным грузом они сидят в воде, большей частью, около 10 фут. и могут плавать по всем морям и рекам. Они были испытаны у Воронежа и оказались весьма хорошими; впрочем, все вышеозначенные суда построены из молодого и сырого леса, на что еще прежде жаловались венецианские мастера, которые не берутся отвечать за могущие произойти от этого несчастья. Да ниспошлет Господь Бог свое божественное благословение, чтобы эти с невероятными усилиями построенные суда могли вовремя достигнуть мелководного Дона и Меотийского²⁴ моря и быть употреблены согласно своему назначению.

Из города Воронежа, 20 июля 1698 г.

(Поссельт Д.М. Адмирал русского флота Франц Яковлевич Лефорт, с. 91–92)

---

²² Парусно-гребное военное судно.

²³ Очевидно, род фальконета или корабельной пищали.

²⁴ Древние греки так называли Азовское море.

А.Н. Толстой. Петр Первый. (отрывок из романа)

С юга, с Дикого поля, дул теплый ветер. В неделю согнало снега. Весеннее небо синело в полых водах, заливавших равнину. Вдудились речонки, тронулся Дон. В одну ночь вышла из берегов Воронеж-река, затопило верфи. От города до самого Дона качались на якорях корабли, бригантины, галеры, каторги, лодки. Непросохшая смола капала с бортов, блестели позолоченные и посеребренные нептуньи морды. Трепало паруса, поднятые для просушки. В мутных водах шуршали, ныряя, последние льдины. Над стенами крепости – на правой стороне реки, напротив Воронежа, – взлетали клубы порохового дыма, ветер рвал их в клочья. Катились по водам пушечные выстрелы, будто сама земля взбухала и лопалась пузырями.

На верфи шла работа день и ночь. Заканчивали отделку сорокапушечного корабля «Крепость». Он покачивался высокой резной кормой и тремя мачтами у свежих свай стенки. К нему то и дело отплывали через реку ладьи, груженные порохом, солониной и сухарями, – причаливали к его черному борту. Течением натягивало концы, трещало дерево. На корме, на мостике, перекрикивая грохот катящихся по палубе бочек, визг блоков, ругался по-русски и по-португальски коричневомордый капитан Памбург – усищи дыбом, глаза – как у бешеного барана, ботфорты – в грязи, поверх кафтана – нагольный полушубок, голова стянута шелковым красным платком. «Дармоеды! Щукины дети! Карраха!» Матросы выбивались из сил, вытягивая на борт кули с сухарями, бочки, ящики, – бегом откатывали к трюмам, где хрипели цепными кобелями боцмана в суконных высоких шапках, в коричневых штанах пузырями.

Над рекой на горе покривились срубчатые островерхие башни, за ветхими стенами ржавели маковки церквей. Перед старым городом по склону горы раскиданы мазаные хаты и дощатые балаганы рабочих. Ближе к реке – рубленые избы новоназначенного адмирала Головина, Александра Меньшикова, начальника Адмиралтейства Апраксина, контр-адмирала Корнелия Крейса. За рекой, на низком берегу, покрытом щепой, изрытом колесами, стояли закопченные, с земляными кровлями, срубы кузниц, поднимались ребра недостроенных судов, полузатопленные бунты досок, вытасщенные из воды плоты, бочки, канаты, заржавленные якоря. Черно дымили котлы со смолой. Скрипели тонкие колеса канатной сучильни. Пильщики махали плечами, стоя на высоких козлах. Плотовщики бегали босиком по грязи, вытаскивали баграми бревна, уносимые разливом.

Главные работы были закончены. Флот спущен. Оставался корабль «Крепость», отделяемый с особенным тщанием. Через три дня было сказано поднятие на нем адмиральского флага.

По мутному полноводному Дону плыли на полосатых парусах, наполненных теплым ветром. Восемнадцать двухпалубных кораблей, впереди и позади них – двадцать галиотов и двадцать бригантин, скампавеи, яхты, галеры: восемьдесят шесть военных судов и пятьсот стругов с казаками далеко растянулись на поворотах реки.

Дул зюйд-ост, вначале противный ветер, – и много пришлось положить трудов, покуда не повернули по Дону на запад: заполаскивались паруса, корабли дрейфовали, бешено орали капитаны в медные трубы. Приказ по флоту был такой: «Никто не дерзнет отстать от командорского корабля, но за оным следовать под пеной. Ежели кто отстанет на три часа, – четверть года жалованья, ежели на шесть, – две трети, ежели на двенадцать часов, – за год жалованья вычсть».

После поворота на юго-запад поплыли шутя. Ненадолго разливались над степью пышные и влажные закаты. Катился выстрел с адмиральского корабля. Били склянки. Огоньки ползли на верхушки мачт. Убирались паруса, с плеском падал якорь. На помрачневших берегах зажигались костры, протяжно кричали казачьи голоса.

С темной громады «Апостола Петра» (где в звании командора состоял царь) ведьминым хвостом взвивалась в звездное небо ракета. В кают-компании собирались ужинать.

Двадцать четвертого мая, в жаркий полдень, из морского марева на юге показались бастионы Азова. Здесь Дон разлился широко, но все же глубина была недостаточной для прохода через гирло сорокапушечных кораблей.

Покуда вице-адмирал промеривал рукав Дона – Кутюрму, а Петр ходил на яхте в Азов и Таганрог – осматривать крепости и форты, – прибыло из Бахчисарая ханское посольство на красивых конях, с вычным обозом. Разбили ковровые шатры, на холме воткнули бунчук – конский хвост с полумесяцем на высоком копье, послали переводчика узнать – примет ли царь поклон от хана и подарки? Говорили о перемирии, о том и о сем, пощипывая реденькие раздвоенные бороды, шарили повсюду глазами, быстрыми, как у морской собаки, цокали языками:

– Карош москов, карош флот... Только напрасно надеетесь, большими кораблями Кутюрмой вам не пройти, не так давно султанский флот как-то пытался войти в Дон, ни с чем вернулся в Керчь...

Промеры показали, что Кутюрма мелка. Разлив Дона опадал с каждым днем. Надеяться можно было только на сильный зюйд-вест, – если нагонит в гирло морскую воду.

Из Таганрога вернулся Петр. Помрачнел, узнав о мелководье. Ветер лениво дул с юга. Началась жара. С корабельных бортов капала смола. Дерево, плохо высушенное на зиму, высыхалось. Из трюмов выкачивали воду. Неподвижно, с убранными парусами, корабли лежали в мареве зноя.

Приказано было выбросить в воду балласт. Вытаскивали из трюмов бочки с порохом и солониной, перегружали на струги, везли в Таганрог. Корабли облегчались, вода в Кутюрме продолжала спадать.

Двадцать второго июня в обеденный час шаутбенахт Юлиус Рез, выйдя, багровый и тяжелый, из жаркой, как баня, кают – компании – помочиться с борта, – увидел вращающимся глазом на юго-западе быстро вырастающее серое облако. Справя нужду, Юлиус Рез еще раз взглянул на облако, вернулся в кают-компанию, взял шляпу и шпагу и сказал громко:

– Идет шторм.

Петр, адмиралы, капитаны выскочили из-за стола. Разорванные облака неслись в вышину, из-за беловатой водной пелены поднимался мрак. Солнце калило железным светом. Мертво повисли флаги, выпелы, матросское белье на вантах. По всем судам боцмана засвистали аврал – всех наверх! Крепили паруса, заводили штормовые якоря.

Туча закрывала полнеба. Помрачились воды. Мигнул широкий свет из-за края. Засвистало в снастях крепче, тревожнее. Зашелкали выпелы. Ветер налетел всею силой в крутящихся, раскиданных обрывках тьмы. Заскрипели мачты, полетели сорванные с вантов подштанники. Ветер мял воду, рвал снасти. Судорожно цеплялись за них матросы на реях. Топали ногами капитаны, перекрикивая нарастающую бурю. Пенные волны заплескались о борта. Треснуло небо раскатами, разрывающими душу ударами, загрохотало не переставая. Упали столбы огня.

Петр без шляпы, со взвитыми полами кафтана, вцепясь в поручни, стоял на вздымающейся, падающей корме. Как рыба, раскрыл рот, оглушенный, ослепленный. Молнии падали, казалось, кругом корабля, в гребни волн. Юлиус Рез закричал ему в ухо:

– Это ничего. Сейчас будет самый шторм.

Шторм пролетел, натворив много бед. Молнией убило двух матросов на берегу. Порвало якорные канаты, сломило несколько мачт, повыкидало на берег, затопило много мелких судов. Но зато установился крепкий зюйд-вест: то, что и надо было.

Вода в Кутюрме быстро поднималась. На рассвете начали выводить суда. Полсотни гребных стругов, подхватив на длинных бечевах, повели первым «Крепость». От вежи к веже, ни разу не царапнув килем, он вышел через Кутюрму в Азовское море, выстрелил из пушки и поднял личный флаг капитана Памбурга.

В тот же день вывели наиболее глубоко сидящие корабли: «Апостол Петр», «Воронеж», «Азов», «Гут Драгерс» и «Вейн Драгерс». Двадцать седьмого июня весь флот стал на якорь перед бастионами Таганрога.

Здесь, под защитой мола, начали заново конопатить, смолить и красить рассохшиеся суда, исправлять оснастку, грузить балластом. Петр целыми днями висел в люльке на борту «Крепости», посвистывая, стучал молотком по конопати. Либо, выпятив поджарый зад в холщовых замазанных штанах, лез по выбленкам на мачту – крепить новую рею.

Работали весь июль месяц. Шаутбенахт Юлиус Рез делал непрерывные ученья судовым командам, взятым из солдат Преображенского и Семеновского полков. Среди них много было детей дворянских, сроду не видавших моря. Юлиус Рез – по свирепости и отваге истинный моряк – линьками вгонял в матросов злость к навигации. Заставлял стоять на бом-брам-реях, на двенадцати саженьях над водой, прыгать с борта головой вниз в полной одежде: «Кто утонет, тот не моряк!» Расставив ноги на капитанском мостике, руки с тростью за спиной, челюсть, как у медвежьего кобеля, все видел, пират, одним глазом: кто замешкался, развязывая узел, кто крепит конец не так. «Эй, там, на стеньга-стакселе, грязный корофф, как травишь фалл?» Топал башмаком: «Все – на шканцы... Снашала!»

Четырнадцатого августа «Крепость» поднял паруса и, сопровождаемый всем флотом, при крепком северо-восточном ветре вышел в открытое море. Семнадцатого с левого борта на ногайской стороне показались тонкие минареты Тамани, флот пересек пролив и с пальбою, окутавшись пороховым дымом, прошел в виду Керчи, стал на якорь. Турки, видимо, переполошились – не ждали, не гадали увидеть весь залив, полный парусов и пушечного дыма.

Керченский паша Муртаза, холеный и ленивый турок, с испугом глядел в проломное окно одной из башен. Он послал приставов на московский адмиральский корабль – спросить, зачем пришел такой большой караван. Месяц тому назад ханские татары доносили, что царский флот худой и совсем без пушек и через азовские мели ему сроду не пройти.

– Ай-ай-ай... Ай-ай-ай, – тихо причитал Муртаза, отгибая веточку кустарника в окошке, чтобы лучше видеть. Считал, считал корабли. Бросил.

– Кто поверил ханским лазутчикам? – закричал он чиновникам, стоявшим позади него на башенной площадке, загаженной птицами. – Кто поверил татарским собакам?

Муртаза затопал туфлями. Чиновники, сытые и обленившиеся в спокойном захолустье, прикладывали руки к сердцу, сокрушенно качали фесками и чалмами.

Косой парус фелюги с приставами отделился от адмиральского корабля. Пристава – два грека – явились, подкатывая глаза, вжимая головы в плечи, щелкая языками. Муртаза свирепо вытянул к ним жирное лицо.

Рассказали:

– Московский адмирал велел тебе кланяться и сказать, что они провожают посланника к султану. Мы сказали адмиралу, что ты-де не можешь пропустить посланника морем, – пусть едет, как все, через Крым. Адмирал сказал: «А не хотите пускать морем, так мы всем флотом до Константинополя проводим посланника».

Муртаза-паша на другой день послал важных беев к адмиралу. И беи сказали:

– Мы вас, московитов, жалею, вы нашего Черного моря не знаете, – во время нужды на нем сердца человеческие черны, оттого и зовется оно черным. Послушайте нас, поезжайте сушей.

Адмирал Головин только надулся: «Испугали». И стоявший тут же какой-то длинный, с блестящими глазами человек в голландском платье засмеялся, и все русские засмеялись.

Что тут поделаешь? Как их не пустить, когда с утренним ветерком московские корабли ставят паруса и по всем морским правилам делают построения, ходят по заливу, стреляют в парусиновые щиты на поплавах. Откажи таким нахалам!

Шлюпка подошла к турецкому адмиральскому кораблю. На борт поднялись Корнелий Крейс и двое гребцов в голландском матросском платье – Петр и Алексашка. На шканцах турецкий экипаж отдал салют московскому вице-адмиралу. Адмирал Гассан-паша важно вышел из кормовой каюты, – был в белом шелковом халате, в чалме с алмазным полумесяцем.

Подали два стула. Адмиралы начали приличный разговор. Гассан-паша спросил про здоровье царя. Корнелий Крейс ответил, что царь здоров, и сам спросил про здоровье султанского величества. Гассан-паша низко склонился над столом: «Аллах хранит дни султанского величества...» Глядя печальными глазами мимо Корнелия Крейса, сказал:

– В Керчи мы не держим большого флота. Здесь нам бояться некого. Зато в Мраморном море у нас могучие корабли. Пушки на них столь велики, – могут даже бросать каменные ядра в три пуда весом.

Корнелий Крейс, – прихлебывая кофе:

– Наши корабли каменных ядер не употребляют. Мы стреляем чугунными ядрами по восемнадцати и по тридцати фунтов весом. Оные пронизывают неприятельский корабль сквозь оба борта.

Гассан-паша чуть поднял красивые брови:

– Мы немало удивились, увидев, что в царском флоте прилежно служат англичане и голландцы – лучшие друзья Турции...

Корнелий Крейс – со светлой улыбкой:

– О Гассан-паша, люди служат тому, кто больше дает денег. Голландия и Англия ведут прибыльную торговлю с Москвией. С царем выгоднее жить в мире, чем в войне. Московия столь богата, как никакая другая страна на свете.

Гассан-паша – задумчиво:

– Откуда у царя столько кораблей, господин вице-адмирал?

– Московиты выстроили их сами в два года...

– Ай-ай-ай, – качал чалмой Гассан-паша.

Простились. Подойдя к трапу, Корнелий Крейс крикнул сурово:

– Эй, Петр Алексеев!..

– Здесь! – торопливо отозвался голос.

Петр, за ним Алексашка выскочили из люка, на обоих – красные фески.

Вице-адмирал помахал адмиралу шляпой, сел на руль, шлюпка помчалась к берегу. Петр и Алексашка, налегая на гнущиеся весла, весело скалили зубы.

Муртаза-паша больше ничего не мог придумать: плывите, аллах с вами. Петр вместе с флотом вернулся в Таганрог. Двадцать восьмого августа «Крепость», взяв на борт посла, дьяка и переводчиков, сопровождаемый четырьмя турецкими военными кораблями, обогнул керченский мыс и при слабом ветре поплыл вдоль южных берегов Крыма.

Турецкие корабли следовали за ним в пене за кормой. Ветер свежел. Памбург поглядел на небо и велел прибавить парусов. Тяжелые турецкие корабли начали заметно отставать. На переднем взвились сигналы: «Убавьте парусов». Памбург уставился в подозрную трубу. Выругался по-португальски. Сбежал вниз в кают-компанию, богато отделанную ореховым деревом. Там, у стола на навощенной лавке, страдая от качки, сидел посол Емельян Украинцев – глаза закрыты, снятый парик зажат в кулаке. Памбург – бешено:

– Эти черти приказывают мне убавить парусов. Я не слушаю. Я иду в открытое море. Украинцев только слабо махнул на него париком.

– Иди куда хочешь.

Памбург поднялся на корму, на капитанский мостик. Закрутил усы, чтобы не мешали орать:

– Все наверх! Слушать команду! Ставь фор-бом-брамсели... Грот... Крюс-бом-брамсели... Фор-стенга-стаксель, фока-стаксель... Поворот на левый борт... Так держать...

«Крепость», скрипя и кренясь, сделал поворот, взял ветер полными парусами и, уходя, как от стоячих, от турок, пустился пучиной Евксинской прямо на Цареград...

Под сильным креном корабль летел по темно-синему морю, измятому норд-остом. Волны, казалось, поднимали пенистые гривы, чтобы взглянуть, долго ли еще пустынно катиться им до выжженных солнцем берегов. Шестнадцать человек команды, – голландцы, шведы, датчане, все – морские бродяги, поглядывая на волны, курили трубочки: идти было легко, шутя. Зато половина воинской команды – солдаты и пушкеры – валялись в трюме между бочками с водой и солониной. Памбург приказывал всем больным отпускать водки три раза в день: «К морю нужно привыкать!»

Шли день и ночь, на второй день взяли рифы, – корабль сильно зарывался, черпал воду, пенная пелена пролетала по всей палубе. Памбург только отфыркивал капли с усов.

Ясным утром второго сентября юнга, калмычонок, закричал с марса, из бочки: «Земля!» Близилась голубоватые, холмистые очертания берегов Босфора. Прилетели чайки, с криками кружились над высокой резной кормой. Памбург велел свистать наверх всех: «Мыться. Чистить кафтаны. Надеть парики».

В полдень «Крепость» под всеми парусами ворвался мимо древних сторожевых башен в Босфор. На крепостном валу, на мачте, взвились сигналы: «Чей корабль?» Памбург велел ответить: «Надо знать московский флаг». С берега: «Возьмите лоцмана». Памбург поднял сигналы: «Идем без лоцмана». Пушкеры стояли у пушек, солдаты – при мушкетах на шканцах.

Памбург с офицерами поехал в Перу к некоторым европейским послам спросить о здоровье. Голландский и французский послы приняли русских ласково, благодарили и виноградным вином поили за здоровье царя. К третьему поехали на подворье – к английскому послу. Слезли с лошадей у красного крыльца, постучали. Вышел огненнобородый лакей в сажень ростом.

Придерживая дверь, спросил, что нужно? Памбург, загоровшись глазами, сказал, кто они и зачем. Лакей захлопнул дверь и не слишком скоро вернулся, хотя москвиты ждали на улице, – проговорил насмешливо:

– Посол сел за стол обедать и велел сказать, что с капитаном Памбургом видаться ему незачем.

– Так ты скажи послу, чтобы он костью подавился! – крикнул Памбург.

Бешено вскочил на коня и погнал по плоским кирпичным лестницам, мимо уличных торговцев, голых ребятишек и собак, вниз на Галату, где еще давеча видел в шашлычных и кофейных и у дверей публичных домов несколько своих давних приятелей.

Здесь Памбург с офицерами напился греческим вином до изумления, шумели и вызывали драться английских моряков. Сюда пришли его приятели – штурмана дальнего плавания, знаменитые корсары, скрывавшиеся в трущобах Галаты, всякие непонятные люди. Их всех Памбург позвал пировать на «Крепость».

На другой день к кораблю стали подплывать на каюках моряки разных наций – шведы, голландцы, французы, португальцы, мавры, – иные в париках, в шелковых чулках, при шпагах, иные с головой, туго обвязанной красным платком, на босу ногу – туфли, за широким поясом – пистолеты, иные в кожаных куртках и зюйдвестках, пропахших соленой рыбой.

Памбург в обсыпанном серебряною пудрой парике, в малиновой куртке с лентами и кружевами, – в одной руке – чаша, в другой – платочек, – разгорячась, говорил гостям:

– Понадобится нам тысяча кораблей, и тысячу построим... У нас уж заложены восьмидесятипушечные, стопушечные корабли. На будущий год ждите нас в Средиземном море, ждите нас на Балтийском море. Всех знаменитых моряков возьмем на службу. Выйдем и в океан...

– Салют! – кричали побагровевшие моряки. – Салют капитану Памбургу!

Затягивали морские песни. Стучали ногами. Трубочный дым слоился в безветрии над палубой. Не заметили, как и зашло солнце, как аттические звезды стали светить на это необыкновенное пиршество. В полночь, когда половина морских волков храпела, кто сваясь под стол, кто склонив поседевшую в бурях голову между блюдами, Памбург кинулся на мостик:

– Слушай команду! Бомбардиры, пушкари, по местам! Вложи заряд! Забей заряд! Зажигай фитили! Команда... С обоих бортов – залп... О-о-огонь!

Сорок шесть тяжелых пушек враз выпыхнули пламя. Над спящим Константинополем будто обрушилось небо от грохота... «Крепость», окутанный дымом, дал второй залп...

А.П. Соколов. Упущенная победа

История Военно-морского флота состоит не только из одних побед. И в молодом русском флоте, созданном гением Великого Петра, не все на первых порах шло гладко. Но и из анализа причин неудач прилежный исследователь военно-морского искусства может извлечь для себя пользу ничуть не меньшую, чем из разбора слагаемых побед. Приведенный ниже материал показывает, насколько важны тщательное планирование совместных действий в бою, надежная связь, инициатива и дисциплинированность всех командиров и подчиненных. Пример последнего являет сама особа основателя русского флота.

В 1713 году было предпринято завоевание Финляндии, важность которой в глазах Государя показывают следующие строки его письма графу Апраксину: «Ничем так шведов к резону и к склонности к миру не приведем как Финляндией, откуда все они довольствуются». С начала весны Государь отправился к Гельсингфорсу²⁵ на 200 гребных судах с 16 000 войска. Гельсингфорс был оставлен неприятелем, перешедшим в Борго; туда пошли и наши войска, а Государь возвратился в Кронштадт, чтобы выслать в море эскадру.

В Ревеле²⁶ стояли тогда четыре корабля («Виктория», «Штрафорт», «Британия» и «Акс-форт») и один фрегат («Лансдоу»), только что приведенные из Англии, где они куплены.

План похода, в поданном 7 июля от шаутбенахта²⁷ (Государя) «мнении», определен так:

«1. Чтoб флоту идти к Ревелю; иметь впереди три корабля легких на парусах и чтoб оные были в виду, дабы дали знать о неприятеле заранеее.

2. Ежели неприятель силен, то поворотиться назад. Ежели неприятель бессилен, то оногo гнать сколько можно и чинить поиск, а к Ревелю послать тотчас указ, чтoбы шли корабли, которые у Ревеля, к Кроншлоту.

3. Ежели поиск получит или уйдут, а уведаются подлинно, чтo неприятель не силен, то искать вице-адмирала шведского в Гельсингфорсе запереть».

Государь хотел сам участвовать в этой кампании в звании шаутбенахта, но Крюйс настоятельно отсоветовал это, представляя, чтo Государь для блага своего государства не должен подвергать себя опасностям, и, приписывая многие примеры бедствий, даже отклонял Государя от поездки в армию. Петр оскорбился. «Восемнадцать лет, – отвечал он, – служу (о чем пространно не пишу, понеже всем известно) и в коликих²⁸ баталиях, акциях и белаграх²⁹ был, везде от добрых и честных офицеров прошен был, дабы не отлучался; как и последняя нынешняя моя отлучка из Голландии, где не только от своих, но и от датских и саксонских генералов о том прошен был, дабы там остался, а не отсылан, и дабы дома, яко дитя остался. Я думаю много причин о сем, но ныне до времени оставляю, дабы никакого препятства дать сему добромu случаю, и того ради, где не желают – оставляю свою команду; однако ж, дабы я ни в чем причиной не был к нерадению, свое мнение предлагаю. Хотя таким или иным образом, только б корабли ревельские сюда в целости препровождены были, в чем и прочем может и г. вице-адмирал ответ дать». На примеры же, приводимые Крюйсом, Государь написал следующие язвительные ответы:

---

²⁵ Хельсинки.

²⁶ Таллинн.

²⁷ Контр-адмирал.

²⁸ Скольких.

²⁹ Осадах.

Предложение	Ответ
Адмирал Обдам, будучи в датском флоте, от шведов в баталии от пороха корабль разорвало.	Дворянин Никита Долгой, ехав Окою, имел бочонок пороха, который взорвало; ему ногу переломило и многих обожгло.
Адмирал Крус на большом шведском корабле, именованном «Три короны», который был против датских, от пороха также взорвало.	Окольный Засекин свинным ухом подавился.
Адмирал Шофель потерял свой корабль на одном камне; чуть не всех людей потерял.	Ивана Ивановича Бутурлина палаты задавили.

Адмирал Коломбург через четыре года только на малое время отлучился от своего корабля, но оный от пороха разорван был.	Год тому назад, как делали фейерверк на Москве, и тогда, только я вышел, подорвало и подполковника Страсбурга, Франца Тиммермана и прочих сожгло, о чем многие помнят.
Адмирал Рюйтер сказывал, дабы морские люди были опасны, что они не так далеко от смерти, как одна доска от корабля имеет.	Неопасение человеку везде вредит.
Адмирал Тромп сказал: «Счастье и несчастье в баталии многая состоит в одной пулке».	Бояться пулки — нейти в солдаты; или кому деньги дороже чести, тот оставь службу.
Ежели Вашего Царского Величества флот (от чего Боже спаси) будет осажден от неприятеля, или от непогод какое препятствие учинится.	Азардовать* ни волят не советуют, а деньги брать и не слушать стыдно.
Когда в туманное время флот друг от друга разойдутся, а зело мало штурманов при флоте Вашего Царского Величества.	Что же о штурманах надлежит, то и в сем море до Ревеля ничего не пользуют, кроме лопманов.

Азардовать³⁰

Выше мы сказали, что Государь подал свое «мнение» о походе как шаутбенахт; Крюйс просил подтвердить это мнение «указом». Шаутбенахт отвечал как Государь:

«Пишет ваша милость, чтоб мне письмо мое подтвердить. Я не знаю более что писать, ибо я свое мнение вам уже объявил за подписанием своей руки, которое и ваша милость хвалите; и ежели оное добро есть, извольте так делать, будете иначе — только б в пользу было. И не извольте терять времени, а именно, чтоб корабли ревельские сюда препроводить. Что же примеры пишете (против чего я и свои прилагаю), а особливо Тромпово, что счастье и несчастье состоит в одной пулке, я вашей милости никогда не советовал чинить азардов, ниже десператно³¹ что чинить; безмерному же опасению, которое ваша милость имеете, не могу следовать и не могу знать. В письме своем пишете, что готовы от всего сердца исполнить сие дело, а столько примеров страшных в другом письме даете. И тако прошу: или извольте делать, или кому вручить сие дело, дабы в сих переписках не потерять интереса».

Отсюда видно, каковы были тогдашние отношения Крюйса к Государю. Послушный подчиненный, Государь не скрывал своего гнева на адмирала, насильно склонившего его отказаться от похода.

³⁰ Азардовать (азартовать, газардовать) — идти на риск, отваживаться.

³¹ Отчаянно смело.

Корнелий Крюйс

...9 июля эскадра вступила под паруса. Впереди на расстоянии около мили были четыре мелких судна, «заставные» или крейсера: «Самсон», «Св. Петр», «Св. Павел» и «Наталия»; прочим судам, хотя и была назначена линия, но по неловкости или небрежности линия не устраивалась и все шли как попало. Крейсера имели довольно определенную инструкцию, прочие командиры – никакой. Только адмирал постоянно говаривал подчиненным, чтобы при встрече с неприятелем порошу понапрасну не тратили, а сойдясь борт о борт, выстрелить всем лагом, закрыть нижние порты и сцепиться на абордаж; такие наставления он подтверждал и на обеде у себя перед отправлением в море.

Около полудня 10-го, когда эскадра находилась между о. Соммерса и Лавенсаари, крейсера сообщили, что впереди три неприятельских судна.

Ветер был нашим, попутный и тихий; поставили лисели и в пятом часу неприятеля «в вид взяли» – увидели с палубы. Адмирал призвал на совет бывших вблизи капитан-командиров Шельтинга и Рейса, также капитана своего корабля Фангента, прочитал им свои инструкции, и на общем совете положено: гнаться за неприятелем до ночи, а ночью идти в Ревель, чтобы соединиться с находящимися там кораблями, «дондеже подлинное известие о неприятеле будет³²». Неприятель становился все ближе, когда вместе с наступившей ночью ветер затих и спустился туман. Убрав лисели, некоторые суда стали буксироваться, другие не буксировались, и это еще более растянуло и то уже нестройную линию. Во втором часу ночи подул попутный ветерок с востока, туман очистился, – вскоре возшло солнце – и неприятельские

---

³² Пока не будет достоверных известий о неприятеле.

суда снова открылись впереди по курсу. Это было около Гельсингфорса. Адмирал, а за ним и оба капитан-командора подняли красные флаги – сигнал погони, поставили все паруса и в часу пятом передовые суда стали перестреливаться. Корабли «Антоний», «Полтава» и «Выборг» пошли вперед и, готовые к abordажу, ожидали только повеления главнокомандующего. В это время неприятельские суда вдруг привели к ветру, будто вызывая на битву. Но они обходили только подводный камень и, обойдя его, снова спустились. Нашим эти места не были известны, и, продолжая свой прежний курс, корабль «Выборг» взлетел на камень: паруса были немедленно убраны, красный флаг спущен, сделав сигнал бедствия. За «Выборгом» шел адмирал на корабле «Рига», не успел отворотить и тоже приткнулся. К довершению смущения адмирала, неприятельское ядро пробило у него крюйт-камеру; поднявшуюся от того пыль сочли дымом и закричали «пожар!». Флаг погони спустили.

На корабле «Св. Антоний» еще развевался красный флаг погони, и командор Рейс, как старший должен был принять команду, когда адмирал отказался от нее. Но Рейс, а с ним и другие, ожидали условного знака к абордингованию. Этот условный знак должен был состоять из двух выстрелов. Адмирал его не сделал; потому, как объяснял он перед судом, что этот сигнал употребляют только в линии баталии, а в настоящем случае он был совсем не нужен, ибо когда велено идти в погоню, то всякому известно, как надобно поступать. Как бы то ни было, но Рейс, в это время сошедшийся на близкий пушечный выстрел и имевший у себя пробитою крюйт-камеру, сделал залп и поворотил. За ним поворотили и другие.

Адмирал, хлопотавший о снятии своего корабля с камня, между тем призвал бывшего ближе других командира судна «Диана» и хотел переехать к нему. Когда тот приехал, наши суда уже бежали от неприятеля. «Теперь поздно!» – сказал Крюйс, остался на своем корабле, часа через два стянул его, потом поехал на «Выборг» и употребил все усилия облегчить его. Эскадра стала на якорь.

Собранные на совет командиры судов решили, чтобы корабль «Выборг», ежели окажется невозможным снять, сжечь. К вечеру он переломился. Между тем избежавшие погони шведские суда соединились со своей эскадрой и на радостях палили из пушек.

И на другой день на рассвете наши зажгли оставленный корабль и пошли на Ревель.

«В жизнь мою, – писал Крюйс Апраксину, – такой трудной и печальной кампании не имел, как нынешнюю».

Шведы ушли в Гельсингфорс. После неудачи в погоне за ними мы уже не решались действовать наступательно со стороны моря и потому пропустили случай запереть их здесь; напротив, мы сами очень боялись, чтобы самих нас не заперли в Ревеле, и выполняя главнейший пункт инструкции, 25-го того же месяца, выбрав способный ветер и взяв с собой ревельские корабли, «во имя Господне» пришли в Кронштадт.

Общественное мнение сильно обвиняло Крюйса, и Государь был глубоко огорчен неудачей.

Горячо и гордо оправдывался Крюйс. Он укорял своих подчиненных в неисполнении их долга, доказывая, что капитан Дегрюйтер поворотил еще во время погони (чтобы спасти упавшего матроса); доказывал параграфами законов и примерами, что, с одной стороны, он должен был спустить красный флаг погони, с другой – прочие не должны были принять это за сигнал отступления, ибо в последнем случае он поднял бы белый флаг, и на противное этому замечание капитана Рама отвечал, что морское искусство «выше его ума», и что «он, зная лучше рейтарскую, нежели матросскую службу, может быть думает, что кораблем управляют как лошадь»; даже обвинял командиров судов, что они «намерение имели вице-адмирала передать в руки неприятеля»...

Но обвинения против него были сильны. Особенно восставал капитан-командор Шельтинг, называя Крюйса «глупцом», позорящим всех иностранцев в России, настоящим винов-

ником такой богатой потери, какую имели не только в трех видимых неприятельских кораблях, но и в других, которыми была возможность овладеть.

Выписываем здесь приговор суда:

«Вице-адмирала Корнелиуса Крюйса за его преступления, за неисполнения его должности *расстрелять*.

Капитан-командора Шельтинга, который был достоин жестокого наказания, но понеже ордера не имел, того ради от жестокого наказания избавляется, но осуждается быть в *младших капитанах*.

Капитан-командора Рейса за его преступления, за неисполнения его должности *расстрелять*.

Капитана Дегрюйтера за неисполнения его должности *выбить из сей земли без абшишту*³³».

Затем [была] объявлена монаршая милость. Крюйса, «взяв чин», послать в Tobольск; Рейса, завязав глаза, привязать к позорному столбу и приготовить к расстрелянию, а потом сослать в Сибирь; с Шельтингом и Дегрюйтером велено было поступить по приговору.

Крюйс был сослан не в Tobольск, а в Казань и пробыл там около года. Есть предание, что будто по возвращении Крюйса из ссылки, Государь сказал ему: «Я на тебя более не сержусь!», и что тот отвечал: «И я перестал сердиться».

(*Морской сборник, 1849, т.2. № 1, с. 60–76*)

---

³³ В данном случае – без письменного уведомления об отставке и рекомендаций.

Журнал графа Апраксина

Выдержки из Журнала генерал-адмирала графа Ф.М. Апраксина показывают, насколько тщательной была подготовка к Гангутскому сражению (1714 г.), включая сюда чуть ли не ежедневную рекогносцировку неприятельского флота самыми высокими чинами русского командования. Видно также, что свои морские чины основатель нашего флота получал не напрасно, постоянно находясь в гуще военных событий.

Май

В 7-й день в Санкт-Петербурге приготавливались к маршу и все люди были в готовности.

В 8-й день пополудни все скампавеи³⁴ поставлены на якорь по эскадрам, которых обреталось в каждой партикулярной эскадре по 11, а в генеральной по 33, всего 99 скампавей³⁵.

В 9-й день пополудни после обедни, по прибытии генерал-адмирала на его полугалеру, поднят флаг, также и в прочих эскадрах чинилось...

В 10-й день прибыли в Кроншлот.

В 11 день все скампавеи введены в гавань и люди спущены на берег. Поручен авангард генералу Вейде, поскольку ЕЦВ³⁶ изволили принять команду корабельную³⁷.

В 13 день приготавливались к походу, но удержаны были за противным ветром и льдом.

В 16 день получена ведомость от генерала князя Голицына, что лед от Гельсингфорса в шхерах очистился.

В 20 день в 11-м часу пополуночи учинен сигнал на адмиральской галере: тогда все скампавеи выходили из пристани и шли всю ночь.

В 21 день поутру прибыли на последние Березовые острова, где на виду явился лед через весь пролив к Выборгу. Вечеру прибыл на скампавее ЕЦВ.

В 22 день из-за наступающего льда, дабы не учинилось повреждения судам, определили, чтоб отступить к первым Березовым островам, а для проведывания льда оставлено 9 скампавей...

В 29 день всем гребным судам учинена экзерциция: вначале по эскадрам партикулярным, потом по эскадрам генеральным, которого действия было до захождения солнца.

В 31 день пополудни ЕЦВ учинил путь свой на кораблях, тогда учинен сигнал гребным судам, чтоб шли от пристани.

Июнь

Во 2 день ветер противный.

В 3 и 4 день ветер был противный же.

В 6 день за противным ветром принуждены стоять.

В 7 день ветер противный же от веста, и для того принуждены стоять.

В 8 день за противным ветром стояли.

В 11 день прибыли к Гельсингфорсу.

В 13 день непрестанно трудились исправлением судов и выгрузкой провианта и приготвлением с собой сухарей.

---

³⁴ Малая галера (полугалера) – гребное военное судно, которое несло и косые паруса. Вооружение – одна-две пушки малого калибра, расположенные в носовой части корабля. Вмещала до 150 солдат для ведения abordажного боя.

³⁵ Генеральные эскадры гребного флота (авангард, кордебаталия и арьергард, т. е. передовой отряд, основные силы и замыкающий отряд) состояли из трех партикулярных эскадр.

³⁶ Его Царское Величество.

³⁷ Состоящую из линейных кораблей.

В 16 день поутру прибыл генерал князь Голицын (и рапортовал) о состоянии армии ЕЦВ, обретающейся в Або³⁸; он же привез 2 [шведских] дезертиров, которые на допросах сказали, что неприятельский флот состоит в 16 кораблях линейных, от 60 до 70 пушек, 2 бомбардирских галеота да 8 галер; команду имеют адмирал Ватранг, вицеадмирал Лилий³⁹, шаятбенахт Таубе; из тех кораблей по 7 и по 8 с вице-адмиралом и шаятбенахтом крейсируют в море, а остальные стоят у Гангута.

В 17 день имели консилиум с генералом князем Голицыным, чтоб ему с полками, которые в Або, быть в Пое-кирке и там посадить на скампаваи.

В 20 день поутру били на гребных судах сбор, чтобы все люди были во всякой готовности, а около полудня прибыл на полугалере генерал-адмирал и учинил сигнал к походу, но поскольку ветер был противный, того ради принуждены были стоять при Гельсингфорском устье.

В 24 день, 3 часа пополуночи, пошли и вошли в залив к Пое-кирке перед вечером.

В 25 день оставлено 30 скампавай для дивизии генерала князя Голицына. Того ж числа послано несколько скампавай с капитаном Георгием для проводывания о неприятельском флоте.

В 26 день перед вечером капитан Георгий прибыл и рапортовал, что он видел неприятельские корабли, стоящие близ Гангута.

В 27 день поутру, оставив бомбардирские суда и прамы и на дивизию генерала князя Голицына 33 скампаваи, и с остальными 66 скампаваеями, по отправлении обыкновенного моления и молебного пения, подняв якорь, от Пое-кирки пошли...

В 28 день о полудни пришли и ночевали, не доходя до деревни Твереминд⁴⁰ за четверть мили, где прошлой кампании неприятельские корабли стояли, для осмотра которых послан к Гангуту на шлюпках капитан-командор Змаевич, который рапортовал, что неприятельских 17 кораблей стоят близ Гангута, а 7 крейсируют от оста к весту; при кораблях, которые у Гангута, 6 галер.

В 29 день, в 4 часа пополуночи, стали при деревне Твереминд. Того же числа командировано 600 человек солдат к Гангуту, где стоят неприятельские корабли, для осмотра местности, где делать батареи.

В 30 день г-н генерал-адмирал с генералом Вейде и другими морскими и сухопутными офицерами на шлюпках ездили для осмотра неприятельских кораблей.

Июль

В 1 день г-н генерал-адмирал с генералитетом и штаб-офицеры ездили поутру рано для осмотра кораблей неприятельских. По возвращении приготовлены письма ЕЦВ.

В 3 день поутру командировано к Гангуту сухим путем 3 батальона солдат лейб-гвардии с майором Волковым, и за ними г-н генерал-адмирал с генералом Вейде и другими штаб-офицерами ездили для осмотра мыса Гангутского и неприятельских кораблей.

В 6 день поутру рано генерал князь Голицын поехал на шлюпке к Пое-кирке для привода оставленных там скампавай.

---

³⁸ Турку.

³⁹ Лиллье.

⁴⁰ Твереминне.

Ф.М. Апраксин

В 8 день командирован с 2 батальоны к Гангуту на смену майору Волкову полковник Равенштейн, и при прибытии полковник рапортовал, что неприятельские боты подъезжали к берегу и мерили воду.

В 9 день неприятель, придя к тому месту, где тот полковник обретался, с несколькими фрегаты близ берега стрелял из пушек и бомбардировал.

Того ж числа на оставленных при Пое-кирке скампавеях прибыл к Твереминду генерал князь Голицын.

В 12 день поутру послан был г-н генерал Вейде и капитан-командор Змаевич для осмотра неприятельского флота к Гангуту.

В 14 день поутру г-н адмирал с господами генералы ездили на шлюпке для осмотра неприятельского флота.

В 20 день перед полуднем прибыл к Твереминду на скампавее ЕЦВ и стрелял из 5 пушек; против того ответствовано с адмиральской полу-галеры из 3 пушек⁴¹.

В 21 день ЕЦВ и генералитет ездили на шлюпке для осмотра неприятельского флота.

В 22 день ездили для осмотра неприятельского флота к Гангуту.

В 23 день пополудни ездили для осмотра того места, где можно перетаскивать суда, а к вечеру командировано туда для делания мостов от полков по 100 человек.

В 25 день пополудни стала слышна немалая стрельба в море, и потом рапортовали с брантвахты⁴² г-на генерал-адмирала, что та стрельба было от крейсеров шведских; потом в 14

---

⁴¹ Царь обменялся с адмиралом положенным салютом, причем по количеству выстрелов можно судить, что последний отвечал ему как подчиненному по званию шаутбенахту.

⁴² Сторожевого дозора.

парусах вице-адмирал их Лилий пошел в море, для чего много размышляли, для чего такая стрельба.

И того же числа перед вечером г-н генерал-адмирал отправил в море [к 15 скампавеям, которые стояли близ неприятельского флота] 20 скампавей под управлением Господина Шаутбенахта Корабельного⁴³; и для обсервации⁴⁴ упомянутый Господин Шаутбенахт всю ночь был при тех скампавеях. И когда Господин Шаутбенахт прибыл к своему караулу и осмотрел, что шведский адмирал Ватранг с 6 кораблями линейными и 3 фрегатами стоит на прежнем месте против Гангута, а вице-адмирал идет на зюйд-ост, рассуждали, что или к Ревелю или в Твереминд, где наш гребной флот обретался, есть неприятельское намерение.

В 26 день в 6 часу пополудни г-н генерал-адмирал поехал на шлюпке к караулу, где обретался Господин Шаутбенахт и, по многих воинских советах, взял резолюцию: послать 20 скампавей объехать неприятельский флот [поскольку было тихо], что и учинено было под командой капитан-командора Змаевича в 9 часу пополудни. И когда неприятель усмотрел наши скампавеи, тотчас адмирал со своего корабля учинил сигнал, что также учинили с двух кораблей, которые были под флагом шаутбенахтов, и потом буксировали свои корабли к нашим скампавеям шлюпками и ботами как возможно скоро и на наших зело жестоко палили; однако те скампавеи в шхеры счастливо прошли; и потом была слышна в шхерах из пушек многая стрельба, и рассуждали, не имел ли неприятель для одержания⁴⁵ там батарей, однако, как потом известись, – стреляли с наших скампавей по одному неприятельскому боту. И потом, когда г-н генерал-адмирал усмотрел, что наши первые 20 скампавей прошли, тогда дан указ бригадире Лефорту, чтоб на 15 скампавеях, если возможно пройти, за первыми следовали. И хотя неприятель более трудился – корабли свои буксировать, к тому же начался малый ветер, что более способствовало неприятелю, шли к нашим скампавеям, лавируя, и из пушек довольно стреляли, однако наши, несмотря на то, что шли на гребле зело порядочно, в шхеры вошли и встретились с первыми благополучно. Потом шведский адмирал поднял белый флаг для возвращения своего вице-адмирала, а г-н наш генерал-адмирал положил, чтоб со всем гребным флотом пробиваться сквозь неприятеля. В то же время, когда отправлял г-н генерал-адмирал скампавеи, получил ведомость, что явились 1 фрегат, и 6 галер, и 2 шхербота неприятельских близ того места, где наши намерены были сделать мост для перетаскивания судов, для чего послано 2 указа к капитан-командору Змаевичу, дабы он трудился оные суда атаковать и, с помощью Божией, чинить над ними воинский промысел.

И потом г-н генерал-адмирал и Господин Шаутбенахт в 3 часу пополудни возвратились в Твереминд, где Господин Шаутбенахт немедля поехал для осмотра судов неприятельских к тому месту, где мы строили мост; а на полугалере генерал-адмирала учинен сигнал о походе, и шли со всеми скампавеями до последнего острова, где был наш караул, но поскольку была весьма ночь темна, при прибытии неприятельского вице-адмирала, как те стали видеть было невозможно, умедлили до утра. В то время получена ведомость от капитан-командора Змаевича, что он неприятельские суда атаковал, и уйти [они] не могут.

В 27 день в 3 часу призваны господа генералы Вейде и князь Голицын и имели совет, каким образом удобнее неприятельский флот обойти: ибо он всеми кораблями, более 30 парусов, тот курс, где наши скампавеи первые шли, заступил; и за благо определили, чтоб идти от внутренней стороны, не огребая неприятеля, и в 4 часу пополудни пошли от того острова, где был наш караул, все скампавеи; в авангарде шел г-н генерал Вейде, за ним следовал г-н генерал-адмирал, потом в арьергарде генерал князь Голицын. И когда неприятель наши скампавеи усмотрел, их корабли, распустив паруса, трудились, чтоб приблизиться, но за настоя-

---

⁴³ Так в журнале именуется Петр I.

⁴⁴ Наблюдения.

⁴⁵ Сдерживания.

щей тишиной⁴⁶ не могли скоро прибыть; а 3 корабля их к вестной⁴⁷ стороне буксировались к нашим скампавеям шлюпками и ботами весьма скоро и, приблизившись, стреляли из пушек жестоко, а именно могли счесть 250 выстрелов. Однако, с помощью Божией, наши скампавеи прошли счастливо и так безвредно, что только одна скампавея стала на камень, и с той несколько людей шлюпками сняли, а с остальными неприятель взял, поскольку неприятельский линейный корабль к той скампавее зело приблизился, к тому же 2 бота и несколько шлюпок атаковали и сикурсовать⁴⁸ стало невозможно; прочие все, как суда, так и люди, безвредно прошли, только одному капитану ногу отбили. Когда, пройдя неприятельский флот, вошли в шхеры, получили ведомость, что капитан-командор Змаевича с первыми скампавеями, где атаковал неприятельскую эскадру, не более мили обретаются, и для того г-н генерал-адмирал рассудил за благо и трудился, чтоб со всеми скампавеями идти и встретиться с ним, куда и прибыли о полудни, увидели неприятельский атакованный фрегат, стоящий на якоре, и при нем по обе стороны в линию по 1 шхерботу и 3 галеры. И того ради г-н генерал-адмирал учредил флот в бою следующим образом: от авангарда под командой Господина Шаутбенахта Корабельного и г-на генерала Вейде; с правой стороны для абординирования неприятельских галер на 9 скампавеях упомянутый командор Змаевич, с левой стороны со столькими же скампавеями бригадир Волков и капитан Лука Демьянов; посередине бригадир Лефорт с 11 скампавеями. Таким же образом распределены были от кордебаталии и арьергарда. И потом послан генерал-адъютант Ягужинский к командиру той шведской эскадрой шаутбенахту Эреншельду, чтоб сдался без пролития крови, но тот ответствовал, что того учинить не может. Тогда, видя их упорство, г-н генерал-адмирал дал сигнал авангарду нашему атаковать, которая атака началась 2 часа пополудни и продолжилась даже до 5 часа; и хотя неприятель несравненную артиллерию имел перед нашими, однако, по жестоком сопротивлении сначала галеры одна за одной, а потом и фрегат флаги свои опустили; однако так крепко стояли, что ни одно судно без абординирования от наших не отдалось⁴⁹. Потом шаутбенахт, вскочил в шлюпку со своими гренадерами и хотел уйти, но от наших пойман, а именно Ингерманландского полка капитаном Бакеевым с гренадерами.

Того же числа, как баталия окончилась, без промедления г-н генерал-адмирал учинил сигнал со всеми судами идти опять к Гангуту, дабы неприятель не мог то место флотом своим занять, и ночевали близ Гангута, где наш был караул, куда и завоеванные суда все приведены.

В 28 день получена ведомость, что флот неприятельский от Гангута отступил.

В 31 день на полугалере адмиральской был благодарственный молебен, по окончании которого Господин Шаутбенахт, отъехав на свою скампавею, начал стрелять из пушек, что чинили со всех скампавей троекратно, между тем, по выстреле из пушки, троекратно же стреляли из мелкого ружья. И так с сим триумфом столь преславная виктория окончилась.

(Гангут. 1714, т. 1, с. 81–98)

---

⁴⁶ Безветрием.

⁴⁷ Западной.

⁴⁸ Оказывать помощь.

⁴⁹ «Воистину, нельзя описать мужество наших, как начальных, так и рядовых, поскольку абординирование так жестоко чинено, что от неприятельских пушек несколько солдат не ядрами и картечами, но духом пороховым от пушек разорваны», – так живописует сражение петровский «Журнал 1714 года» (Материалы для истории Гангутской операции. Вып. 3. Пг., 1914. С. 85).

Указ о разграничении власти морских и сухопутных начальников на кораблях

Это мудрое установление царя, очевидно, немало способствовало успешной координации действий армии и флота в Гангутской баталии.

Поскольку происходят некоторые противности между морскими и сухопутными офицерами, сим указом объявляется.

1.

Поскольку каждый корабль отдан под команду одному офицеру морскому, потому повинны его, как в управлении морском, так и во время баталии, слушать сухопутные, как офицеры, так и солдаты, кто б какого ранга ни был, поскольку на нем то дело положено, и с него спросят.

2.

Если что преступит солдат, то капитану велеть наказать его их офицеру; буде же какая ссора между матросов и солдат будет, розыскать капитану, или кто кораблем командует, самому с офицером сухопутным, кто старше. А поручикам и прочим чинам морским нижним не розыскивать и солдат не бить, разве во время боя, которые в своем деле, где они поставлены, не будут исправлять, тогда тех поручикам и подпоручикам тростью или шпагой бить вольно.

3.

Провиант иметь вместе, и о всем сухопутным офицерам спрашивать командующего кораблем офицера. Сей указ на каждом корабле публиковать, дабы неведением никто не отговаривался.

Дан на корабле «С. Екатерина» мая в 29 день 1714 года

Петр

(Гангут. 1714, т.1, с. 60–61)

«Дело» подполковника Бордовика

Материалы расследования, состоявшегося в 1715 г., проливают свет как собственно на порядок военно-судебного делопроизводства петровской эпохи, так и на любопытные подробности Гангутской баталии и даже на быт и нравы петровского воинства. Во-первых, оказывается, что военные суды работали тогда достаточно четко и тщательно разбирали дела; во-вторых, при Гангуте отдельные командиры «партикулярных» эскадр, о которых речь шла в журнале графа Ф.М. Апраксина, вели в бой свои скампаवेи, находясь в шлюпках, очевидно, для лучшего обозрения линии и мобильности; в-третьих, требования Петровского устава о запрещении материцины в армии и на флоте выполнялось ревностно.

Сего февраля в 4 день [1715 г.] в донесении Нижегородского пехотного полка фискала⁵⁰ объявлено, что в прошлом 1714 году сентября 13 дня был он, фискал, на квартире у капитана Мартына Камолы, и он-де, капитан, говорил про г. подполковника Якова Бордовика, что-де тот подполковник во время баталии, как фрегат брали, ушел в шлюпку за каюты и простоял за рулем, а после баталии тот подполковник взошел на скампавею и не велел никому идти на неприятельские суда; а говорил ему, фискалу, тот капитан при подпоручике Алексее Лбове.

И сего февраля в 10 день капитан Мартын Камол призван был пред г. презеса⁵¹ и ассесоры⁵² и допрашиваем.

Вопрос. В то число, когда фискал был у тебя на квартире, говорил ли ты фискалу про подполковника Якова Бордовика, что тот подполковник, как фрегат брали, ушел в шлюпку за каюты и простоял за рулем, а после баталии тот подполковник взошел на скампавею и не велел никому идти на неприятельские суда?

Ответ. Таких слов не говаривал, а говорил с ним, фискалом, в разговор, а не в доношение, что в начале баталии приезжал к нашей скампавее г. полковник Равенштейн⁵³ и приказал подполковнику сойти в шлюпку и командовать скампавеями, а как стал садиться в шлюпку, в то время выпалили из пушки сигнал до приступа, и приказал мне идти на неприятельский фрегат, а сам поехал в шлюпке. А в общей их команде было 11 скампавей, которым повелено [было] идти на фрегат, и когда пристали к фрегату, и еще стрельба из мелкого ружья не кончилась, тогда г. подполковник прибыл на нашу скампавею и управлял так, как надлежит доброму офицеру, и с нашей скампавеи взошло на фрегат человек с 20, а больше за утеснением и за тем, что фрегат загорелся, людям на фрегат г. подполковник идти не велел, потому как от тесноты многие с фрегата падали в воду.

В. У тебя подпоручик Алексей Лбов был ли, и вышеупомянутые слова слышал ли и на него в том свидетельстве не сошлешься ли?

О. Подпоручик Лбов на квартире у меня был, и слова, которые я с фискалом говорил, слышал, но на него за ссорой не сошлюсь.

В. Какую ты ссору с подпоручиком Лбовым имеешь и почему на него не ссылаешься?

О. В прошлом 1714 году в сентябре, а какого числа не упомяну, пришел тот подпоручик к роте нашей пьян и меня бранил матерно, и по моему челобитью тот подпоручик [был] арестован. Да в нынешнем 1715 году в январе месяце стояли мы с подпоручиком на одной квар-

---

⁵⁰ Согласно петровскому Уставу воинскому, полковой фискал был «смотритель за каждым чином, так ли всякой должности истиной служит и в прочих делах, врученных ему, поступает».

⁵¹ Презес (презус) – председатель военного суда.

⁵² Заседатели.

⁵³ Полковник Равенштейн погиб в Гангутском бою, оттого и возникла необходимость в судебном разбирательстве, поскольку его приказание подполковнику Бордовика надо было подтверждать свидетельскими показаниями.

тире, и тот подпоручик во многое время бывал пьян и во пьянстве чинил мне досаду, и оттого выслал я его в другую квартиру.

И сего же февраля в 11 день подпоручик Алексей Лбов допрашиваем.

В. В прошлом 1714 году в сентябре месяце к роте пьяный на учение приходил ли и капитана Камала матерны бранил ли, и за то по челобитью от подполковника своего Бордовика под арестом был ли?

О. На ученье я был пьян и капитану противно с криком я говорил и за то от г. подполковника Бордовика под арестом по челобитью капитанскому 2 суток был.

В. Будучи на квартире, во многие времена пьяный напивался ли ты, и досаду капитану Камалу чинил ли ты?

О. Будучи на помянутой квартире, пьяный бывал, а досады капитану никакой не чинил, а учинилась у нас с ним, капитаном, ссора за то, что просил он у меня займы вина, и я ему вина не дал, и за то он с квартиры меня сослал и телегу мою с солдатом приказал свести со двора.

От свидетельства упомянутый подпоручик отставлен. И того же числа подполковник Яков Бордовик допрашиваем.

В. Во время баталии, как фрегат брали, уходил ли ты в шлюпку и стоял ли за рулем?

О. Сошел я со скампавеи в шлюпку по приказу командира своего г. полковника Равенштейна, чтобы смотреть за скампавеями, чтоб команды наших скампавей шли порядочно и ни одна от одной не отставали.

В. На свою скампавею как ты прибыл: во время баталии или после?

О. На свою скампавею прибыл я во время баталии, когда начали приставать к фрегату, и стрельба из мелкого ружья не окончилась, и управлял по своей должности, как надлежит.

В. После баталии приказал ли ты, чтобы на неприятельское судно никому не ходить?

О. Во время взятия солдаты на фрегате были, а после за многолюдством и за тем, что фрегат загорелся, солдатам за добычей идти не велел.

Сего же февраля в 12 день подпоручик Нижегородского полка Юрий Нетельгорст допрашиваем.

В. В начале баталии видел ли ты, когда приезжал полковник Равенштейн к вашей скампавее, и, приехав, что говорил подполковнику Бордовика?

О. Перед самой баталией г. полковник Равенштейн приказал ему командовать левым крылом, тремя скампавеями, чтоб шли порядочно; и как выпалили из пушки сигнал до приступа, то подполковник в то же время сел в шлюпку и поехал позади скампавеи и, вынув шпагу, стал своей команды скампавеями командовать.

В. В которую пору приехал подполковник Бордовик на скампавею вашу, и была ли в ту пору из мелкого ружья пальба?

О. Как наша скампавея пристала к фрегату, в то время г. подполковник взошел на скампавею, а в то время фузейная⁵⁴ стрельба не кончалась.

В. Был ли такой приказ от полуполковника⁵⁵ вашего, чтоб после баталии на неприятельское судно никому не ходить?

О. Во время взятия фрегата несколько нашей команды солдат на фрегате были, а как загорелся фрегат, в ту пору для добычи подполковник на фрегат никого пускать не велел, чтоб от пожара утраты людям не было, и управлял г. подполковник свое дело, как надлежит.

Презус приговорил:

---

⁵⁴ Ружейная.

⁵⁵ Устаревшее название чина подполковника.

По доношению фискала явилась во всем неправда, и за ту его неправду надлежит у фиска отнять чин и прогнать его сквозь 2 батальона шпицрутенами⁵⁶ 5 раз и написать в профосы⁵⁷.

(Гангут. 1714, т.2, с. 868–874)

---

⁵⁶ Длинный гибкий прут из ивняка для телесных наказаний.

⁵⁷ Нижний чин, которому поручалось наблюдение за чистотой в лагере и на корабле и исполнение телесных наказаний, проще говоря, – полковой палач. От названия этой незавидной должности произошло слово «прохвост».

Победа русского корабельного флота

Победа эскадры капитана 2-го ранга Наума Акимовича Сенявина у острова Эзель (1719 г.) ознаменовала начало побед русского корабельного флота не только в лихих абордажных боях, но и в регулярных артиллерийских морских сражениях. Н.А. Сенявин, дослужившийся до адмиральского чина, был родоначальником знаменитой морской династии Сенявиных, из которой произошел великий русский адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин, приходившийся ему внуком.

Доношу Вашему Величеству, [что] сего мая против 24-го числа в полночь увидели мы 3 судна, идущих от нас с запада между Эзеля и..., за которыми, сделав сигнал моей эскадры, распустив все паруса, пошел. В начале 3 часа, как стал свет, осмотрели, что [это] два корабля и одна бригантина, до которых в начале 5 часа своим кораблем и другой при мне «Девоншир», дошли в пушечную стрельбу под шведскими флагами, и выпалив ядром из пушки, чтоб показали свои флаги. Потом выпалил еще из пушки, тогда шведский [корабль] командорский брейд-вымпел и флаги свои подняли. Тогда я шведский флаг спустил, и поднял брейд-вымпел и флаг Вашего Величества, и с Божьей помощью против командорского корабля, подняв красный флаг, стали стрелять, и были друг против друга от 5-го часа даже до 9, от которого я получил, что штаги и марсели сбил у меня долой. И для того командорский вымпел взял у меня перед, а задний шведский фрегат нашел на меня; тогда я стал против его носа боком и со всего нижнего дека запалил картечами, который тотчас спустил свой флаг, также и бригантина. А командор шведский расставил все свои паруса и пошел наутек. Я сделал сигнал архангелогородским кораблям, чтоб за ним гнались и его абордировали. А я, исправившись, своим кораблем и шнявой «Наталья» пошел за ними. В начале 12 часа капитаны Шاپизо и Делян командорский корабль догнали и у него стеньги сбили; который также флаг спустил.

Все сие Божьей помощью и Вашего Величества моего Всемиловейшего Государя счастьем сделано без великой утраты людей Вашего Величества. При сем прилагаю реестр взятым кораблям, а также обер- и унтер-офицерам, матросам и солдатам:

корабль «Вахтмейстер»,	
капитан-командор Врангель.....	52 пушки;
фрегат «Карлус-Кронвапен».....	34 пушки;
бригантина «Бернардус».....	12 пушек;
офицеров.....	11;
нижних чинов.....	376.
Всего:	387.

Мая 26-го дня 1719 г. с корабля «Портсмут»

Наум Сенявин

(Морской сборник, 1855, № 4, с. 116–118)

Победа при Гренгаме. (письмо князя М.М. Голицына графу Ф.М. Апраксину)

Славная победа при Гренгаме (1720 г.) русского галерного флота над шведским корабельным приблизила заключение Ништадтского мира (1721 г.), положившего конец Северной войне. Россия показала шведам, что им не стоит надеяться на помощь английского флота, и что русские войска и корабли могут оказаться под стенами Стокгольма значительно раньше, чем союзники смогут прийти им на помощь. Как язвительно писал Петр в письме к А.Д. Меншикову, «...теперь господа англичане полную оборону учинили шведам, как землю их охранили, так и флот».

24-го числа [1720 г.] в 61-й галере и в 29-ти лодках прибыл к острову Беркскер и командировал от себя до кирки Корпо и до капели Гутскер, по абовскому курсу⁵⁸, полковника в 9-ти галерах и в 15-ти лодках осмотреть неприятельские суда, нет ли лежащих в шхерах, поскольку уведомились у Корпострема, что был тут неприятель. И отправив того полковника, 25-го числа следовали мы по курсу к Ламеланду, и как прибыли к острову Мюльке, послан был вперед по курсу нашему для осмотра неприятеля, капитан-командор Дежимон на шлюпках, и возвратившись, рапортовал нам, что видел у острова Риза-Эран галеру шведскую, стоящую на карауле. И я у того острова остановившись, посылал еще того капитан-командора, полковника Гохлизта, подполковника Барыкова, галерного поручика Павла Степанова осмотреть точно, поскольку близко [было] к ночи; и они, возвратившись, рапортовали, что галера стоит, и палили для сигнала из пушки 6 раз, а [мы] до возвращения их следовали с поспешением, и не доходя [той галеры], наступила ночь, для чего принуждены были стать на якорь, а та галера взяла с того места ретираду⁵⁹. А 26-го числа ездили мы на оный осмотреть и как в такую дистанцию подъехали чтоб видеть и усмотрели у острова Риза-Эран две галеры, которые, завидев нас, ретировались к своим, кои стояли позади их в близости, у острова Фрисберг, а именно, по признанию: 1 корабль, 4 фрегата, 3 галеры, 1 шнява, 1 галиот, 3 шхербота и 1 бригантина; а погода была SW⁶⁰, и та абординировать их не допустила. 27-го числа была та ж погода, [шведский] корабль выбуксировали галерами за пролив и за ламеландскую косу; ветер был SSW; а я осмотрев и призвав генералитет, полковников и подполковников, имели совет и предложили, чтоб того дня выйти в гавань к острову Гренгам, и когда погода будет тихая, а те [шведские] суда далече не отступят, чтоб абординировать [их]. И как мы в ту гавань стали то [шведские] суда и еще прибылые с вице-адмиралом Шеблат, на парусах шли к нам в пролив, чего невозможно было начаться; однако же из-за погоды имели отступить в прежнюю свою гавань, а те за нами же азартовали. И усмотрев, что [они] так далеко к заливу пробились, а отмелей и камней много, принуждены в надежде попытаться абординировать [их] и как стали к ним пригребать, тех, в поворотах для пушечной стрельбы и в ретираде, и [из-за того], что снасти перебиты, стало на мель 2 фрегата, которые, хотя только не с жестоким абординунгом⁶¹, достали, а 2 фрегата взяты абординунгом на парусах на свободной воде. А остальные – вице-адмиральский корабль и прочие – ретировались, однако же по возможности гнали, и от вице-адмиральского корабля от кормы видели в воде доски; а нам за ним больше следовать не допустила погода, а более то, что [уже было] близко к морю и место широко; также и с моря еще 2 судна показались, а ежели

---

⁵⁸ Курс на Турку.

⁵⁹ Отступила.

⁶⁰ Очевидно, имеется в виду противный курсу русских галер ветер.

⁶¹ Абордажем.

бы затихло, то ни одного бы судна весьма не упустили⁶². И как то окончили, имели те суда⁶³ ввести к себе в гавань и взятые на тех судах офицеры допрашиваемы, которых допросные речи и ведомости как звание взятым судам, и о скольких пушках, и что взято людей и амуниции, также и наших [сколько] побито и ранено, и сколько галер повреждено при сем посылаю. А точно установив, впредь доносить буду, поскольку за скоростью не успели, ибо принуждены были 28-го числа до 6-го часу пополудни стоять для выгрузки с одного [шведского] фрегата артиллерии, поскольку ход⁶⁴ его 16 3/4 футов, а по курсу воды⁶⁵ такой нет. А с 6-го часу пошел в путь свой и по се число медлю для того фрегата, понеже всю артиллерию выгрузили и еще выгружаем балласт, и мачты снимаем, и потом, ежели провести не сможем, принужден буду с [решения] воинского совета сжечь, поскольку ходу нашего больше 11 футов нет, а в иных местах и 10 футов. По прежнему ВС⁶⁶ указу, в 15-ти галерах, в 15-ти лодках и в 15-ти шлюпках бригадира Барятинского отправлю в Або, а сам с остальными пойду до кирки Поя и ежели за сей убыток⁶⁷ неприятель придет к Гангуту и пересечет наш курс, что ВС укажете нам чинить? А я другого способа не имею, как идти в Або; а ежели неприятель пути нашего не пересечет, придя в Твереминд, отпущу взятые фрегаты с галерами в Гельсингфорс, поскольку надобно их починить; а из Гельсингфорса куда укажете отправить, и на сие донесение буду ожидать ВС указа.

Ведомость взятым судам.

«Сторфеникс» – 34 пушки, дубовый, длина 110 фут, ширина 29 фут 7 дюймов, глубина 13 фут; на нем взято и побито 148 человек.

«Данск-Эрн» – 18 пушек, дубовый, длина 109 фут, ширина 24 фута 2 дюйма, глубина 13 фут; на том взято и побито 90 человек.

«Кискин» – 22 пушки, дубовый, длина 76 фут, ширина 20 фут 2 дюйма, глубина в воде 9 фут 6 дюймов; на том взято и побито 78 человек.

«Венкер» – 30 пушек, дубовый, длина 109 фут 6 дюймов, ширина 30 фут, глубина 17 фут, между палуб 5 фут 1 дюйм, окон пушечных 44; на том взято и побито 157 человек.

Всего на вышеозначенных судах взято – 407, убито – 103 человека.

Взято пушек чугунных: двенадцатифунтовых – 2, восьмифунтовых – 20, шестифунтовых – 48, четырехфунтовых – 12, трехфунтовых – 22, итого – 104; ядер – 1683, картузов бумажных пороховых – 390.

Июля 31 дня 1720 г.
от острова Санде

(Материалы для истории русского флота, 1865, ч. II, с. 506–507)

---

⁶² Шведские корабли ушли, пользуясь преимуществом хода при попутном ветре.

⁶³ Четыре захваченных фрегата.

⁶⁴ Осадка.

⁶⁵ Глубины.

⁶⁶ Вашего сиятельства – титул графа Ф.М. Апраксина.

⁶⁷ Имеется в виду, если шведы захотят отомстить за взятые у них корабли.

Устав морской. (13 января 1720 г.)

Петровский морской устав, по которому русский флот жил на протяжении XVIII столетия, помимо тщательной регламентации обязанностей всех корабельных чинов, особое внимание уделял охранению доброй нравственности команд, как залога мужества и способности к подвигу. Он был жесток на наказания, которые должны были в зародыше искоренить наиболее опасные нарушения порядка военной службы. Но в то же время в нем чувствуется своеобразное суровое милосердие и гуманность, проявлявшаяся в заботе о нижних чинах, мирном населении и пленных неприятелях. Выдержки из устава, приведенные здесь, помогут лучше понять дух петровского флота и условия службы матросов и офицеров.

Флот есть слово французское. Этим словом разумеется множество судов водных, вместе идущих или стоящих, как воинских, так и купеческих. Флот военный, если много имеет кораблей, разделяется на три главные или генеральные эскадры: первая – кордебаталии, вторая – авангард, третья – арьергард; и они также делятся каждая на три партикулярные дивизии.

Как адмирал, так и прочие вышние и нижние офицеры, должны охранять со всяким тщанием и ревностью интересы своего Государя и государства, где ни будут обретаться с врученной им командой, во всяком случае (кн. 1, гл. 1, 1)

Указы все, не только о какой над неприятелем экспедиции, но и в своей команде, если что важное, должен давать на письме, а не на словах, для того, чтобы если кто что противное учинит, яснее обличен, а исполнитель указа оправдан быть мог (кн. 1, гл. 1, 3)

Главные дела и воинские начинания да никогда не дерзает чинить без консилиии⁶⁸ письменной, разве неожиданно атакован будет от неприятеля, под лишением чина (там же).

И потому как корень всему злу есть сребролюбие, для того главнокомандующий должен блюсти себя от лихоимства, и не только блюсти, но и других от того жестоко унимать и довольствоваться определенным. Государственные интересы через то зло потеряны бывают. Того ради всякому командиру надлежит это непрестанно в памяти иметь и от того блюстись. Ибо может таковым богатством легко смерть или бесчестное житие купить (там же).

Ничто людей так ко злу не приводит как слабая команда. Дети в [своей] воле, без наказания и страха возвращенные обыкновенно в беды впадают, но случается после, что и родителям пагубу приносят. Так и в войске, командующий есть отец их, которых надлежит любить, снабжать⁶⁹, а за прегрешение наказывать. А когда послабит, то со временем в непослушание тех приведет и из добрых в злых превратит и в нерадетельных, и в своем звании оплошных. И так себе гроб ископает, и государству бедствие приключится (там же).

Главнокомандующий не должен чинить никакой отмены или льготы в очереди офицерам в откомандировании кораблей для какой-нибудь экспедиции, чтобы офицерам не было от того огорчения, кроме того, если кто и старше в службе, но не так способен. И должен блюсти более интересы государства, нежели ранг офицеров (кн. 1, гл. 1, 12)

Если что от вышних офицеров указами что повелено будет, а против того кто имеет припомнить нечто, от чего он чает Его Величества интересу более способствовать, или опасаемое какое несчастье и вред отвратить, тогда он должен честно это своему командиру донести. Если же его донесение не ко благу признано будет, тогда должен он то выполнять, что ему повелено будет (кн. 1, гл. 1, 15)

---

⁶⁸ Военного совета.

⁶⁹ Заботиться.

Должен всегда, когда время и место позволит, чинить экзерциции⁷⁰всеми кораблями флота, а если когда кораблями невозможно, то ботами и шлюпками (кн. 1, гл. 1, 16)

И когда учинен будет сигнал для вступления в бой или для абордажа, тогда всем, как офицерам, так и рядовым, прилежно трудиться по крайней возможности неприятелю вред учинить и того, с Божьей помощью, разорить тщиться, исполняя приказы. А кто в таком случае преступен явится, казнен будет смертью, разве корабль под водой так пробит будет, что помпами одолевая воду не могут, или мачты или реи так перебиты будут, что действовать невозможно (кн. 1, гл. 1, 24).

Все воинские корабли Российские не должны ни перед кем спускать флаги, вымпелы и марсели под страхом лишения живота (кн. 2, гл. 4, 7).

Капитан имеет почтен быть на своем корабле как губернатор или комендант в крепости и должен заботиться, чтобы на корабле, который будет ему поручен в команду, праведно и порядочно поступать по указам и инструкциям, нимало не отдаваясь от них... (кн. 3, гл. 1, 1).

Офицеры и прочие, которые в нашем флоте служат, да любят друг друга верно, как христианину надлежит без различия, какой они веры и народа ни будут (кн. 3, гл. 1, 2).

Когда корабль в полной готовности на рейде, тогда быть капитану на корабле безотлучно. Не отлучаться с корабля ни на одну ночь [разве позволено ему будет от главнокомандующего] (кн. 3, гл. 1, 4).

Офицеры, командующие кораблями, имеют подчиненных своих офицеров в надлежащем уважении содержать, а рядовым накрепко приказать, чтобы тех в достойном почитании имели и должное послушание им отдавали (кн. 3, гл. 1, 28).

Капитан должен смотреть, чтобы офицеры матросов и прочих служителей корабельных ни чрезвычайно жестоко, ни слабо в команде своей содержали; но по правде и умеренности поступали с ними (кн. 3, гл. 1, 29).

Капитан долженствует иметь смотрение за своими подчиненными, чтобы они ни в чем нужды не имели, но были бы всем довольны; также чистоту на корабле и около них иметь, чтобы не заболели. Также за больными особенно присматривать, и о них всякое возможное попечение иметь к их здоровью (кн. 3, гл. 1, 30).

Если возьмут какой ни есть чужой корабль или судно в плен, который не станет биться или противиться, то капитанов, шкиперов и матросов иной земли не грабить, не бить, не ругать под штрафом... Также у офицеров, которые взяты будут на военных кораблях, платье не обдирать, под жестоким штрафом (кн. 3, гл. 1, 33).

Будучи в чужих портах [хотя и приятельских], добрую осторожность иметь, чтобы служителей корабельных на берег без офицеров не пускать (кн. 3, гл. 1, 34).

Своего государства кораблей, где на пути встретит или в гавани найдет, а они пожелают быть под его конвоем, тех не оставлять. Также перед подниманием якоря надлежит спрашивать, нет ли каких кораблей, идущих по пути, или в те места, мимо которых путь его будет? И если явятся и готовы к походу, то тех брать под свой конвой и в равном охранении иметь (кн. 3, гл. 1, 36).

Чтобы никто не обижал, тем более не брал что как со своих, так и с чужих кораблей или иных судов тех государств, которые в союзе или не имеют войны с тем государством, ни в коем случае под потерянением живота (кн. 3, гл. 1, 37).

Капитан должен исполнять со всякой прилежностью указы своего командира и быть тщательным ко исполнению его сигналов и движению его корабля; а особенно во время боя, и приказывать своим офицерам, чтобы прилежно смотрели и ему о том извещали (кн. 3, гл. 1, 39).

Никого не иметь за доброго матроса, если не был в море 5 лет [и не более 20 лет от роду], а мичман ранее 7 лет, разве какой чрезвычайный случай будет (кн. 3, гл. 1, 53).

---

⁷⁰ Упражнения, учения.

Если какой корабль или несколько кораблей, отлучась от флота, или посланы куда будут, хоть и не для поиска неприятеля, а неприятеля увидят, что он им под силу, всей силой неприятеля искать и атаковать, под страхом лишения живота (кн. 3, гл. 1, 75).

Те, кто от неприятеля отступят и побегут, прежде нежели они по сигналу главнокомандующего в порядке отведены будут [хотя некоторые или многие корабли уже и побежали], имеют за то смертью казнены быть. (кн. 3, гл. 1, 86).

В бою должен капитан или командующий кораблем не только сам мужественно против неприятеля биться, но и людей к тому словами, более давая образ собой, побуждать, чтобы мужественно бились до последней возможности и не должен корабля неприятелю отдать ни в коем случае, под потеряннем живота и чести (кн. 3, гл. 1, 90).

Повелевается лейтенанту, чтобы свою вахту тщательно отправлял как днем, так и ночью, во всех делах и случаях, под жестоким штрафом или лишением живота, по важности дела (кн. 3, гл. 4, 13).

Констапель⁷¹ должен свое дело хранить с наивысшей осторожностью и старанием. Ибо вся оборона корабля от артиллерии зависит (кн. 3, гл. 8, 15).

Священник должен прежде всех себя содержать добрым христианским житием в пример всем и имеет блюстись, чтобы не прельщать людей непостоянством или притворной святостью и избегать корысти как корня всех злых (кн. 3, гл. 9, 2).

[Шкипер⁷²] должен заставлять скрести, чистить и мыть корабль и беречь снасти... (кн. 3, гл. 11, 7).

Когда что ему будет приказано управлять на корабле, то он не должен сам ни за что приниматься, но только смотреть за матросами, чтобы незнающего мог научить, а ленивого наказать (кн. 3, гл. 11, 8).

Если какому кораблю идти в такой путь, который офицерам неизвестен, а штурман возьмется, что в тот путь он может без опасности идти, а с кораблем в том пути случится какое-либо бедствие или совсем пропадет, или пройти не сможет к назначенному месту, тогда тому штурману надлежит учинить штраф смертный или ссылкой на каторгу. А если капитан прикажет штурману в такие места идти, где он точно знает, что от мелей или камней есть опасность, то он должен о том капитану заранее объявить и смело о том говорить. А если вовремя не объявит, и корабль оттого бедствие терпеть будет или пропадет, то не будет его оборонять указ капитанский, но повинен тому, как выше писано (кн. 3, гл. 12, 10).

Гардемарины на кораблях должны разделены быть по пушкам, где при учении и в бою должны быть и управлять при определенных каждому пушках вместе с пушкарями, а во время хода корабельного на форде-ке как матросы (кн. 3, гл. 20, 1).

Они же должны в науке своей, которую получили в школах, всегда упражняться, для чего определяется им время 4 часа в день для разных наук⁷³. Полтора часа для штурманского обучения, полчаса для солдатского обучения... час для обучения пушечного... час для учения корабельному управлению (кн. 3, гл. 20, 2).

Хотя всем христианам надлежит христиански честно жить и в нелицемерном страхе Божии содержать себя, однако же воинские люди это с наибольшей ревностью уважать и внимать имеют, поскольку их Бог в такое состояние определил [в котором несравненно чаще других смертным страхам себя подвергают, что связано с должностью], исполняя службу своего Государя и отечества. И поскольку всякое благословение, победа и благополучие от единого Бога Всемогущего как от истинного начала всех благих и праведного победодавца происходит,

---

⁷¹ Артиллерийский офицер.

⁷² Шкипер фактически исполнял обязанности старшего офицера корабля.

⁷³ Гардемарины проходили на кораблях морскую практику.

ему только молиться и на него надежду полагать надлежит во всяких делах и предприятиях (кн. 4, гл. 1, 1).

Кто имени Божьему хуление приносит и его презирает, и службу Божию поносит, и ругается слову Божию и таинствам, а совершенно в том обличен будет, хотя это в пьянстве или трезвом уме учинится, тогда ему язык раскаленным железом прожжен и отсечена глава да будет (кн. 4, гл. 1,2).

А если слова того ругателя никакого богохуления в себе не содержат и только из легкомыслия произошли, тогда если офицер вычетом жалования по важности преступления наказан быть, а рядовой кошками жестоко бит быть. А если то повторит, то наказание умножено быть имеет, а в третий [раз] расстрелян быть имеет (кн. 4, гл. 1,5).

Пресвятое имя Божие да не приемлется всуе, в клятве божбе и лжи... (кн. 4, гл. 1,6).

Всем офицерам и рядовым надлежит священников любить и почитать и никто да не дерзает им как словом, так и делом досаду чинить и презирать и ругаться. (кн. 4, гл. 1, 11).

Когда к больному призовут священника для причащения святых тайн, то должно одному из офицеров проводить его до больного с подобающей честью, и чтоб в том и близ того места никто не сидел и с покрытой головой не стоял, также игры никакой, крика, шума не было и табак не курили, но в тишине и благоговении и должном почтении [таинство] отправлено было (кн. 4, гл. 1, 13).

Никто да не дерзнет во время службы Божией каких банкетов или игры чинить. (кн. 4, гл. 1, 15).

Запрещается играть в карты, в кости и прочие игры на деньги. (кн. 4, гл. 1, 19).

Запрещается всем табак курить по захождении и до восхождения солнца и во время, когда молитва отправляется. (кн. 4, гл. 1, 21).

Кто станет испражняться или мочу пускать кроме определенных на то мест, тот наказан будет биением кошками у шпилья... (кн. 4, гл. 1,22).

Должен всякий рядовой мундир свой чисто содержать, рубашки чаще мыть, платье и обувь чинить и прочую чистоту на себе иметь. (кн. 4, гл. 1,23).

Запрещается офицерам и рядовым привозить на корабль женский пол ночью для беседы с ним, но только для свидания и посещения днем (кн. 4, гл. 1, 36).

Никакому пушкарю от матросской, а матросу от пушкарской работы не отрицаться и не говорить, что не его дело, но друг другу, когда потребно, помогать. (кн. 4, гл. 1,45).

Когда кто занеможет, то тем, которые в компании с ним определены, помогать ему и служить;.. наипаче всего с начала болезни тотчас объявить священнику, чтобы до отправления христианского обряда никто не умер. Командиру надлежит часто спрашивать о числе больных и по тому определять число людей для служения им. (кн. 4, гл. 1, 11).

Если кто изувечен будет в бою или в ином случае во время службы своей, что он к корабельной службе негоден будет, того в гарнизоны или штатскую службу употребить, повысив чином, а если так изувечен, что никуда не годен будет, то такого в госпитале кормить до его смерти, а если в госпитале быть не захочет, то награжден будет годовым жалованьем. (кн. 4, гл. 4, 8).

Имеют все офицеры и солдаты адмиралам и прочим вышним начальникам всякое должное почтение воздавать и тем, сколь долго в его царского величества службе будут, послушны быть. А если кто дерзнет их или одного из них непристойными или насмешными словами поносить... тот имеет по важности своих слов и состоянию особы пред воинским судом публично отпущения своей вины просить или каким иным наказанием, по рассуждению наказан быть (кн. 5, гл. 1, 4).

Кто адмирала и прочих вышних начальников бранными словами поносить будет и предосудительные слова их чести касающиеся говорить будет, тот имеет телесным наказанием наказан быть или живота лишен по силе вины (кн. 5, гл. 1, 5).

Что повелено будет обер- и унтер-офицеру и рядовому в Его Величества службе от начальника управить, а он того от злости или упрямства нарочно и с умыслом не учинит, нагло противиться [будет] или другому о непослушании советовать, тот имеет как вышний, так и нижний, живота лишен быть (кн. 5, гл. 1, 9).

Также имеет подчиненный от всякого непристойного рассуждения об указах, которые ему от его начальника даны, совершенно воздержаться, а если кто против того учинит, а особенно тогда, когда с неприятелем в бой вступать, то такого лишением чести наказать, если офицер, а если рядовой, то на теле наказан будет. Ибо начальнику надлежит повелевать, а подчиненному послушным быть... (кн. 5, гл. 1, 11).

Те офицеры, которые по генерал-адмирале командовать будут, могут в даваемых ими указах угрозы прибавить, чтобы тем большей ревностью люди к действию приведены были, однако имеют при том совершенно воздержаться от всех поносных и чести касающихся слов и излишнего наказания не по регламенту. (кн. 5, гл. 1, 14).

Также никто из офицеров да не дерзает обретающимся под своей командой рядовым без заслуженной вины никакое наказание чинить, или за вину чрез меру, но должны за каждую вину по артикулу. (кн. 5, гл. 1, 15).

Если кто, стоя на своей вахте, найдется спящим, на пути едучи к неприятелю, если он офицер, лишен будет живота, а рядовой жестоко наказан будет биением кошками у шпилья (кн. 5, гл. 2, 24).

Если часовой пренебрежет известить офицерам о шлюпке, приходящей или отходящей от корабля, будет наказан однократным гонянием по кораблю и биением от людей корабельных кошками (кн. 5, гл. 2, 29).

Если кто во время боя или в виду неприятеля или на брандвахте будет шумен⁷⁴, тот живота будет лишен, как офицер, так и рядовой (кн. 5, гл. 2, 30).

Когда кто шумен напьется, и в шумстве своем врученное свое дело пренебрежет, или что злое учинит, по вине с большей жестокостью наказан имеет быть, как пренебрегатель своей должности (кн. 5, гл. 2, 31).

Как вышний, так и нижний офицер да не дерзает корабельных служителей своих подчиненных к своей частной службе и пользе, хотя с платежом или без платежа, на трудную и тяжкую работу принуждать, а кто против этого артикула учинит, лишится чина и имения своего (кн. 5, гл. 3, 44).

Надлежит солдату всегда смотреть, чтоб ружье его всегда цело и чисто было. Кто в том ленив явится, имеет от офицера своего наказан быть (кн. 5, гл. 4, 50).

Кто себя больным нарочно учинит или суставы свои переломает и к службе непотребным учинит в надежде отставленным быть от службы, того надлежит бить кнутом и, ноздри вырвав, на галеру сослать (кн. 5, гл. 5, 56).

Хотя случится, что жалованье не исправно и в положенное время дано будет, однако же, несмотря на то, имеют офицеры и рядовые службу охотно отправлять и до тех пор терпеть, пока удовлетворены будут (кн. 5, гл. 6, 60).

Кто к неприятелю перебежит, того имя к виселице прибито, и тот как нарушитель присяги шельмой и изменником публично объявлен имеет быть, и если он пойман будет, без всякой милости и процесса повесить его надлежит (кн. 5, гл. 8, 66).

Те кто во время боя оставят свои места, чтобы укрыться, будут казнены смертью (кн. 5, гл. 9, 67).

Если подчиненные офицеры и рядовые командира корабля принудят к сдаче корабля, тогда имеют все офицеры и рядовые чести, пожитков и живота лишены быть (кн. 5, гл. 10, 72).

---

⁷⁴ Окажется пьян.

Если же офицеры, матросы и солдаты без всякой причины допустят командира своего корабль сдать или из линии боевой уйти без законной причины и ему от того не отсоветуют или в том его не удержат, тогда все офицеры казнены будут смертью, а прочие по жребии через десятого повешены (кн. 5, гл. 10, 73).

Никто да не дерзает убить пленных, которым уже пощада обещана, под потеряннем чести и живота (кн. 5, гл. 11, 77).

Как офицеры, так и рядовые да не дерзают о воинских делах во флоте что писать или о том с другими корреспондовать, под потеряннем чести и живота (кн. 5, гл. 12, 84).

Кто от неприятеля патенты или манифесты приняв, не объявит и раздаст людям или разбросает, тот казнен будет смертью (кн. 5, гл. 12, 87).

Все непристойные, подозрительные сходбища и собрания воинских людей, хотя для советов каких-нибудь [хоть и не для зла] или для челобитья, чтоб общую челобитную писать, чрез что возмущения или бунт могут учиниться, чрез этот артикул имеют быть совершенно запрещены (кн. 5, гл. 13, 90).

Если учинится ссора, брань или драка между рядовыми, чтоб никто не дерзал товарищей своих или других на помощь призывать... А если кто это учинит, того с помощниками повесить (кн. 5, гл. 13, 94).

Для остерегания всякого случая надлежит при зачати таких драк посторонним ссорящихся приятельски помирить пытаться... (кн. 5, гл. 13, 97).

Если офицер товарища своего дерзнет бить на берегу, тот будет лишен чина на время и должен будет заплатить обиженному жалованья его за полгода, больше или меньше, по рассмотрению воинского суда (кн. 5, гл. 13, 99).

Кто пасквили или ругательные письма тайно сочинит и тем кому бесчестие учинит, тому надлежит наказание такое учинить, что довелось бы тому, против кого он писал, если бы он в том виноват был (кн. 5, гл. 14, 103).

Если кто другого, не одумавшись, с сердца или, не опамятовась, бранными словами выбранит, тот пред судом у обиженного христианского прощения имеет просить и если очень жестоко бранил, то сверх того наказанием денежным наказан будет (кн. 5, гл. 14, 105).

Если кто после бранных слов боем или иным своевољством отмщать будет, тот право свое на удовлетворение тем потерял. (кн. 5, гл. 14, 106).

Если кто отрока осквернит или мужеложствует, те имеют быть наказаны. (кн. 5, гл. 15, 119).

Если кто женский пол изнасилует, за то тот живота лишен да будет или вечно на галеру сослан, по силе дела (кн. 5, гл. 15, 120).

Посланные на берег свой или неприятельский не дерзуют никакой обиды чинить под таким штрафом или наказанием, как если бы они обиду учинили между своими товарищами. (кн. 5, гл. 17, 123).

Когда высажены будут на берег для десанта, тогда всякий имеет свою должность отправлять по уставам, писанным для сухопутной армии. (кн. 5, гл. 19, 146).

(Законодательство Петра I)

Глава 2

Век золотой Екатерины

А.П. Соколов. Гогландская морская битва

Гогладская битва (1788 г.) показывает, что если даже русским морякам чего-то не доставало по части морской выучки, то это с лихвой компенсировалось храбростью и стойкостью в бою. Этот же эпизод может служить прекрасной иллюстрацией того факта, что мужество экипажей должно подкрепляться творческим использованием тактики, дальновидностью и упорным достижением конечной цели – уничтожения неприятельского флота – командирами кораблей.

Наша битва со шведами при Гогланде, одна из кровопролитнейших морских битв, имела такое решительное влияние на всю кампанию 1788 года, что при описании ее изложение предшествующих и последующих ей обстоятельств будет совершенно необходимо.

В начале 1788 года, имея войну с турками, мы готовили в Кронштадте эскадру для отправки в архипелаг. Для наблюдения за движениями шведов были командированы три фрегата: один к Свеаборгу, другой к Гангэудду⁷⁵, третий к Карлскроне, и, как война не была еще объявлена, то в начале июня отправились к Копенгагену наши 3 стопушечных корабля и 4 транспорта – часть назначавшейся в Средиземное море эскадры, посланная вперед, чтобы заблаговременно исправиться там и не задержать остальных судов. Этой частью командовал вице-адмирал фон Дезин. 10 июня у Готланда встретил он шведскую эскадру, состоявшую из 12 кораблей, 3 фрегатов и 2 бомбардирских судов под командой брата короля Густава III генерал-адмирала герцога Зюдер-манландского.

...Спустя еще две недели, именно, в ночи на 27 июня, наши фрегаты – «Ярославец» и «Гектор» – увидели неприятельский флот уже у Суоропа (по западную сторону Ревеля) и согласились идти с этим известием одному в Кронштадт, другому в Ревель. Ветер для них был противный и очень тихий, почему лавировка была безвыигрышна, и вскоре шведский флот окружил их. В 8 часу утра командир «Ярославца» кап. 2 р. Бордаков, вероятно догадываясь о готовившейся ему участи и желая поскорее выйти из неопределенного положения, отсалютовал 11 выстрелами; вместо ответа с адмиральского неприятельского корабля пустили ему под корму три ядра. Бордаков послал офицера, чтобы узнать причины такого поступка с ним, но посланного офицера арестовали и, переменив на шлюпке гребцов, послали на ней своего офицера с требованием немедленной сдачи: уже восемь дней, как была объявлена война. Посоветовавшись с обер- и унтер-офицерами, Бордаков решил сдаться и в исходе 9-го часа спустил флаг, гюйс и выпел. Другой фрегат «Гектор», под командой кап. – лейт. Колоколыцева, в это время лежал в дрейфе и по первому требованию тоже сдался.

Так несчастливо для нас началась эта война, кончившаяся так славно!..

Наши действительные морские силы состояли тогда из следующего числа судов:

---

⁷⁵ К Г ангуту.

У Кронштадта	12 кораб.	6 фрегатов	назначены в Средиземное море
	5 кораб.	1 фрегат,	назначены в Балтийское море
	4 кораб.	2 фрегата	запасные
У Копенгагена	3 кораб.		назначены в Средиземное море
У Архангельска	5 кораб.	2 фрегата	
Всего	29 кораб.	11 фрегатов	

Очевидно, что шведам было бы выгоднее начать войну с нами тогда, когда ушли бы назначенные в Средиземное море лучшие суда – 15 кораблей и 6 фрегатов; но, с другой стороны можно предположить, что одним из главнейших условий союза Швеции с Турцией было не пропускать наш флот за Балтийское море.

С.К. Грейг

Начальство над нашим флотом было поручено Самуилу Карловичу Грейгу. Шотландец родом, сын вольного моряка, Грейг был моряк весьма сведущий, осторожный, но решительный, в годах еще – ему было пятьдесят три года.

В самый день объявления манифеста⁷⁶ 29 июня Грейг снялся с кронштадтского рейда с 17 линейными кораблями (1 – 100-пуш., 8 – 84-пуш. и 8 – 66-пуш.) и пошел навстречу неприятельскому флоту. Около полудня 6 июля юго-западнее Гогланда неприятельские флота встретились.

Ветер был тихий, нам попутный, от ОСО; у нас держали все возможные паруса и в 4 часу пополудни стали сближаться со шведским флотом, лежащим в линии (15 кораб. 70- и 60-пуш. и 8 линейных фрегатов).

В 4 часа наш флот тоже выстроился в линию и начал спускаться корабль на корабль, линия на линию, не покушаясь на хитрые движения: силе и мужеству противопоставляя силу и мужество.

Битва началась в 5 часов пополудни, но не вдруг⁷⁷ – первые выстрелы последовали с передовых кораблей авангарда, вышедшего вперед и прежде, чем был поднят сигнал «вступить в бой».

Рассмотрим подробности этой битвы, продолжавшейся сряду четыре часа и кончившейся страшным с обеих сторон истреблением.

Передовой корабль «Болеслав» вскоре после вступления в битву, поворотил по ветру (от повреждений, вероятно), прошел между обеих линий и на прежний галс привел уже в арьергарде. Второй спереди корабль «Иоанн Богослов» через полчаса после вступления в дело получил подводную пробоину, от которой вода возвысилась до 45 дюймов; имея притом перебитыми многие снасти, этот корабль кинулся к ветру – высланный катер, чтобы забуксировать нос, вскоре был разбит ядрами, прочие гребные суда были также повреждены – сам собой поворотил против ветра и упал ниже других, и около часа лежал на этом галсе, будучи вне выстрелов; наконец, он встретился с каким-то шведским кораблем и стал биться с ним⁷⁸.

Третий корабль «Всеслав», по уходе передних двух, бился один с тремя неприятельскими кораблями, перед концом битвы принудил их спуститься, и сам, имея большие повреждения, выбуксировался за линию, к арьергарду.

Адмирал, бывший на корабле «Ростислав», сначала дрался с генерал-адмиральским кораблем, но через полчаса, будучи осаживаем «Мстиславом», который все пятился назад, вышел на ветер и, обойдя передние два корабля, вступил в линию между кораблями «Петр» и «Елена».

Переходим к арьергарду: самый задний корабль «Дерис», еще не дойдя на выстрел, из опасения быть поставленным в два огня поворотил на другой галс и вовсе не участвовал в битве⁷⁹. Второй сзади «Память «Евстафия» два часа дрался против трех кораблей, но имея много подводных пробоин, отчего вода возвысилась до 60 дюймов и значительные повреждения в вооружении, тоже вышел за линию⁸⁰. Корабль «Владислав», более других потерпевший от повреждений, совсем упал под ветер и был обстреливаем с носа, с кормы и с бортов; и только в 10 часу вечера, имея убитыми и ранеными 257 человек, капитан Берх, по совету с офицерами, решил сдаться. Команда была на все готова. Когда ей объявили о намерении сдаться, отвечала единогласно: «Отец наш, делай, что хочешь, мы отдаемся тебе в полную власть».

Прочие корабли дрались, кому как удобнее, нередко один с двумя и тремя неприятельскими кораблями; иногда, может быть, наоборот – два, три с одним; вероятно, попадали и друг в друга. Но дрались отчаянно.

---

⁷⁶ О войне.

⁷⁷ Не сразу.

⁷⁸ Командир корабля капитан Валронт был приговорен к смертной казни, помилован и записан в матросы.

⁷⁹ Командир корабля капитан Коковцов был разжалован в матросы навечно.

⁸⁰ Командир корабля капитан Баранов за то, что не употребил средства к заделыванию пробоин, был разжалован на месяц в рядовые, а после исключен из службы.

В 9-м часу вся шведская линия спустилась, а за ней и наша, но вскоре затем шведы и мы снова привели к ветру, уже в полном расстройстве линий. Тогда наш адмиральский корабль дрался с вице-адмиральским шведским и принудил его спустить флаг. В 10-м часу шведы стали отступать – наступала ночь – и наш адмирал поднял сигнал «прекратить сражение».

Через полчаса к адмиралу был привезен его пленник г. вице-адмирал граф Вахмейстер. Пленный корабль был 70-пушечный, назывался «Принц Густав»; на нем убитых и раненых 200 человек. Радуюсь победе, тогда Грейг еще не знал об участии своего корабля «Владислав».

Так кончилась эта битва, продолжительная и кровопролитная, с обеих сторон упорная, но неискусная. Неприятель был сильнее нас числом судов и, вероятно, количеством орудий. Шведы имели над нами огромное, не замечаемое тактиками преимущество – флот их уже более месяца ходил в море, команды его, следовательно, свыклись и приучились к маневрам, а наш только что вышел из порта, имея притом множество рекрутов. И при всем этом мы победили. Последствия этого были весьма важными.

Шведский флот после этой битвы ушел за Свеаборг. Эскадра Грейга, исправившись и заменив очень поврежденные корабли новыми, подойдя к Свеаборгу, увидела вышедшие оттуда 4 корабля, которые тут же побежали в порт; но один из них – 64-пушечный «Принц Густав-Адольф» – сел на камень и дался нам. Сняв команду, его сожгли.

Потом наша эскадра отошла к Ревелю и учинила самый бдительный надзор за Свеаборгом. Множество больных на флоте – необходимое следствие тогдашних плаваний – и затруднительное снабжение водой были сами побудительными и весьма основательными причинами не держаться постоянно в море. В половине августа был учрежден постоянный пост у Ганг-эудда, состоящий из 3 кораблей и 2 фрегатов – этим было совершенно прекращено сообщение Финляндии со Швецией. Поэтому шведский флот в Свеаборге терпел крайнюю нужду и много раз покушался выйти оттуда.

Приближалась зима, и в начале октября повелено было кончить кампанию, которая, как было сказано в указе на имя Грейга, «делала нашим немало пользы, а вам большую честь приносит». Условия наших портов, из которых один – Кронштадт – рано покрывается льдом, а другой – Ревель – тесен и неудобен, принудили нас кончить кампанию раньше, чем следовало. Надеялись, впрочем, что шведы не рискнут выйти из Свеаборга в такую позднюю пору. Но шведы только и выжидали: 9 ноября вышли из Свеаборга, никем не стерегомego, и благополучно достигли Карлскроны.

Война продлилась еще два года.

(Морской сборник, 1849, т.2, № 5, с. 323–337)

Мичманы

Эландское морское сражение (1789 г.) хоть и не имело решительных результатов, но было довольно жарким делом. Примечательно, что на русских кораблях сражались не только русские моряки. Так высоко стояло имя Великой Екатерины и слава русского имени, что даже представители гордого Альбиона почитали за честь служить русскому флагу и служили честно.

Р.И. Бортвиг из английской службы поступил на наш флот мичманом и 15 июля 1789 года на 66-пушечном корабле «Дерись» под командой капитана [Джеймса] Престона участвовал в сражении со шведским флотом при Борнгольме ⁸¹. Генерал-адмирал шведского флота принц Сидор Ермолаевич – так наши матросы величали принца Зюдерманландского – сильно теснил наш авангард. Корабль «Дерись» долго производил меткую пальбу, но вдруг уклонился из линии и сделал сигнал «терплю бедствие!» В это время у него из фор-люка и носовых портов повалил густой дым. Через полчаса дым исчез, и на корабле спустили сигнал бедствия. После вот что узнали: на этом корабле в нижнем деке разорвало сперва одну, потом другую и третью пушку. Убитых и раненых была пропасть; пушечная прислуга в ужасе не смела приступить к орудиям – огонь прекратился! Капитан Престон послал Бортвига пособить делу. И он, схватив фитиль, крикнул команде: «Не бойтесь, ребята, глядите – я буду палить, а вы заряжай да наводи!» Но так как он был близорук, то не мог фитилем попасть на запал, и гардемарины начали спрашивать, отчего это у вас руки трясутся ⁸²? Он прехладнокровно вынул очки, надел их и тотчас выпалил, сказав: «Вот вам ответ, молодые дураки!» Гардемарины навели другую пушку, Бортвиг выпалил и, обратившись к команде, приказал возобновить огонь из прочих орудий – и вот снова заиграли пушки. Бортвиг, переходя от одного орудия к другому, выпалил еще несколько раз. Последнее орудие, стоящее около фор-люка, разорвало: казенная часть рассыпалась в песок, дульная часть вылетела за борт, огонь брызнул во все стороны, и в шкиперской каюте, около выхода из крюйт-камеры находившейся, возник пожар.

Первая пожарная партия во главе с мичманом Иваном Осокиным кинулась выносить тлеющий хлам. Офицер этот наложил на крюйт-камеру глухой люк, набросил на него мокрый войлок, поставил кадки и ведра с водой. Людям приказал из ручных брандспойтов беспрепятственно окачивать переборки, сказав гардемарину: «Ну, любезный, наша участь одинакова – ты задохнешься в дыму, а не можешь уйти отсюда, я же должен сгореть или потушить пожар». Потом, бросившись в шкиперскую каюту, громко крикнул на оробевших людей, несмело подступавших к горевшей пеньке, схватил ее в охапку, завернул в несколько мокрых войлоков и в брезент и передал людям вынести наверх и выбросить за борт. Многие, задыхаясь от дыма, падали без чувств. По счастью, пожар скоро был потушен.

При разрыве последней пушки убило одного гардемарина и много прислуги переранило. Бортвига, полумертвого, на решетчатом люке снесли в кубрик. Очки сохранили ему глаза: передняя часть у стекол сделалась от чугунных брызг совершенно матовой, и очки так впились в переносицу, что надо было приложить усилие, чтобы их снять. Брови и покров со лба заворочены на темя; правая щека, равно как вся грудь и плечи, проникнутые чугунным песком, образовали ушиб, покрытый сотней маленьких ранок, из которых вынимали частицы сукна, полотна и волос. Левая щека от носа сорвана и закинута была на ухо. Нос и верхняя губа в двух местах были рассечены, и одной ноздри не доставало. Нижняя губа, тоже рассеченная попо-

---

⁸¹ Имеется в виду Эландское морское сражение, состоявшееся 15 июля 1789 г.

⁸² Гардемарины насмешничали, полагая, что руки у Бортвига трясутся от страха.

лам, висела на подбородке; вся кисть правой руки разорвана, на двух пальцев не хватало трех суставов. Обломком станины перебило ему ногу выше колена.

По счастью, на корабле был дивный медик; он из обрывков лицевого покрова вновь воссоздал лицо Бортвига. Когда надо было сшивать части лица, белый шелк закончился, и потому распустили черный шейный платок, скрутили шелковинки и употребили в дело, отчего лицо выздоровевшего Бортвига было татуировано, как у самого отчаянного дикаря. Впоследствии бритье доставляло истинное мучение бедному Бортвигу, и он очистил лицо, выщипывая по волоску. Рука его зажила, но ладони в ней не было, и кисть представляла что-то вроде вареной куриной лапки. Нога тоже срослась, но он долго ходил на костылях.

Бортвиг до Борнгольмского сражения был редкий красавец! Настоящее же его положение возбудило любопытство в самой императрице, и она пожелала видеть как портрет Бортвига, так и самого его. Увидев Бортвига, она изумилась. С полным участием она изволила сказать: «Душевно сожалею, сэр Роберт Бортвиг об утрате благородной вашей физиономии, но теперешнее состояние вашего лица ясно свидетельствует о воинской вашей отваге и доблести и потому не менее привлекательно».

– Ваше Императорское Величество, – отвечал Бортвиг. – Я не жалею о потере наружности, но благодарю Бога за сохранение глаз, без которых был бы лишен истинного счастья видеть мою Всеилостивейшую Государыню.

Государыня изволила пожаловать ему руку. Лишь только императрица удалилась, одна особа из ее свиты, подойдя к Бортвигу и подавая портрет его и золотую табакерку, присовокупила: «Ее Императорское Величество просит вас табакерку сохранить на память и 500 червонцев употребить на поддержание здоровья, и в нуждах ваших прямо обращаться к Государю Цесаревичу».

(Морской сборник, 1855, № 6, с. 80–85)

«Перекрестили»

Множество адмиралов и офицеров русского флота были иностранцами и верно служили своему новому отечеству и его государям. При этом они, как правило, «обзаводились» и русскими именами. О том, как это происходило, повествует вице-адмирал Иван Иванович фон Шаниц, по происхождению шведский дворянин.

Перед самым обедом пришел лейтенант Саликов, весельчак, добрый малый, в полном смысле слова новгородец. Во время своей продолжительной службы в Свеаборге он выучился кое-как болтать по-шведски и потому спустя несколько секунд после представления заговорил со мной на родном моем языке, без дальних околичностей называя меня по-приятельски «ты».

– Позволь спросить твое имя, любезный братец?

– Эбергард, – отвечал я.

– А как зовут отца моего братца? – допрашивал Саликов.

– Также Эбергард, – сказал я и, желая объяснить ему значение этого имени, выстрелил в моего названного братца целой тирадой из моей родословной.

– Ну, ну, не горячись, братец ты мой, верю, что ты коренной дворянин, но все-таки имя Эбергард ни к черту не годится. Неужели у твоего отца нет лучшего имени, чтобы было из чего выбрать? Неужели ты воображаешь, чтобы кто-нибудь, и в особенности наши митрофаны, могли бы запомнить: Эбергард Эбергардович. Да я могу тебя уверить, что с таким замысловатым именем ты во флоте просто пропадешь; право, пропадешь! Вот что, приятель.

– Как же быть; отец мой кроме имени Эбергард имеет еще другое – Юхан.

– Ага! Юхан, ну вот это прекрасно! Следовательно, мы будем тебя называть Юхан Юханович, или просто, по-русски, Иван Иванович; вот имя, которое, я тебя уверяю, сам черт никогда не забудет – настоящее, казенное – и дело с концом, – притом же и меня самого зовут Иваном.

Проговорив все это, заливаясь добродушнейшим смехом, он крикнул вестового и сказал: «Вот тебе, Ванька, барин; помни, что его зовут Иваном Ивановичем; что же касается фамилии, то конечно тебе до нее нет ровно никакого дела!..»

(Шаниц И.И. фон Первые шаги на поприще морской службы, с. 23–24)

П. Милюков. Адмирал Александр Иванович фон Круз

На русской службе у иностранцев трансформировались не только имена. Дед адмирала Александра Ивановича фон Круза – Егор Круз, происходивший из древней датской фамилии, был одного поколения с адмиралом Корнелием Крюйсом, находившимся на русской службе при Петре Великом. Из рескриптов, данных на имя Александра Ивановича видно, что фамилия его менялась с Крюйса на Крюз (Крюйз), Крузе, а потом и на Круз. Но так или иначе, а служба адмирала, впервые прославившегося в Чесменском сражении, где он чудом спасся после взрыва своего корабля «Св. Евстафий», неизменно свидетельствовала о его служебном рвении, профессионализме и верности присяге. В Красногорском сражении (1790 г.) со шведским флотом он фактически спас столицу Российской империи.

Как скоро [в 1790 г.] Кронштадтский рейд очистился от льда, часть резервной парусной эскадры выступила в море под начальством вице-адмирала Круза для соединения с ревельской эскадрой, предводимой адмиралом Чичаговым. Эскадра Круза состояла из 17 линейных кораблей, 4 фрегатов и 2 катеров. Шведский же флот, находившийся в распоряжении герцога Зюдерманландского, имел 22 линейных корабля, 8 фрегатов и множество мелких судов.

После сражения 2 мая с эскадрой ревельской шведский флот долгое время занимался починками своих повреждений. Слух о выходе в море эскадры Круза потревожил шведов, но, надеясь на превосходное число судов своих и опасаясь соединения кронштадтской эскадры с ревельской, герцог пустился к Гогланду, желая разбить Круза и потом снова попытать счастья в борьбе с Чичаговым.

А.И. Круз

Эскадра наша была задержана противными ветрами у Красной Горки до 21 мая, в этот же день ветер сделался благоприятным, и Круз увидел неприятеля и построил корабли свои в линию. 22 мая шведы были на ветре и начали тихо спускаться на эскадру нашу, но весь этот день прошел без боя. 23 числа в 2 часа пополудни ветер снова переменился, и Круз, не теряя времени, воспользовался этим случаем, чтобы атаковать неприятеля; густой туман мало-помалу исчез и в половине 4 часа завязался бой, продолжавшийся до 8 часов. Мы одержали верх, несмотря на то, что четыре наших поврежденных корабля принуждены были выйти из линии.

В девятом часу неприятель начал ретироваться, но потом, построившись снова в линию, спустился на нашу эскадру, однако на таком расстоянии, что ядра едва достигали цели. Круз не велел отвечать на безвредные неприятельские выстрелы. В это время несколько шведских канонерских лодок открыли стрельбу по нашим кораблям, вследствие чего Круз сделал сигнал резервным фрегатам своим поворотить и прикрывать наши суда, наступая на неприятельские лодки. Между тем шведские парусные суда возобновили атаку, продолжавшуюся с полудня до самого позднего вечера.

На другой день, 24 мая, поутру герцог Зюдерманландский начал снова спускаться на эскадру Круза, но не подходил близко, стараясь принудить нас к невыгодным маневрам, однако все хитрости неприятеля были безуспешны, и Круз везде противопоставлял ему искусный отпор. Наконец шведы снова устремились в атаку, намереваясь охватить эскадру нашу с двух сторон и тем поставить ее между двух огней, но и тут искусный поворот, произведенный Крузом, не только разрушил план неприятеля, но и самого его поставил в крайнее положение.

После 2-часового боя шведские корабли ретировались под прикрытием фрегатов. Круз, зная о приближении ревельского флота, погнался за неприятелем, стараясь в свою очередь поставить его между двух огней, но мрачная погода скрыла от Чичагова бегство шведов, которые в беспорядке удалились в Выборгскую бухту, где находилась [их] гребная флотилия, предводимая самим королем.

Вслед за победами, происходившими в мае 1790 года, Круз покрыл себя не меньшей славой в Выборгском сражении при разбитии шведов адмиралом Чичаговым 22 июня того же года. По словам главнокомандующего, Круз *храбро и мужественно поражал неприятеля*, за что удостоился получить чин адмирала и военный орден святого Георгия второго класса и шпагу за храбрость, алмазами украшенную.

В 1790 году, в мае, во время сражения со шведами императрица находилась на балконе Зимнего дворца и, слыша под Кронштадтом пушечные выстрелы, от коих дребезжали стекла в зданиях на набережной Невы, в беспокойстве сложив руки, изволила спросить по-немецки близ стоявшего статс-секретаря Турганова: *«Скажите мне, что делает теперь наш Круз?»*, — на что получила ответ: *«Будьте уверены, Ваше Величество, что он пересилит самого беса!»* В тот день приехал курьер с известием о победе.

Во время сражения со шведами с корабля вице-адмирала Сухотина был сделан сигнал, что адмирал этот смертельно ранен. Круз, тронутый этим известием, сел в катер и, невзирая на летавшие вокруг ядра и картечь, отправился в последний раз обнять храброго своего сослуживца, которого застал еще в живых. Утомленный продолжительным сражением и жаркой погодой, Александр Иванович находился в одном камзоле, имея через плечо орденскую ленту, и по обыкновению курил трубку. В таком положении переезжал он с корабля на корабль в виду неприятельского флота и к общему удивлению вышел невредим из шлюпки, имея на плече своем кровь только что убитого на юте матроса.

В 1791 году в один летний вечер, когда адмирал в кругу своего семейства кушал чай, является незнакомец и с вежливостью просит позволения списать с адмирала портрет. Портрет написан был сухими красками в несколько дней. Адмирал, вручая художнику деньги, замечает на портрете какую-то надпись и с неудовольствием говорит: «Прошу вас, милостивый государь, принять вознаграждение за труд и непременно стереть эту надпись». Художник, отказываясь от денег, отвечает: «Я совершенно вознагражден тем, что первым имел честь снять портрет с вашего высокопревосходительства. Я прислан по воле императрицы, и надпись эта ее собственного сочинения, равно как и само расположение портрета». Надпись на портрете была следующая:

«Грозами отражая гром,
Он спас Петров и град и дом».

ЕКАТЕРИНА

Эта надпись, в столь кратких словах так хорошо говорящая о деяниях Круза, вошла в состав его герба и читается на надгробном памятнике адмиралу в Кронштадте.

При даче Круза в Ораниенбауме находилась потешная крепость, с которой при поднятии и спуске адмиральского флага во время утренней и вечерней зари палили из пушки. Один чиновник, желая чем-нибудь повредить адмиралу во мнении императрицы, довел до ее сведения о происходящей на даче пальбе. Великая Государыня отвечала на это: «Пусть его палит, ведь он привык палить!»

(Морской сборник, 1855, № 6, с. 251–257)

А.П. Соколов. Лейтенант Ковако

Рассказ о георгиевском кавалере лейтенанте Николае Кузьмиче Ковако – это рассказ о воинском и христианском подвиге и благородстве русских моряков, мужественно разивших врага на войне и протягивавшим им дружескую руку в дни мира.

Он был молодец из всех наших молодцов того времени; у него в команде была плавучая батарея⁸³ и отряд канонерских лодок, которые водили ее на буксире. В 1789 году августа 13 дня наша гребная флотилия под начальством вице-адмирала принца Нассау-Зигена учинила нападение на шведский гребной флот, расположенный между островами Куцемулем и Коткой⁸⁴; дело уже завязалось, когда Ковако со своей батареей и отрядом лодок занял позицию в проливе между двух маленьких островов. Лодки, ошвартовав батарею поперек пролива, скрылись за ней и как будто из-за гранитной скалы выдвигаясь, разили врага меткими выстрелами. В то же самое время батарея производила убийственный огонь почти во фланг шведского крыла. Шведы уже торжествовали победу на этом крыле, но не могли воспользоваться успехом, ибо батарея в это время открыла свой огонь, почему шведы принуждены были учинить перемену фронта и сосредоточить все силы своего крыла против батареи Ковако и его отряда. И огонь неприятеля был таков, что на батарею почти все люди были ранены, сбитый флаг ее отнесло в сторону неприятеля, у самого Ковако оторвало левую руку, и потому на батарею огонь приутих на минуту; на ней стали переменять прислугу и самого Ковако уговаривали сделать операцию. «Не время», – отвечал он и дозволил сделать себе перевязку, дабы остановить кровь.

Шведы, не видя на батарею флага, который нечем было заменить, предположили, что батарея сдалась, и двинули на нее несколько судов. Ковако во время перевязки зорко сторожил шведов; по его словам батарея снова открыла сильный огонь. Вскоре на островке, ближайшем к шведской флотилии, послышался звук трубы, и явился парламентар. Парламентар объявил от имени своего главнокомандующего: «Так как батарея, спустившая флаг, вновь открыла огонь, то если через минуту не замолчит и не сдастся, то будет взята на абордаж, и тогда командира повесят на флагштоке, а людей бросят в воду!»

– Уверьте главнокомандующего, – отвечал Ковако, – что мы живые, верно, не попадем в его руки! Так ли, ребята?

– Рад стараться, ваше благородие! – громогласно отвечала команда.

– Доложите ему, – продолжал Ковако, – что если Бог благословит оружие нашей Всемилостивейшей Государыни, и он сам попадет мне в руки, то я его накормлю, напою, в баньке выпарю, деньгами снабжу и в его сторонку отпущу, и Матушка-Государыня верно скажет: молодец, Ковако, врагу за суленое зло заплати добром! Если меня убьют, вы, господа, исполните обещание?

Все офицеры единогласно подтвердили, что последняя его воля будет исполнена.

Отпуская парламентаря, Ковако извинился, что он, по неимению флага, бой будет продолжать без него.

На Роченсальме есть и теперь семь батарей и две улицы Ковако, три дома Ковако, колодезь и училище его имени. Про Ковако много пелось песен. Вот начало одной:

Где Нассау

---

⁸³ Плавучая батарея № 3 (с 1791 – «Непобедимая»). Спущена на воду в 1790 году. Участвовала в войне со Швецией (1788–1790). 27.6.1790 г в составе гребной флотилии вице-адмирала принца К. Нассау-Зигена подошла к Роченсальму и на следующий день батарея под командованием лейтенанта Н.К. Ковако участвовала во втором Роченсальмском сражении.

⁸⁴ В статье смешаны первое и второе Роченсальмское сражение.

Свою славу,
Всю засалив, потерял;
Там Ковако
Себе славу
Без руки сковал.

Когда великий Суворов воздвигал Кюмень-град⁸⁵, то сам обратился к Ковако, уже гражданину острова Котка. Полюбил его за ум и везде брал с собой на катере, прислушивался внимательно к замечаниям Ковако и все вновь воздвигнутые батареи назвал по имени его, различив номерами. Однажды Суворов посетил училище для детей нижних чинов, Ковако в своем доме устроенное, в то время как Ковако одним объяснял цифирь, других же учил грамоте. Суворов молча обнял Ковако и поцеловал в лоб и в тот же день объявил желание воду пить и окачиваться ей из колодца Ковако. Суворов, прощаясь с Ковако, взял его обеими руками за плечи, долго смотрел в глаза и, перекрестив, поцеловал его в лоб, сказав: «Помилуй Бог! У этого человека такие желания, которые он сам выполнить может, ему никого не надо, он счастлив».

Суворов, проезжая в карете мимо батарей Ковако, изволил сказать: «Помилуй Бог! Я сам Ковакой стал, во имя храброго Ковако столько ковак наковал». И тем дал знать, что солдатские песни, сложенные на гребной флотилии, были ему известны.

Много лет спустя, пришел к Роченсальмскому порту шведский корабль. Вошедший к главному командиру порта Ковако, лишь только взглянул на шкипера, тотчас кинулся к нему, вскричав: «Милый мой парламентар, здравия желаю!» Старики дружески обнялись, упрекнули, что они друг другу прострелили ноги. Благородный швед, ударяя по деревянной ноге в такт своему рассказу, сказал, что когда он возвратился к своему главнокомандующему и передал ответ Ковако, то в ту же минуту получил приказ взять батарею, но щадить по возможности всех... Старики долго беседовали о былом.

(Морской сборник, 1855, № 6, с. 86–91)

---

⁸⁵ После досадного поражения во втором Роченсальмском сражении, Россия приступила к укреплению восточного берега реки Кюмень (Кюмийоки), в 1743–1809 гг служившей естественной границей между Россией и Швецией. Деятельное участие в руководстве фортификацией принял А.В. Суворов.

Ордер Г.А. Потемкина Ф.Ф. Ушакову. 3 июля 1790 г.

Подвиги русского флота на Черном море вписали славную страницу в историю Отечества. Здесь развился и заблистал талант великого адмирала Федора Федоровича Ушакова, нашего морского Суворова, причтенного Русской Православной Церковью к лику святых. Но обратим внимание и на строй мыслей его непосредственного начальника светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического – насколько они проникнуты высоким духом христианского воинского служения.

В соответствии с рапортом вашим об оказавшимся в виду берегов таврических⁸⁶ неприятельском флоте, предписываю вашему превосходительству смотреть, куда тот наклоняется и старайтесь решить с ним дело. Молитесь Богу, он нам поможет. Положите на него всю надежду, ободрите команду и произведите в ней желание к сражению. Милость Божия с вами.

(Адмирал Ушаков. Сборники документов, т. 1, с. 209)

---

⁸⁶ Крымских.

Рапорт Ф.Ф. Ушакова Г.А. Потемкину о сражении в Керченском проливе. 8 июля 1790 г.

10 июля 1790 г., корабль «Рождество Христово»

Исполняя повеление вашей светлости, во время поисков показавшегося около Таврических берегов неприятельского флота сего июля 8 дня стоял с Севастопольским флотом в числе 10 кораблей, 6 фрегатов, одном репетичном⁸⁷, 13 крейсерскими судами и двумя брандерами при устье Еникольского пролива.

В 10 часу пополудни показался от стороны Анапа, флот неприятельский, который шел под всеми парусами от северо-востока прямо на наш флот и состоял в числе 10 линейных кораблей, из которых четыре флагманских и четыре отборных больших корабля и два прочих поменьше, 8 фрегатов, бомбардирских кораблей, шебек⁸⁸, бригантин⁸⁹, лансонов⁹⁰ и кирлангич⁹¹ – 36.

Я с флотом снялся с якорей и построил линию баталии, на которую неприятель спешил спуститься, ведя атаку свою на авангард. В 12 часов пополудни, подойдя близко, начал производить жестокий огонь, и по учиненному от меня сигналу «вступить в бой с неприятелем» началось сражение.

Авангард нашего флота усиливающееся нападение неприятеля выдерживал с отличной храбростью и жестокостью огня приводил его в замешательство и расстройство так, что они пальбу свою весьма уменьшили. Капитан-паша беспрестанно усиливал атаку свою, подкрепляя прибавлением кораблей и многими разными судами с большими орудиями. По учиненным от меня сигналам фрегаты отделились из линии корпуса резерва, а корабли сомкнули плотно свою дистанцию, и я с кордебаталией, прибавив парусов, спешил подойти против усилившегося неприятеля.

Последовавшая в это время в пользу нашу перемена ветра подала случай приблизиться к нему на такую дистанцию, что картечь из малых пушек могла быть действительна. Неприятель пришел в замешательство и начал прямо против моего корабля и передового передо мной корабля «Преображения» поворачивать всею густою колонной чрез оверштаг, а другие, поворачивая по ветру, спустились к нам еще ближе. Следующие передо мной корабль «Преображение» и находящийся под флагом моим корабль «Рождество Христово» произвели на всех них столь жестокий огонь, что им причинили великий вред на многих кораблях и самом капитан-пашинском; из которых весьма поврежденные два корабля в стеньгах и реях и один из них в руле со сбитой бизань-мачтой упали на нашу линию и шли столь близко, что опасался я сцепления с некоторыми из наших задних кораблей.

Вице-адмиральский корабль также весьма поврежден: паруса, фор-марсель и крьюсель упали вниз и были без действия, который потому, упав под ветер, прошел всю нашу линию весьма близко, и через то он и помянутые два корабля остались совсем уже разбиты до крайности. С некоторых кораблей флаги сбиты долой (из которых посланными шлюпками один взят и привезен на корабль), капитан-паша, защищая поврежденные и упавшие свои корабли, со

---

⁸⁷ Репетичный корабль – корабль, назначенный для репетования сигналов, то есть для их повторения эскадре сигналов флагмана, на траверзе которого он обычно держался.

⁸⁸ Шебека – парусно-гребное двух-трехмачтовое судно с косыми парусами.

⁸⁹ Бригантина – двухмачтовое парусное судно со смешанным парусным вооружением – прямыми парусами на передней мачте и косыми на задней.

⁹⁰ Лансон – одно-двухмачтовое судно, предназначавшееся для транспортировки войск.

⁹¹ Кирлангич (тур. *kirlangic* – ласточка) – легкое быстроходное парусно-гребное однодвухмачтовое судно с косым парусным вооружением.

всеми прочими и многими разными судами спустился под ветер, проходил контргалсом параллельно линии нашей весьма близко; через что потерпел со всеми ними также немалый вред.

Великое повреждение его кораблей и множество побитого экипажа было весьма заметно. При этом сражении кирлангич одна с людьми потоплена. Легкость в ходу их кораблей спасла от совершенной их гибели. Я по учиненному сигналу о погоне, имея на флоте все паруса, гнал за бегущим неприятелем и спускался к нему ближе, но как в скорости догнать их на порядочную дистанцию не мог, потому последовавшая ночная темнота весь флот неприятельский закрыла от нас из виду и через то лишились [мы] видимой уже бывшей почти в руках наших знатной добычи.

Жестокий непрерывный бой с неприятельским флотом продолжался от 12 часов пополуночи до 5 часов пополудни. С нашей стороны на флоте урон весьма мал; убитых: мичман Блаз Антонович, морской артиллерии лейтенант Петр Галкин, разных нижних чипов 27; раненых: флота лейтенанты Федор Кармазин, Михаила Леонтьев, Константин Патаниоти, шкипер Степан Рябиков, разных нижних чинов и рядовых – 64. Повреждения в корпусе на судах весьма мало, кроме что ядрами прострелены на некоторых кораблях мачты, стены и реи, перебито немалое число такелажа и паруса прострелены.

В продолжение сражения все командующие судов и разные чины флота Черноморского с крайним рвением и отличной храбростью выполняли долг свой, а особенно начальники кораблей, в бою бывших, отличили себя отменной храбростью и искусством в управлении со всяким порядком вверенных им судов.

...Сбитый и взятый флаг с большого линейного неприятельского корабля препроводить честь имею. О прочих же подробностях и отличившихся подкомандных⁹² по прибытии в Севастополь, отобрав обстоятельства, донести не премину.

Контр-адмирал и кавалер *Федор Ушаков*

(*Адмирал Ушаков: сборники документов, т. 1, с. 219–221*)

---

⁹² Подчиненных.

Донесение Ф.Ф. Ушакова о разгроме турецкого флота в сражении между Тендрой и Гаджибеем. 28–29 августа 1790 г.

8 сентября 1790 г.

По сходству повеления⁹³ е. св.⁹⁴ князя Потемкина, минувшаго августа 25 дня вышел я с флотом севастопольским в море для поисков над неприятельским флотом. 28 числа достиг вида острова Тендры и очаковского берега и в то же время обозрел флот неприятельский между Тендрой и Гаджибеем, стоящий на якорях в числе 14 больших линейных кораблей, 8 фрегатов и 23 отборных разного сорта судов; ветер был от стороны весьма способный к нападению, при котором я, пользуясь благоуспешностию случая, и пошел его атаковать. Флот неприятельский, усмотрев приближение наше, отрубив якоря, побежал к стороне Дуная, но я с флотом, гнавшись за ним, отрезал от той стороны, принудил к бою и, построившись на линии правого галса, находясь на ветре, спустившись на ближнюю дистанцию, имел жестокое сражение, от 3-х часов пополудни до самой ночи продолжавшееся. В это время флот неприятельский, будучи весьма уже разбит, с великими повреждениями вторично обратился в бег к стороне Дуная. Наш флот, гнавшись за ним, поражал его беспрестанно до тех пор, пока легкость его судов и темнота ночная закрыли из нашего вида.

Поутру 29 числа опять показался рассыпанный неприятельский флот в близости [от] нашего; я с флотом, гнавшись еще за ним, из поврежденных его кораблей один 66-пушечный взял в плен. Адмиральский корабль 74-х пушечный «Капитания» по продолжительном жестокое бое весь разбит, мачты все 3 сбиты по самую палубу; заливаясь уже водой, от впевившагося в корму его брандскугеля загорелся [и] отдался в плен. И едва передовая шлюпка успела только взять с него адмирала 3-х бунчужного пашу⁹⁵ Саит-бея с 19 чиновниками, как весь этот корабль объялся пламенем и [его] напоследок подорвало. Еще с него спасено на сбитых мачтах и членах подорванного корабля турок и разных людей – 81, а всего на этом корабле состояло служителей до 800 человек; на другом же пленном корабле состояло разных чинов служителей 650, из коих в плен взято 560, прочие побиты и померли.

Сверх этих кораблей взято в плен турецкая лансона – 1, бригантина

– 1 и 1 батарея с большими пушками, из них пленных на лансоне – 29, на батаре 43 человека.

...Во время боя с нашей стороны на всем флоте убитых разных чинов

– 21, раненых – 25 человек; повреждений в судах весьма мало. На кораблях состоят в пробитии 3 мачты и немного стеньги и реев; паруса и такелаж во время стояния против Гаджибея исправлены; обстоятельно же обо всем впредь донести не премину.

(Адмирал Ушаков: сборники документов, т. 1, с. 335–336)

---

⁹³ В соответствии с повелением.

⁹⁴ Его светлости.

⁹⁵ Титул турецких военных и гражданских чинов. Конские хвосты (бунчуки), которые раньше носились впереди пашей в торжественных случаях, были уничтожены султаном Махмудом II. Трехбунчужный паша соответствовал званию генерал-аншефа в русской армии или полного адмирала на флоте.

Письмо Екатерины Великой о победе над турецким флотом на Черном море

Читая это письмо великой немки на русском престоле, понимаешь, почему ее славное царствование ознаменовалось появлением такого созвездия выдающихся военных и государственных деятелей нашего Отечества.

Представьте себе... ко мне явился курьер от главнокомандующего князя Потемкина-Таврического с важной новостью о разбитии турецкого флота между Тендрой и Гаджибеем. 28 августа контр-адмирал Ушаков с севастопольским флотом атаковал его, взорвал 80-пушечный адмиральский корабль, самого адмирала взял в плен, а также его помощника по командованию с его кораблем о 70 пушках и несколько других судов меньшей величины, среди них – три двадцатипушечные бригантины, кроме того он взял в плен 900 турок. Остаток турецкого флота, который преследовали весь день 29 августа, спасался, где только мог, следовательно, теперь он рассеян. Сегодня – воскресенье. Я приказала отслужить молебен при звуках залпов из 101 пушки, а за моим обычным⁹⁶ столом на 288 приборов мы пили здоровье победоносного Черноморского флота и его контрадмирала Ушакова. Он получит за третье сражение в течение этого лета св. Георгия второй степени, и это будет первый в чине генерал-майора, награжденный Георгием этой степени; кроме того я ему дам землю. Вот как награждают у нас тех, которые хорошо служат государству; а у меня служат за четырех; основная причина этого в том, что у меня адвокаты и прокуроры не являются законодателями и никогда ими не будут, пока я жива, и после меня будут следовать моим принципам.

15 сентября 1790 г.

(Адмирал Ушаков. Сборники документов, с. 335–346)

---

⁹⁶ В тексте «маленьким».

Ордер Г.А. Потемкина Ф.Ф. Ушакову. 29 сентября 1790 г.

Тактика, основанная на решительном поражении флагманов, была направлена на деморализацию противника и быстрейшего достижения победы «малой кровью». Блестящее применение этой тактики в сражении при Калиакрии украсило Черноморский флот и Ф.Ф. Ушакова новыми лаврами. Заметно, что победы моряков воспринимались уже совершенно так же, как и победы Суворова, про которые в постановлении Военного совета перед штурмом крепости Измаил гордо говорилось: «...отступление предосудительно победоносным Его Императорского Величества войскам».

Когда в турецком флоте бывает сбит флагманский корабль, то все рассыпаются. Я для сего приказал вам иметь при себе всегда «Навархию», «Макроплию» и фрегат «Григорий Великой Армении» и наименовал ее эскадрой кайзер-флага. Всеми прочими кораблями, составляющим линию, занимайте другие корабли неприятельские, а с помянутой эскадрой пускайтесь на флагманский, объяв его огнем сильным и живым; разделите, какое судно должно бить в такелаж, какое в корпус, и чтоб при пальбе ядрами некоторые орудия пускали бомбы и брандскугели⁹⁷.

Что Бог даст вам в руки, то Его милость, но не занимайтесь брать, а старайтесь истреблять, ибо одно бывает скорее другого.

Требуйте от всякого, чтобы дрались мужественно, или лучше скажу – *по-черноморски*, чтоб были внимательны к повелениям и не упускали полезных случаев.

Подходить непременно меньше кабельтова, Бог с вами. Возлагайте твердую на Него надежду, ополчась верою, конечно победим. Я молю создателя и поручаю вас ходатайству Господа нашего Иисуса Христа.

(Адмирал Ушаков. Сборники документов, т. 1, с. 359–360)

---

⁹⁷ Зажигательные снаряды.

Рапорт Ф.Ф. Ушакова Г.И. Потемкину о разгроме турецкого флота в сражении у мыса Калиакрия. 31 июля 1791 г.

5 августа 1791 г.,
корабль «Рождество Христово»

По сходству повеления вашей светлости, июля 29 с флотом, мне вверенным, вышел я в море в числе шестнадцати кораблей, двух бомбардирских, двух фрегатов, одним репетичным, одним брандером и семнадцатью крейсерскими судами для поисков флота неприятельского и, продолжая плавание к румелийским берегам, 31 числа усмотрел его, стоящий на якорях в линии при Калиакрии против мыса Калерах-Бурну под прикрытием сделанной на нем береговой батареи.

Я с флотом под выстрелами ее прошел близ самого берега и, отрезав его от берега, будучи на ветре, спешил атаковать. Неприятель, уstraшенный нечаянным⁹⁸ приходом нашего флота, проиграв ветер, отрубил якоря, лег на паруса и, будучи в замешательстве, некоторые корабли при довольно крепком ветре сошлись между собою и на двух тот же час оказалось повреждение: с одного упала бизань-мачта, а на другом переломился бушприт. Поврежденный – без бушприта – ушел в сторону Варны, а второй остался при флоте.

Флот неприятельский состоял в числе восемнадцати больших кораблей (из которых девять под флагами на брам-стенгах), десяти больших линейных фрегатов, семи малых и многочисленных разного сорта мелких судов. Капитан-паша с флотом бежал под ветер и начинал строить линию баталии, переменяя несколько раз на правый и на левый галс. Я, пользуясь этим замешательством, нагонял его со флотом, мне вверенным, будучи в порядке марша трех колонн.

Капитан-паша некоторую часть кораблей своих устроил уже в линию правого галса, но известный алжирский паша Саит-Али, подойдя с отдельной частью флота, состоящего под красными флагами передовым, оборотил весь флот за собой, устраивая линию на левый галс, чему последовал и капитан-паша.

Я, гнавшись за ними, сигналом приказал с поспешностью строить линию баталии при ветре северо-северо-восточном, параллельно флоту неприятельскому, и спускался на него со всей возможной поспешностью. Притом же заметил я, что Саит-Али с вице-адмиральским кораблем красного флага и другим большим и несколькими фрегатами, будучи сам передовым, спешил отделить вперед, выигрывая ветер, потому для предупреждения его намерения погнался я с кораблем «Рождество Христово» за ним, следуя впереди нашей линии, и сигналом подтвердил флоту исполнять повеленное и сомкнуть дистанцию. Построив линию нашего флота в самом близком расстоянии против неприятельской и догнав передовой корабль паши Саит-Али, сигналом приказал всему флоту спуститься к неприятелю на ближнюю дистанцию. А корабль под флагом моим «Рождество Христово», приблизившись к передовому пашиному кораблю на дистанцию полукабельтова, атаковал его, обойдя несколько с носу, и по сигналу всей линией началось жестокое сражение и продолжалось от пяти до половины девятого часа пополудни.

В это время с помощью Божией прежде всех [был] сбит передовой и лучший корабль неприятельского флота паши Саит-Али, который от производимого беспрерывно жестокого на него огня тотчас остался без фор-стенги, без грот-марселя с расстрелянными нижними парусами и в прочих частях разбит до крайности; поворотился в закрытие в середину своего флота.

---

⁹⁸ Неожданным.

Место его заступил вице-адмирал красного флага с помощью еще одного большого корабля и 2-х фрегатов, но и те сбиты [были] и с немалым повреждением, также оборотились в соединение с флотом, защищая, однако, от следующих за мною кораблей пашу Саит-Али. Передовые наши корабли, бывшие за мною, «Александр», «Предтеча» и «Федор Стратилат», исполняя мое повеление, окружили передовые бегущие неприятельские корабли и с великой живостью производили по ним и вдоль всего флота непрерывный огонь. А между тем корабль «Рождество Христово» спешил приблизиться к бегущему в середину флота кораблю паша Саит-Али, чтобы его не пустить, и производил сильный огонь по нему и вдоль всего неприятельского флота, который от следующей за передовыми [кораблями] всей нашей линией был весьма разбит, замешан и стеснен так, что неприятельские корабли сами друг друга били своими выстрелами.

Наш же флот всей линией, передовыми и задними кораблями совсем его окружил и производил с такой отличной живостью жестокий огонь, что, повредив многих в мачтах, стеньгах, реях и парусах, не считая великого множества пробоин в корпусах, принудил укрываться многие корабли один за другого; и флот неприятельский при начале ночной темноты был совершенно уже разбит до крайности, бежал стесненной кучей под ветер, оборотившись к нам кормами, а наш флот, сомкнув дистанцию, гнал и непрерывным огнем бил его носовыми пушками, а которым удобно – и всеми лагами.

Особо же разбиты и повреждены более всех пашинские корабли. При таковой дарованной от Всевышнего совершенной победе, несомненно надеялись мы несколько кораблей взять в плен, но от этого спасла их перемена ветра и совершенная густая темнота ночи.

В половине 9-го часа при сгустившейся от дыма ночной темноте флот неприятельский, будучи весь в дыму, начал закрываться из виду; ветер, затихая, совсем заштилел, и сделалось переменное маловетрие, при котором неприятель остался на ветре, а корабли нашего флота оставались долгое время без действия парусами.

В 12 часов пополудни лег я с флотом на правый галс и шел с поспешностью, уповая, прямо на флот неприятельский, ибо в темноте ночи при мрачной еще погоде было его не видно. При погоне за ним 6 часов пополудни оказался виден он, бегущий в сторону Константинополя; я, прибавляя сколько можно парусов, старался его нагнать, но северный ветер, усиливаясь час от часу, сделался весьма крепкий, и развело великое волнение, при котором я, имея на флоте также повреждения в стеньгах, реях и парусах и на корабле «Александр» от подводных прострелов пушечных великую и опасную течь, с крайним сожалением сию погоню принужденно оставил.

По рапортам командующих оказалось во время бою убитых на всем флоте унтер-офицеров – 1, рядовых – 16; раненых: капитан-лейтенант Ганзер, лейтенант Головачев, штурман прапорщичьего ранга Жмухин, унтер-офицеров – 2, рядовых – 23; всего – 28 человек.

...Во время бывшего июля 31 дня сражения все командующие судов и разные чины флота черноморского служители с крайним рвением и беспримерной храбростью и мужеством выполняли долг свой, а особенно отличились начальники эскадр, которые по учиненным от меня сигналам первыми спустились на ближнюю дистанцию к неприятелю и, подавая пример прочим, производили бой, беспрестанно теснили неприятеля с таким отличным искусством, рвением, мужеством и храбростью, что на бывших против них кораблях тотчас заметны были повреждения, и неприятель бежал и укрывался от поражения. Я за долг почитаю всем им отдать справедливость и представляю все это дело и их на милостивое уважение вашей светлости.

Контр-адмирал и кавалер *Федор Ушаков*
(Адмирал Ушаков: сборники документов, т. 1, с. 511–516)

Глава 3

Кампании в архипелаге

Чесменское сражение

Первая экспедиция (1768–1774) в архипелаг Ионических островов или, как тогда говорили, в Греческий архипелаг, обогатила нашу военную историю Днем воинской славы. Эскадра под командованием адмирала Григория Андреевича Спиридова и графа Алексея Григорьевича Орлова полностью уничтожила турецкий флот в Чесменской бухте (24–26 июня 1770 г.).

Чтобы поправить дела наши в Архипелаге было одно средство: сразиться с турецким флотом, который тогда пробирался уже в Дарданеллы. Орлов пошел за ним в погоню и настиг его 23-го июня у пролива, отделяющего о. Хиос от материка Азии. Флот неприятельский состоял из 16 линейных кораблей, из которых 3 имели по 90 пушек, 3 по 80, а остальные по 60, из 6 фрегатов и 60 мелких судов: шебек, галер, транспортов и галиотов. Флотом этим командовал капудан-паша Джафар Гассан-эддин – человек недалекий и без энергии; он имел флаг свой на 90-пушечном корабле; всем распоряжался прославленный у турок Гассан Гази-бей.

Превосходство сил оттоманского флота не остановило намерения русского предводителя, который приказал всему флоту спуститься в пролив. Для этого надо было обогнуть остров, но прежде чем успели подойти к входу, стемнело, и ночь отсрочила битву. Положено было на общем совете флагманов разделить флот на три части. Авангард поручен был адмиралу Спиридову, имевшему свой флаг на корабле «Евстафий». Кордебаталией на корабле «Три иерарха» предводительствовал сам главнокомандующий. Адмиралу Эльфинстону на «Свято-славе» поручен был арьергард. Бригадиру артиллерии Ганнибалу⁹⁹, который был вместе с тем и генерал-фельдцейхмейстером¹⁰⁰ флота, вверен был бомбардирский корабль «Гром».

Утром 24-го июня в 4 часа при тихом ветре по сигналу с корабля «Три иерарха» «гнаться за неприятелем» весь флот вошел в Хиосский пролив. Завидев русские корабли, Джафар бежал со страху на берег. Команду принял Гассан-бей; он примкнул левое крыло своего флота к небольшому каменному островку, а правое к отмели недалеко от Чесменского залива. В 11 часов наша линия была выстроена, корабли стали спускаться на неприятеля.

---

⁹⁹ Знаменитый «арап Петра Великого» И.П. Ганнибал.

¹⁰⁰ Начальником артиллерии.

Г.И. Спиридов

В половине 12 часа передовой корабль наш «Европа» привел к ветру на левый галс и открыл огонь, но близость мели и камней заставила его отойти и занять место в линии за «Ростиславом». «Евстафий» встал против корабля капудан-паши; за «Евстафием» шел корабль «Три святителя» и вступил в бой почти в одно с ним время. Через полчаса на «Трех святителях» перебило фока-брасы, корабль поворотил против ветра на другой галс и упал за линию, так близко к турецкому флоту, что корабль «Три иерарха» принял его по густоте дыма за неприятельский и палил по нему, но он успел выбраться на ветер и стал в линию. Бой сделался всеобщим. Авангард и кордебаталия действовали метко и проворно своими орудиями; один арьергард приблизился к боевой линии уже под конец сражения и палил издали безвредно.

Ужасный огонь поддерживался в течение нескольких часов с равной силой. Корабль «Евстафий» бился против трех линейных кораблей и шебеки, но главные выстрелы свои направлял на 90-пушечный корабль капудана-паши, на котором был Гассан-бей; «Евстафий» сблизился с ним на ружейный выстрел: поврежденный в рангоуте, он не мог более управляться и навалил на своего противника: оба сцепились, и тогда завязался жестокий рукопашный бой; палубы были покрыты убитыми и ранеными.

Вскоре на корабле капудана-паши показалось пламя и быстро разлилось по снастям. Турки толпами бросались в воду. «Евстафию» угрожала такая же участь, ибо отделиться от противника не было возможности. Тогда с нашего флота посланы были гребные суда спасать экипаж с «Евстафия». Русские успели сорвать флаг с корабля капудана-паши и в силе 10 офицеров, 51 нижних чинов вместе со Спиридовым и Орловым спаслись на шлюпках, прежде чем обгоревшая грот-мачта турецкого корабля упала на «Евстафий», который вслед за сим и взлетел на воздух вместе с кораблем капудана-паши. При этом погибло 628 наших, в том числе 30

офицеров¹⁰¹. Этот взрыв поразил оба флота. Канонада вдруг прекратилась и наступила минутная тишина.

На месте взрыва появились гребные суда: одни спасали русских, другие – турок; завязалась драка между спасавшимися, с берега посыпались ружейные выстрелы.

Это ожесточило наших, особенно греков – они не давали никому пощады. Капитан турецкого корабля, раненый, был взят на нашу шлюпку, но один грек толкнул его в воду, другой пустил в него пулю. Между тем турки рубили якорные канаты и, пользуясь попутным ветром, бросились в Чесменский залив под защиту цитадели. Флот наш не мог тотчас преследовать неприятеля; надлежало прежде исправить повреждения, хоть они были и неважны. Всего [было] 7 убитых, 36 раненых. Если бы не взрыв корабля «Евстафий», потеря наша была бы незначительна.

Вечером на военном совете решено было атаковать в Чесменском заливе турецкий флот и, если можно, сжечь его. Для этого приказано артиллерии бригадиру Ганнибалу обратить четыре греческих судна в брандеры. Лейтенанты Дмитрий Ильин, Дугдаль, Мекензи и мичман князь Василий Гагарин вызвались вести их на неприятельский флот.

Пока артиллеристы изготовляли брандер, флот наш 25 июня выстроился полукружием перед входом в Чесменский залив, корабль от корабля в 100 саженях¹⁰². В центре стал корабль «Три иерарха», по флангам «Европа» и «Саратов». Таким образом, выход из залива турецкому флоту был прегражден. Турки стали укрепляться на своей позиции и усилили батареи на берегу, чтобы ими действовать во фланги нашего флота. Четыре их корабля стали против нашего фронта, а за ними в глубине залива расположились и прочие турецкие суда.

Настал вечер; лунная ночь и тихий ветер благоприятствовали началу дела. Бригадиру Грейгу приказано было атаковать неприятеля кораблями: «Европа», «Ростислав», «Не тронь меня» и «Саратов», фрегатами: «Надежда» и «Африка», бомбардирским кораблем «Гром» и брандерами.

Грейг поднял брейд-вымпел на корабле «Ростислав». В полночь 25 июня на кормовом флагштоке «Ростислава» показались три фонаря – тогда все суда, в атаку назначенные, двинулись вперед. Первым шел фрегат «Надежда», но он отстал; тогда адмирал Спиридов закричал с корабля «Три иерарха» в рупор, чтобы корабль «Европа», не дожидаясь других, спешил в атаку. Командир его Клокачев в половине первого часа стал на шпринг и открыл пальбу; ему отвечали выстрелы со всех передовых турецких кораблей. Полчаса Клокачев бился один, пока не подошли другие суда Грейгова отряда. Обе стороны усердно мерялись бомбами и калеными ядрами. На турецком корабле загорелся грот-марсель; турки не успели еще потушить пожара, как загорелся и другой их корабль. «Ура!» – раздалось на нашем флоте. Настал момент решительный – по сигналу Грейга взвились три ракеты, и брандеры пустились на турецкий флот. Брандер Мекензи сел на мель и сгорел даром. Дундаль по приближении к неприятелю был покинут командой, которая бросилась в шлюпки¹⁰³; однако он зажег свой брандер, опалил себе лицо, кинулся в воду и доплыл до шлюпки. Его брандер и Гагарина, пущенные неудачно, не принесли пользы. Один Ильин пристал к 84-пушечному кораблю, сцепился с ним и на глазах неприятельского экипажа сам зажег роковой фитиль; потом без всякой торопливости пересел в шлюпку и возвратился на свой корабль. Следствием этого подвига был взрыв 84-пушечного корабля, от которого загорались и взлетали на воздух турецкие суда одно за другим. Неприятель пришел в совершенное расстройство. Чтобы усилить его, русские усилили пальбу. Пламя охватило весь мусульманский флот. Пожар продолжался с 3-х часов ночи до 9-ти утра. Пят-

---

¹⁰¹ Командир «Евстафия» Круз, констапель Миллер, шкипер Слизов и несколько матросов, выброшенные взрывом за борт, успели ухватиться за обломки и были спасены.

¹⁰² Приблизительно в 70 метрах.

¹⁰³ За это рулевой после сражения был наказан кошками, а прочие линьками. Сверх того все были понижены до матросов 2-й статьи.

надцать линейных кораблей, шесть фрегатов, шесть шебек, восемь бригантин и галер, тридцать два галиота и фелуки – словом, 67 разного рода судов сделались жертвой пламени. Турок погибло более 20 тысяч. Вода залива, отражая пожарище, представляла ночью одну огненную бездну; а наутро кровавую поверхность с обгоревшими обломками и всплывающими обезображенными трупами¹⁰⁴.

Столь решительная победа стоила русскому флоту невероятно малой потери. Убитых было всего трое, ранено шестеро – все с корабля «Европа», который один более всех пострадал: в нем было 14 пробоин, наполовину подводных.

(Морской сборник, 1855, № 6, с. 328–333)

---

¹⁰⁴ Князь Долгоруков пишет: «Вода, смешанная с кровью и золой, получила прескверный вид. Трупы людей обгорелые плавали по волнам, и так ими порт наполнился, что с трудом можно было в шлюпке разъезжать».

У. Уэсли. Гибель «Евстафия»

Рассказ участника сражения лейтенанта Уильяма Уэсли, служившего на линейном корабле «Не тронь меня» посвящен обстоятельствам героической гибели флагмана русской эскадры, которая, тем не менее, много способствовала блокированию турецкого флота в бухте Чесмы и облегчила его уничтожение.

Адмирал Спиридов, ведя авангард, спускался прямо на головной неприятельский 100-пушечный корабль *Capitana-Ali-Bey*. При этом он попал под перекрестный огонь пяти турецких кораблей, и у него сразу же было убито около ста человек; но сам он молчал и берег свои снаряды, пока не подошел на расстояние мушкетного выстрела. Тогда он выпустил [по] туркам губительный залп, повторив его сейчас же другим бортом. Но турки отвечали ему тем же; почти весь его такелаж был перебит. Потеряв способность управляться, он пытался выйти из линии, чтобы спешно исправить свои повреждения, но в это время ядром перебило у него правый грота-брас. Следующее ядро перебило левый грот-марса-шкот, и корабль, не слушаясь руля, всем своим бортом навалился на турка; отдать якорь опоздали.

На палубе началась ожесточенная рукопашная схватка. Наконец, русским удалось отгеснить противника с их палубы; флаг с полумесяцем был сорван. Громадный корабль был уже почти взят и послужил бы завидным трофеем адмиралу, но в это время на нем вспыхнул пожар.

Во время этой лихой абордажной схватки и команда, и офицеры дрались, как львы, и явили бесчисленное количество примеров отменной храбрости и мужества. Так, например, французский дворянин *M. Fort*, первый лейтенант адмирала Спиридова, лишился части щеки, оторванной ядром, но его не смогли убедить спуститься вниз; прикрывая рану платком, он оставался на своем посту и продолжал ободрять людей. Вскоре затем другое ядро оторвало ему правую ногу, и он упал, но вскоре очнулся и пытался подняться, но в это время третье ядро разорвало его пополам.

Схватка флагманского корабля адмирала Спиридова с турецким адмиральским кораблем привлекла особое внимание обоих флотов; свалившись на абордаж, они дрались еще около четверти часа, когда вдруг из правого кормового балкона на турецком корабле вырвался столб дыма и пламени. В одну минуту все смешалось; самые мужественные сердца дрогнули. Пожар разрастался с каждым мгновением и с неодолимой яростью охватывал уже такелаж и мачты на корабле Спиридова. Команды обоих судов, видя смерть перед своими глазами, забыли вражду, прекратили огонь и думали только о спасении. Одни кидались в море, но лишь немногие из них были подобраны с других кораблей; другие, как бы оцепенев от ужаса, пассивно ожидали решения своей участи.

Наконец грот-мачта турецкого корабля, вся объятая пламенем, рухнула на палубу «Евстафия», и он взлетел на воздух со всеми находившимися на нем людьми. Зрелище было поистине ужасное.

Между тем, пылающий турецкий корабль представлял для своих подветренных мателотов серьезную опасность, которую страх разделить участь «Евстафия» преувеличивал, по крайней мере, раз в десять. Весь неприятельский флот охватывала паника, и под ее влиянием турки пришли к роковому для себя решению: они один за другим рубили свои канаты и спускались в бухту Чесма. Здесь турки надеялись хоть на несколько дней укрыться от русского флота.

Немедленно после катастрофы с «Евстафием» на место его гибели посланы были шлюпки; им приказано было подойти возможно ближе к обломкам двух несчастных кораблей и пытаться спасти всех, кого возможно.

Мужественный командир «Евстафия» капитан 1 ранга Круз оставался на своем корабле до конца. Тяжело раненый, он был подобран с воды подошедшей шлюпкой. Но храбрые мат-

росы и их офицеры были не так счастливы; все они погибли в волнах или были прирезаны турками, которые, видя свое поражение, были взбешены до последней степени и, чтобы отомстить за свой позор, все время поддерживали с берега огонь по шлюпкам, пытавшимся спасти тех немногих, которые чудесно избегли смерти в огне. Эта жестокость так возмутила русских офицеров, бывших в шлюпках, что они решили не только не принимать с воды ни одного турка, но и стрелять по ним, или добивать по голове веслами. Не разбирая ни звания, ни состояния, они не давали пощады никому.

(Морской сборник, 1914, № 5, с. 23–25)

Рапорт Ф.Ф. Ушакова Павлу I

Следующий средиземноморский поход (1798–1800) проходил под флагом адмирала Федора Федоровича Ушакова, возглавлявшего соединенные эскадры России и Турции. Как показывает рапорт Ф.Ф. Ушакова императору Павлу I, гуманизм, честность и верность слову являются вполне осязаемыми средствами достижения победы. «Не меньше оружия поражать противника человеколюбием», – рекомендовал А.В. Суворов. Этот принцип свято соблюдался русскими моряками во время всех кампаний в Архипелаге. Оттого флаг и имя России уважались и приобретали друзей и союзников.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу: бывшие Венецианские острова, большие и малые, все нами соединенными эскадрами от французов освобождены, кроме острова Корфу, который содержится эскадрами нашими в блокаде; обыватели всех тех мест столь привержены и преданы Вашему Императорскому Величеству, я не в состоянии описать столь великой приверженности, какая действительно от душевного рвения их явственна, а особо когда пришли мы с эскадрами к острову Занте... редкое гребное судно и лодка показывались, на которых не было бы российского белого флага с Андреевским крестом; когда по надобности сходил я на берег и был в монастырях и церквях, от стеснившегося народа по улицам нельзя было пройти от чрезвычайного крика: «Виват, Павел Петрович! Виват государь наш Павел Петрович!» Почти во всех домах и из окошек выставлены были флаги первого адмирала¹⁰⁵, несколько тысяч таковых было видно по всем улицам на белых платках и на холстине нарисованные Андреевским крестом, также из окошек развешено было множество одеял, платков и разных бумажных и шелковых материй. Женщины из окошек, а особо старые, простирая руки, многие крестятся, плачут, показывая видимость душевных действий, какие в них от удовольствия происходят; малолетних детей выносят, заставляют целовать руку у офицеров, даже у служителей наших. Словом, во всех островах замечено мной в отношении обывателей чрезвычайная приверженность Вашему Императорскому Величеству; такой вид наносит огорчение товарищам моим¹⁰⁶, но я всеми способами учтивостью и лаской стараюсь их успокоить, всех знатных первейших жителей, приходящих ко мне, всегда посылаю к Кадыр-бею, командующему турецкой эскадрой, для оказания такого же ему почтения, и все дела решим вместе нашим согласием.

Одно только сомнение мне встретилося, когда Али-паша¹⁰⁷, командующий на берегу турецкими войсками, разбил в Превезе французов и попытавшихся быть вместе с французами нескольких [местных] жителей, то после победы в Превезе перерезаны все, кто только ни попал в руки – старые и малые и многие женщины, а остальные взятые женщины и ребята продаются торгом, подобно скотине... Все прочих мест береговые жители, видя чрезвычайные жестокости, пришли в отчаяние и озлобление, а особо обыватели города Парги, хотя неоднократно пашой принуждаемы были подписать договоры, какие он им приказал сделать, но все общество не принимает и слушать не хочет, в город и в крепость войска его не пускают, подняли сами собой российский флаг и из рук его не выпускают, неотступно просят от эскадр наших покровительства.

Откровенно осмеливаюсь всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величеству, поголовно все жители здешнего края бесподобную приверженность имеют к России,

---

¹⁰⁵ Имеется в виду апостол Андрей.

¹⁰⁶ Союзным с русскими туркам.

¹⁰⁷ Али-паша Янинский (1741–1822) – номинальный вассал Османской империи, фактический правитель Албании и части Греции.

этими только средствами мы малым числом десантных наших войск побеждаем и берем крепости, которое великими турецкими войсками без наших, по мнению моему, никак бы взять было невозможно, ибо жители островные все бы против них вооружились и были бы преданы французам и с ними вместе дрались бы до последней крайности. Словом, по это время действия наши простираются по учтивому и благоприятному обращению нашему с островными жителями, которых стараюсь я привлечь и уговорить с нами действовать сообща против французов.

Жестокие поступки Али-паши на берегу поколебали было сомнением и всех островных жителей, но как непрерывно стараюсь их успокоить, то они с великим доверием ко мне идут, вооружаются и действуют со мной теперь. Прибыл я с эскадрой на Корфу, и жители с восхищением и распростертыми руками нас принимают. Всемиловейший Государь, если бы я имел только один полк российского сухопутного войска для десанта, непременно надеялся бы я Корфу взять, соединяясь с жителями, которые одной только милости просят, чтобы ничьих других войск, кроме наших, к тому не употреблять. Жители будут служить нам по всей возможности и всеми силами...

Я сего числа с эскадрой подхожу к острову Видо, намерен его атаковать и стараться десантом соединенных эскадр овладеть, а после действовать по обстоятельствам.

10 ноября 1798 г.

(Адмирал Ушаков: материалы для истории русского флота, т.2, с. 191–195)

Письмо турецкого визиря Ф.Ф. Ушакову

Знаменитому между князьями Мессийского народа, высокопочтенному между вельможами нации христианской, господину адмиралу, командующему Российским флотом на Средиземном море, искреннему и любезному приятелю нашему, коего конец да будет благ.

... Деятельность и храбрость Ваша обнадеживают блистательную Порту к дальнейшим подвигам, она нелицемерно поставляет Вас в число *славнейших адмиралов в Европе* и знаменитых ревнителей к службе Вашего государя Императора.

Его Султанское Величество посылает Вашему Высокопревосходительству на самомалейшие расходы Ваши *тысячу червонных*, а я со своей стороны нетерпеливо желаю слышать всегда о Вашем здоровье и о Ваших победах и что Ваше высокопревосходительство употребите все Ваши старания о завладении крепостей Корфу. Вот предмет, который подлинно усовершенствует навеки славу Вашу. Блистательная Порта должна это ожидать от храбрости, деятельности и достоинства Вашего Превосходительства.

Мир да будет на следующих пути прямому!

(*Морской сборник, 1915, № 5, с. 230–231*)

Обращение Ф.Ф. Ушакова к жителям деревни Горицы

Русский адмирал был не только искусным дипломатом. Когда было надо, его голос мог звучать грозно. Сила и умеренность, умение расположить к себе сердца и строго потребовать исполнения приказа сочетались в нем в идеальной пропорции.

Я узнал, что некоторые из жителей этой деревни совершенно от страха, чтобы не быть французами разоренными, соединились с ними и начинают войну против своих друзей и родственников. Если точно делают это они от страха французов, то я на этот раз их прощаю и приказываю всем жителям деревни Горицы соединиться с нами и жителями островными и действовать общими силами против французов. Я весьма сожалею, что они близко от крепости [занятой французами] и могут терпеть от нее [ущерб], но такого несчастья избежать нельзя иначе как, соединяясь с нами, отбивать французов. Я пошлю на этот берег десант и пушки и будем вместе общими силами их защищать и атаковать крепость, как и все места мы будем атаковать; эскадра целая моих кораблей на днях соединится со мной, и силы наши будут велики и весьма превосходны, сверх того имеем мы на матером берегу Али-пашу с сорока тысячами албанцев. Если жители здешние не соединятся со мной, все эти войска с Али-пашой [при]будут сюда. Деревню Горицу тотчас обращаю я в пепел и жителей ее, если не последуют моему приказанию, накажу бесподобно, ибо почтутся совершенными нашими неприятелями, но закон наш¹⁰⁸ уверяет меня, что жители деревни Горицы, защищая его от безбожных и незаконных французов, соединятся с нами непременно...

15 ноября 1798 г.

(Адмирал Ушаков: материалы для истории русского флота, т.2, с. 207)

---

¹⁰⁸ Общая православная вера.

Е.П. Метакса. Взятие Корфу

Отрывок из записок офицера русского флота Егора Павловича Метаксы относится к моменту подготовки к штурму и взятию сильнейших укреплений острова Видо, являвшихся ключом к главной крепости острова Корфу. После капитуляции Корфу адмирал Ф.Ф. Ушаков основал на освобожденных от французов островах Ионического архипелага Республику семи соединенных островов, сделавшуюся фактически русской колонией на Средиземном море до 1807 года, когда «обидный Тильзит» (по выражению А.С. Пушкина) разорвал связь с Россией всецело преданного ей греческого народа.

Едва дошло до Корфу известие о выходе из Дарданелл соединенных эскадр, как главнокомандующий Ионическими островами генерал Жентили в качестве комиссара французской Директории отправился сам в Церковную область для домогательства при новоучрежденной римской республике войск и провианта с просьбой доставить оные на судах в Корфу, угрожаемую осадой союзных флотов.

Главное начальство было в отсутствие Жентили препоручено генералу Дюбуа. Между тем деятельный капитан Лажуаль, не теряя ни малейшего времени, собрал все французские гарнизоны, раскиданные по албанскому берегу. Он дал первый предложение на военном совете укрепить остров Видо батареями. Остров сей был усеян масличными деревьями и виноградником, имел каменную церковь, несколько домов и других заведений; но французы деревья употребили на засеки, а материал церкви и домов на построение батарей вокруг острова и печей для каления ядер.

...Между тем жители разных деревень, собравшись толпами, неотступно просили помощи, умоляли адмирала Ушакова дать им на первый случай хотя две пушки с малым числом канониров, одного офицера с 12 солдатами, доказывая необходимость построить батареи на южной стороне Корфу. Это было самое удобное место, прямо против старой крепости на высоком холме. Они столько жаловались на грабежи французов и так настоятельно уверяли, что при помощи означенных людей наших составят сами двухтысячный корпус для охранения сего места, что отказать им в просьбе их казалось противным общей пользе. Батарею поручено было устроить волонтеру с острова Занта греку графу Маркати, весьма искусному инженеру, и с ним посланы поручик Кантарينو с 12 фузилерами, одним унтер-офицером и 6-ю канонирами.

Маркати укрепил сию батарею в одни сутки, поставил на ней из наших призовых орудий одну гаубицу и две полевые пушки и, не дождавшись обещанного подкрепления с кораблей, открыл огонь с помянутыми служителями и обывателями деревень. Внезапное появление батареи сей удивило французов, и, по удобству места, она причинила во внутренности крепости великое повреждение.

20-го числа [ноября 1798 года] посланы [были] на судах в подкрепление обещанные служители, но едва стали приближаться к сборному месту, как были со всех сторон окружены и схвачены французами. Сии сделали сильную вылазку [на батарею] в числе 600 человек и островские жители, коих там было тысячи до полуторы, оробели и предались бегству. Адмирал, видя их рвение и добрую волю, полагался и на неустрашимость их, а паче еще на великое их число, но мирные сии неопытные поселяне, видевшие, может быть, в первый раз ужасные действия пушечных выстрелов, не смогли устоять даже против горсти регулярных войск. Как бы то ни было, менее нежели в четверть часа русские остались одни на батарее; сколь храбро они не оборонялись, но должны были уступить страшному превосходству сил врага. Все пали, кроме 17 человек, взятых в плен.

Французы, возгордившись успехом своим, вздумали было сделать покушение против нашей батареи и в первом часу пополудни послали новую вылазку. В оной было уже до 1 000 человек под командой генералов Шабо и Пиврона и прочих батальонных начальников. Они стремительно ударили на холм Кефало, где было наше укрепление. Здесь находился отставной волонтер нашей службы капитан Кирико с 30 албанцами и несколькими островными жителями. Все они состояли под начальством капитана Евграфа Андреевича Кикина.

Как скоро французы приблизились к батарее, то островные жители и здесь смялись и предались бегству. Неожиданный побег жителей и сильное стремление французов не ослабили нисколько действия нашей батареи. Русские встретили неприятеля с обыкновенным своим мужеством: схватка была прежаркая и упорная. Севастопольцы видели тут в первый раз французов, наполнявших уже всю Европу страхом, и французов, одним только Суворовым в Италии поражаемых. Республиканцы наступали на батарею с трех сторон с великой неустрашимостью, но были отовсюду отражаемы как пушками, так и штыками русскими. Воспаленные мужеством гренадеры наши не хотели долее оставаться за окопом, не принимая участия в общем сражении. Они единогласно просили капитана своего, чтоб он позволил им решить дело, сделав вылазку. Храбрый Кикин горел одним желанием с солдатами; он взял с собой отборных офицеров, 200 человек гренадеров и других охотников и пустился с ними на неприятеля. Выступив из батареи, отряд сей сделал один залп их ружей и в тот же миг быстро ударил в штыки. Французы, будучи поражены сим нечаянным¹⁰⁹ нападением, отступили, и иные едва могли укрыться под самым гласисом¹¹⁰ крепостей, оставляя победителям поле сражения, убитых и раненых.

Урон со стороны французов был немаловажный: убит один батальонный начальник, несколько офицеров и до 100 рядовых, раненых было более 200 человек. С нашей стороны между ранеными находился храбрый Кикин, получивший две тяжелые раны: одну пулей в верхнюю часть груди, а другую штыком в правый бок.

Адмирал Ушаков крайне был доволен успехом сим и отдал полную справедливость отличившимся в сем деле. Сыны России! Если случится которому из вас быть в Корфиотском проливе и ехать мимо холма Кефало, взгляните на развалины русских укреплений, некогда тут бывших. Они омочены кровью собратий ваших, положивших живот свой за единоверцев, вспомните с признательностью имена их! Да будут павшие за веру заступниками нашими у Престола Божия, да восторжествует всюду крест и истребятся козни мятежников и последователей буйных галлов!

Раны капитана Кикина дали повод к следующему странному анекдоту. Четыре дня спустя после поражения французов некто Эким-Мехмед, бывший на адмиральском турецком корабле, одевшись в праздничное свое платье, вошел неожиданно в мою каюту; подойдя ко мне и сделав низкий поклон, [он] произнес чистым русским языком следующие слова: «Ваше благородие! Бога ради поведите меня к капитану Кикину, ведь он мой господин! Я хочу видеть его и просить у него прощения. Я был коновалом у покойного его батюшки; меня отдали тогда в солдаты: под Мачиным попался я к туркам в плен, по глупости своей отуречился и женился в Царьграде¹¹¹, имею пять человек детей. Благодаря Бога, нажил я себе хорошее состояние, получая большое жалованье за лечение турецких матросов от ран и прочих болезней; я долго крепился... никому из русских не открывался, но как узнал, что барин мой находится здесь на кораблях и тяжело ранен неверными французами, мне стало так грустно, что я не знаю куда деваться. Заставьте за себя вечно Бога молить, поведите меня скорее к барину моему – я хочу

---

¹⁰⁹ Здесь – неожиданным.

¹¹⁰ Гласис – пологая земляная насыпь впереди наружного рва крепости, которая устраивалась с целью улучшения обстрела подступов.

¹¹¹ Константинополь.

пасть к ногам его и просить у него прощения! У меня, батюшка, русское сердце, ко мне турецкого ничего не пристало. Я не Мехмед, меня зовут Кондрашкой!»

Читатель может себе представить сколь велико было удивление мое, открыв в штаб-докторе турецкого флота беглого русского солдата! Я не мог не удовлетворить неотступной его просьбе и отвез его тотчас на корабль «Св. Павел». Он от радости был долго безмолвен и кинулся потом к ногам своего господина. Кикин, невзирая на ужасную боль, не мог удержаться от смеха, видя у ног своих в богатой восточной одежде с превеликой чалмой на голове слугу своего Кондрашку, переименованного Экимом-Мехмедом и возведенного из русских коновалов в турецкого главного штаб-доктора.

Сцена сия насмешила и тронула в одно время всех предстоявших. Примерная привязанность русских к своей родине и любовь к соотечественникам отличает их от всех народов Европы. Всем известно, что [например] швейцарцы непринужденно оставляют отечество свое, чтобы из платы служить во Франции, Испании, Неаполе и других землях; они составляют полки и умирают на поле чести за распри, совершенно им чуждые. Какой же русский (за исключением разве гонимого судьбой Кондратия) оставил охотно Россию, чтобы избрать себе другое, лучшее отечество? Какой русский проливал кровь свою за другого, как Царя своего или его союзников? Тщетно мы будем искать тому примеров.

... Сколь недостаточны были способы адмирала Ушакова, он чувствовал необходимость не отлагать покорение Корфу до наступления зимней ненастной погоды. Надобно было брать великие предосторожности для сбережения здоровья людей, сражавшихся беспрестанно в сырости, стуже, грязи и дожде; первым попечением адмирала было сменять их как можно чаще. При сем случае нельзя не заметить рвения корабельных наших служителей, которые, будучи раз высажены на берег и радуясь случаю находиться в деле, просили как милость оставаться бессменно на батареях. Желая отличиться при вылазках неприятеля, они несли службу сухопутных войск и были особенно поощряемы надеждой удостоиться награды, вновь Государем Императором установленной: она состояла в знаке ордена св. Анны¹¹², который прежде солдатам не жаловался: дабы получить отличие сие матросы сносили жестокость стихий, презирали все трудности и подвергались самой смерти. Адмирал, гордясь усердием своих моряков, доставлял им все возможные случаи отличиться. Сам он действовал неусыпно, показывая всегда одинаковое расположение духа: он был всегда весел – в трудах, как в отдыхе, между христианами и среди магометан, на батареях и в каюте своей; везде был виден откровенный, прямой и великодушный воин, хотя и имел дело с искусным неприятелем, с непросвещенными союзниками и с коварными народами того края. Все подвиги его носили печать деятельности, усердия, твердости и правоты. Ушаков видел с восхищением, что поведение его и все действия были одобряемы Государем Императором, который по представлению его награждал милостиво и щедро всех его подчиненных. Ушаков, поощряемый милостями Государя, старался всеми силами показать себя достойным оных: день и ночь пребывал он на корабле своем в трудах, обучая матросов к высадке, к стрельбе и всем действиям сухопутного воина. Он хотел доказать свету, что можно одними кораблями принудить крепость к сдаче.

Недостаток в людях для строения новых батарей и высадок на берег заставлял его с большим нетерпением ожидать прибытия вспомогательной эскадры контр-адмирала Пустошкина. Между тем с нашей батареи по крепости и обратно происходила день и ночь сильная пушечная стрельба. Лавировавшие суда наши также были беспокоимы с острова Видо, когда при тихом ветре или в темноте ночной приближались они слишком к острову.

---

¹¹² Знак отличия ордена св. Анны (т. н. аннинская медаль) – награда для нижних чинов учреждена 12 ноября 1796 г. императором Павлом I для унтер-офицеров и рядовых. Награжденные медалью освобождались от телесного наказания.

Наконец 30-го числа [декабря 1798 года] прибыла столь нетерпеливо ожидаемая эскадра контр-адмирала Пустошкина¹¹³. Занятие генералом Шампионетом¹¹⁴ Неапольского королевства давало французам удобность, посадив войска на малые суда и выйдя в море при попутном ветре, сделать высадку на западном побережье острова и тем принудить союзные эскадры снять осаду крепости. Опасение сего заставило адмирала принять деятельнейшие меры к скорейшему овладению Корфу, к чему после прибытия эскадры Пустошкина не оставалось уже иных средств, кроме как увеличить число наемных албанцев, стеснить со всех сторон гарнизон и сделать сильное нападение на остров Видо.

17-го февраля [1799 года] адмирал Ушаков занимался в течение целого дня разными распоряжениями против крепостей и острова Видо. Сочинены были на все случаи особенные сигналы; заготовлены начальникам всех отдаленных постов особенные повеления, как в каком случае поступать; послана во все селения с верными и исправными греками повестка, коей адмирал приглашал обывателей всего острова содействовать общими силами приступу и быть уже 18-го числа рано поутру в полном вооружении на обеих наших батареях, куда предписывалось албанским военачальникам также явиться с вверенными им войсками.

По желанию адмирала был собран общий военный совет, состоявший из гг. капитанов и трех турецких флагманов. Мнение адмирала было атаковать флотом остров Видо, сей важный пункт, подававший все удобства к стеснению старой крепости, но дабы принудить неприятеля оставить на оном только малое количество гарнизона, адмирал считал необходимым атаковать в то же время с сухого пути наружные укрепления, куда неприятель принужденным бы нашелся обратить все свои силы. Мнение, столь основательное, не могло не быть одобрено всеми капитанами единогласно, одним туркам таковое предприятие казалось несбыточным, и они, не имея достаточных доказательств, коими могли бы оспорить большинство голосов в совете, повторяли только турецкую свою пословицу, что *камень деревом не прошибешь*. Когда же узнали, что нападение на крепость будет совершено русскими кораблями и фрегатами, то камень стал им казаться уже не столь твердым. Они тотчас смекнули, что слава будет им с русскими пополам, а опасности только последним, а потому и одобрили тотчас мнение главнокомандующего.

Адмирал Ушаков не беспокоился о том, что французы по данным им повесткам во все места будут знать о намерениях наших; он того и желал, чтобы они для оборонительных действий развлечены¹¹⁵ были на все укрепления, чем ослаблялась бы защита острова Видо. Все приготовления наши заставляли их полагать, что нападение произведено будет гребными судами, им и на мысль не приходило, чтобы линейные корабли или фрегаты могли приблизиться к столь ужасным батареям.

Между тем военные действия (особенно в последние двое суток) продолжались с неослабной деятельностью: батареи наши, усиленные двумя большими мортирами, не умолкали и наносили величайший вред крепости.

С 16-го числа февраля начат был уже адмиралом Ушаковым осмотр наружных укреплений с сухого пути. Все ожидали с нетерпением решительного приступа, долженствовавшего увенчать русское воинство новыми лаврами и положить конец ежедневным частым вылазкам и стычкам, изнурявшим людей без всякого видимого успеха. Никому не приходило на мысль, что может быть на другой день будет он оплакивать товарища, коего разделяет труды, друга, коему нынче жмет руку; никто не помышлял об опасностях, всякий думал только о славе: все готовились нанести решительный удар республиканцам в последнем их укреплении.

Наконец настал желанный, решительный день: это было 18-е февраля. Ветер был западный и дул прямо от наших кораблей на остров Видо. К счастью нашему, незадолго перед сим

---

¹¹³ П.В. Пустошкин (1749–1829) был послан с двумя кораблями на помощь эскадре Ф.Ф. Ушакова, блокировавшей Корфу

¹¹⁴ Шампионе Жан-Этьен (1762–1800) – французский генерал.

¹¹⁵ Отвлечены, рассредоточены.

крепким ветром разорвало страшный тот бон, который французы заготовили было для воспрепятствования высадке нашей. Цепи и болты его переломало, а деревья прибило к берегу; ничто не препятствовало высадке.

На рассвете... на корабле адмиральском учинен посредством пушечного выстрела сигнал обеим батареям нашим открыть огонь против крепостей и всех укреплений Корфу, а войскам, находившимся при них и на отдельной эскадре, идти приступом на наружные пристройки; другой сигнал последовал за оным – всем кораблям и фрегатам быть готовым сняться с якорей для нападения на остров Видо.

Ушаков прилежно¹¹⁶ смотрел на действия неприятельские в крепостях и, заметя, что французы устремились на защиту наружных укреплений, тотчас сигналом велел сниматься с якорей: первые два фрегата «Казанская икона Божьей Матери» и турецкий «Кирым-бей», распустив паруса, полетели в атаку к острову Видо. Им приказано идти на первую батарею и, приблизившись к ней на картечный выстрел, стать на якорях шпрингом и, обратившись бортами, сбить с нее пушки и людей. Всему соединенному флоту повторено было приказание идти поспешно в назначенные по расписанию места, лечь шпрингами против укреплений и, оборотившись бортами, действовать против батарей.

Застигнутые в их неприступном убежище французы, видя начатое против них неожиданное смелое действие большим флотом, сначала оробели и пришли в замешательство; они кинулись к своим каленым ядрам и выстрелили по нашим передовым кораблям, но неудачно. Неприятель был мгновенно засыпан пальбой нашей, картечью и ядрами и не успел в другой раз зарядить пушки своими калеными ядрами; известно, что приготовление таких зарядов весьма медленно, и люди совершенно открытыми сверх вала стоять не могли, те же, которые осмеливались показаться, в ту же минуту были перебиты действием нашей картечи.

При скором ходу наших кораблей остров Видо был тотчас окружен с трех сторон. Сие сильное ополчение против батарей неприятельских, непрерывная страшная пальба и гром больших орудий приводили в трепет все окрестности; несчастный островок Видо был, можно сказать, весь взорван картечью, и не только окопы, прекрасные сады и аллеи не уцелели, не осталось дерева, которое не было бы повреждено сим ужасным железным градом; островитяне в трепете воображали, что невинные вместе с виновными, жители вместе с воинами, греки с галлами будут погребены под развалинами падающей Корфу, которая от действия более четырехсот орудий в три четверти часа преобразована была в обитель ужаса и смерти.

В одиннадцать часов пушки с батарей французских были сбиты; почти все люди, их защищавшие погибли, прочие же, приведенные в страх, кидались из куста в куст, не зная куда укрыться. Защищавшие Видо уподобились стаду, настигаемому в поле внезапной грозой и ищущему своего спасения в пещерах, ямах, между кустарниками и под большими деревьями.

Главкомандующий, наблюдавший во время сих действий все движения неприятеля, заметив слабую оборону батарей, учиненным сигналом тотчас приказал вести высадку на остров. В минуту все было готово: вооруженные с целого флота войска наши поспешно бросились в баркасы, лодки и катера, и пошли тотчас в дело. Как только гребные суда наши пристали к берегу, войска бросились, где только нашли способные¹¹⁷ места, и с невероятной скоростью вышли на берег.

Турки, со свойственной им азиатской запальчивостью, не дождавшись полевых пушек и не доплыв до берега, прыгнули в воду по пояс и, держа кинжалы во рту, а сабли в руках, с бешенством бросились на батарею. Застав французские войска залегшими в ложину, они вступили с ними в бой и всех попадавшихся им в руки резали без пощады. Тотчас за ними подоспели и наши войска, и после малого сопротивления французы были разбиты и взяты в

---

¹¹⁶ Внимательно.

¹¹⁷ Подходящие.

плен. Ожесточение турок не имело пределов: они хватали французов живьем и несмотря на жалостные крики *пардон* влекли их к берегу и отсекали им головы.

Не было возможности остановить жестокость раздраженных турок; русские принуждены были оборонять своих неприятелей, обращая примкнутые штыки не к французам, а к союзникам своим. Сия решительная мера спасла жизнь всех, может быть, французов – турки не пощадили бы, конечно, ни одного. Русские и здесь доказали, что истинная храбрость сопряжена всегда с человеколюбием, что победа венчается великодушием, а не жестокостью, и что звание воина и христианина должны быть неразлучны.

Тут заметили кончик трехцветного султана, выходявший из-под дна большой бочки, стоявшей между пушками; опрокинули бочку, и каково же было удивление, найдя под оною... главного начальника острова Видо генерала Пиврона, сидевшего в полном мундире на скамье. Этот французского покроя диоген бросился в объятия [русских] и просил избавить его от лютой турок, предлагая за выкуп шкатулку свою. Офицеры наши взяли отряд солдат, окружили ими Пиврона и доставили в целости как его самого, так и богатство его к адмиралу на корабль.

Обратимся теперь к действию сухопутных наших войск. Прежде всего надобно сказать, что никто из приглашенных не помог нам в сем приступе, ибо ни один из островных жителей не явился по данной повестке в назначенное время и место. Албанцы, объятые страхом, отзывались, что они не только не отважатся брать приступом такого вооруженного острова как Видо, где приготовлены в печах каленые ядра, но что они и свидетелями быть не хотят таких действий и драться умеют на суше, а не на воде, на кораблях и лодках. Для убеждения их адмирал ездил сам на берег и обнадеживал их в успехе, видя же, что ничто не помогло албанцев убедить соединиться с нашими войсками, он хотел было понудить их строгостью к повиновению, но тогда они почти все разбежались, оставив начальников своих одних. Адмирал, услышав от сих последних, что он предпринимает дело невозможное, усмехнулся и сказал им: «Ступайте же и соберитесь все на гору при северной нашей батарее и оттуда, сложа руки, смотрите, как я на глазах ваших возьму остров Видо и все его грозные батареи».

Несмотря на недостаток в помощи от жителей и легкого войска (албанцев. – сост.), наши сухопутные войска не оробели и пошли одни на приступ; они получили помощь со своих судов: корабля «Троица», фрегата «Сошествие», аката¹¹⁸ «Ирина», шебеки¹¹⁹ «Макарий» и турецкого корабля «Патрон-бей» вместе с турками и частью албанских охотников¹²⁰ и производили со слабыми силами сими долговременный и жестокий бой с неприятелем. Русские отряды бросились с величайшим стремлением; французы открыли по ним сильный ружейный огонь, кидали гранаты и картечь, но матросы наши успели спуститься в ров и, добежав до самых стен, ставили неустрашимо лестницы; турки и часть албанцев, удивленные мужеством русских, особенно храбрых наших офицеров, шедших везде впереди войск на приступ, сами последовали за ними.

Неприятель, видя тщетными все усилия свои остановить решительное стремление русских, заклепав пушки и подорвав пороховые магазины¹²¹, отступил поспешно; русские охотники на плечах его дошли до другого укрепления, которое французы решились защищать отчаянно, но и тут не могли более получаса держаться – твердость, хладнокровная решимость и мужество осаждающих превозмогли отчаяние и пылкость неприятеля; он и с сей позиции должен был отступить с такой поспешностью, что не успел даже заклепать пушки. Таким образом, в полтора часа времени французы лишились всех наружных укреплений.

---

¹¹⁸ Акат – парусно-гребной двух- или трехмачтовый корабль крейсерского назначения, имевший на борту до 20 пушек

¹¹⁹ Шебека – небольшое трехмачтовое парусно-гребное судно с косыми парусами; использовалось на Средиземном море для посыльной службы и перевозки грузов.

¹²⁰ Добровольцев.

¹²¹ Склады, погреба.

Корфиотские укрепления, неприятельские военные суда, батареи союзников, десять линейных кораблей и семь фрегатов пылали огнем. Казалось, что гром пушек заставил умолкнуть самый ветер, обратив ярость его в совершенный штиль; отдаленное эхо, повторяя горами албанского берега русскую пальбу, возвещало скорое падение неприступного Корфу.

Из находившихся на острове Видо 800 рядовых и 21 штаб- и обер-офицеров взято в плен только 422 человека с 15 офицерами и генералом Пивроном, остальные были побиты или потоплены. Потеря с нашей стороны в сей достопамятный день состояла: на эскадрах в 26 человек убитых и 24 раненых; на сухом пути убито русских 19, ранено 56; турок убито 28, ранено 50; албанцев убито 33, ранено 82 человека. Генерал Пиврон был объят таким ужасом, что за обедом у адмирала не мог держать ложки от дрожания руки и признался, что во всю свою жизнь не видал ужаснейшего дела.

В 10 часов пополудни (19-го февраля) на всех наружных укреплениях и на батареях Видо подняты были знамена союзников при громогласных «ура». В самое то время и французы, прекратив совершенно огонь, подняли на цитадели белый флаг.

На другой день французские комиссары явились на корабль адмирала для утверждения и обмена условиями; туда приехал также и турецкий адмирал Кадыр-бей. Во время сей капитуляции они заседали вместе с адмиралом Ушаковым, и тут решилась участь Корфу.

День 21-го февраля был для всей эскадры самым радостным. Едва было совершено дело капитуляции, как прибыл из Санкт-Петербурга фельдъегерь, привезший от Государя Императора знаки монаршего его благоволения к адмиралу Ушакову. Сей уважаемый и любимый всеми начальник удостоился получить бриллиантовые знаки ордена св. Александра Невского и командорский крест ордена св. Иоанна Иерусалимского. Все представления его об отличившихся были утверждены, и эскадра украсилась множеством знаков отличия св. Анны 2-го и 3-го классов. Для служителей, особенную храбрость оказавших, было прислано 300 знаков ордена св. Анны. Все были в восхищении, но все сожалели, что с покорением Корфу лишатся новых случаев проливать кровь свою за Государя столь щедрого и милостивого.

Адмирал Ушаков с генералитетом отправился в Корфу для принесения благодарственного молебствия Подателю всех благ. По выходе на берег он был встречен знатнейшим духовенством с крестами, почетнейшим гражданством и всеми жителями с величайшим уважением и почестями. Победители, окруженные народом, при колокольном звоне дошли до соборной церкви св. Спиридона [Тримифунтского], где и происходило богослужение.

Радость греков была неописана и непритворна. Русские зашли, как будто на свою родину. Все казались братьями; многие дети, влекомые матерями, целовали руки солдат наших, как бы отцовские. Они, не зная греческого языка, довольствовались кланяться во все стороны и повторяли: «Здравствуйте, православные!», но что греки отвечали громкими «ура!».

Личное внимание адмирала было обращено на госпитали. Адмирал почти ежедневно посещал госпитали, входил во все подробности продовольствия и ухода и, расспрашивая больных о нуждах их, часто с чувствами нежного отца говорил раненым: «Вы сделали, ребята, свое дело, теперь я исполню долг свой; кто служит отечеству верой и правдой, того Государь наш никогда не оставляет».

Уважение неприятелей к адмиралу было столь же нелицемерно, сколь любовь к нему русских. 24-го числа французские генералы были приняты с особенной вежливостью и угощены обеденным столом. Французские генералы, восхваляя благоразумные распоряжения адмирала и храбрость русских войск, признавались, что никогда не воображали себе, чтобы мы с одними кораблями могли приступить к страшным батареям Корфу и острова Видо. Отдавая победителю полную справедливость, французские генералы прибавили, что храбрость есть свойство, довольно обыкновенное в солдате, но что они еще были более поражены великодушием и человеколюбием русских воинов и что первым для них долгом, возвратившись в отечество, будет всегда и при всяком случае воздавать Российскому воинству должную честь и благодарность.

Всякий, кто имел возвышенный образ мыслей и знал преисполненную христианскими добродетелями душу Ушакова, легко поймет, сколь много его утешать должны были подобные нелестливые отзывы самого неприятеля. Вскоре и Император Павел I и султан Селим воздали заслугам его должную справедливость: Ушаков был пожалован в полные адмиралы. Селим в знак благоволения своего пожаловал Ушакову табакерку, украшенную алмазами, и 1000 червонных. Не удовольствовавшись этими знаками, султан через нарочного курьера прислал адмиралу Ушакову богатый *челенг* – это перо, осыпанное алмазами, которое у турок почитается самым большим знаком отличия, также дорогую соболью шубу и 3 500 червонных на слугителей российской эскадры.

История сохранит память славного этого похода и передаст потомству блистательное мужество и непоколебимую твердость войск, участвовавших в покорении Ионических островов. Они доказали всему свету, что повиновение и доверие союзников, что любовь покоренных народов и уважение самого неприятеля не приобретаются одними победами, но человеколюбием, бескорыстием, великодушием и твердостью; эти добродетели, особенно русских воинов украшающие, сделали в 1799 году память их незабвенной между греками, французами, итальянцами, турками, далматами и албанцами.

(Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы, с. 168–216)

Речь депутации острова Корфу к адмиралу Ф.Ф. Ушакову

Высокопревосходительный господин адмирал!

За благодеяние, оказанное сильной благотворительною десницею Августейших Государей, избавителей и покровителей наших, отечество провозглашает Вас *освободителем* и *отцом* своим.

Определенные Промыслом Божиим для содействия благоденствия нашего, Вы устремились к здешним краям, предводительствуя Императорскими морскими ополчениями под победоносными знаменами, чтобы воскресить эти острова, отягощенные под злодейским игом безначалия и разврата.

Эта земля, эти горы, укрепленные и никогда непреодоленные, это передовое укрепление Видо стали славным позорищем¹²² исступления¹²³ и знаменитых услуг, оказанных Вами великому делу человечества.

Победитель человеколюбивый встречен был благоговейным восторгом веры христианской среди всеобщей радости внутри этих стен, разрушенных от защищающегося неприятеля, но спасенных и безвредными оставшихся вместе с животами нашими десницею Вашею, хотя вооруженною на поражение врага.

Памятником неизгладимого правосудия, верности, великодушия бессмертных престолов и храбрости Вашей есть вольное соединенное правительство наше, кое временно было руководствуемо по днесь отеческими благосклонными попечениями Вашими.

Снисходительствуйте, Высокопревосходительный Господин, принять приношение добровольное благодарения от чад Ваших, этот приличествующий Вам меч, на коем изображено драгоценное имя Ваше и который навсегда хранить соблаговолите в память признательности, изъявляемой Вам от освобожденных им городов.

Корфу, июня 29-го 1800 года.

(*Морской сборник, 1915, № 5, с. 233–234*)

---

¹²² Зрелищем.

¹²³ В данном контексте – крайнего напряжения сил.

П.П. Свиньин. С адмиралом Сенявиным в Архипелаге

Павел Петрович Свиньин проделал с Дмитрием Николаевичем Сенявиным большую часть второй экспедиции (1805–1807) в Ионическом архипелаге в качестве чиновника дипломатического ведомства. Изданные им воспоминания сделали его фактически первым историографом подвигов русской эскадры и талантливого флотоводца Дмитрия Николаевича Сенявина, тонким и внимательным бытописателем жизни и службы русских моряков.

Историческая справка. Вице-адмирал Д.Н. Сенявин 10 сентября 1805 г. возглавил русскую эскадру из пяти кораблей и одного фрегата, посланную из Кронштадта в Средиземное море для борьбы с французами. По прибытии на Корфу 18 января 1806 г. вступил в командование всеми русскими морскими и сухопутными силами в Средиземноморье. Стремясь предотвратить захват французами Греции и сохранить Ионические острова в качестве главной базы русского флота, осуществил ряд успешных наступательных операций на Адриатике.

13 мая [1806 года] [фрегат] «Венус» привел в Боко¹²⁴ богатые призы и донес адмиралу, что вследствие вытребованного французами у австрийского двора постановления, чтоб военные российские суда не были впускаемы в адриатические порты, в Триесте задержано 40 судов купеческих, находящихся под российским флагом и бывших в готовности выйти с первым конвоем. Сенявин в тот же день отправился к Триесту, взяв с собой три корабля и фрегат. Русские корабли внезапно стали на якорь под городскими батареями. В городе произошла страшная тревога; вскорости явился адъютант от военного губернатора с требованием, чтоб эскадра отошла на пушечный выстрел. Адмирал отвечал: «Стреляйте! Я увижу, где лягут ваши ядра и где мне должно стать». Такой неожиданный ответ сделал величайшее влияние и на переговоры, кои тотчас же начались и продолжались всю ночь, в течение коих все корабли освещены были фонарями, люди стояли у пушек, фитили курились. Напрасно австрийские политики вооружали батареи хитрой дипломатии и коварства: Сенявин отразил их благоразумием, правотой и твердостью... Сенявин наконец решительно объявил, что если через час после рассвета не возвращены будут все российские суда и не уничтожено будет запрещение входа, то ровно в 6 часов поутру не только он возьмет свои суда, но и все австрийские, стоящие в гавани. Между тем адмирал распределил корабли свои на pistolетный выстрел по всем батареям, а сам остался у главной. Уже все было готово к ужасной битве, как вдруг арестованные корабли с восклицанием «ура!» украсились российскими флагами, и городская цитадель приветствовала адмирала 21 выстрелами. «Венус» получил приказание принять освобожденные суда и проводить их в Катаро, а сам адмирал с эскадрой своей снялся с якоря и пустился в обратный путь с первым попутным ветром.

По приходу в Боко-ди-Катаро Сенявин узнал, что 22-го французские войска заняли Рагузинскую республику¹²⁵; донесено ему было также, что на другой день черногорцы с приморцами, подкрепляемые некоторым числом российских войск, не только отразили французов, стремившихся напасть на Боко-ди-Катарскую область, но принудили их ретироваться в неприступные горы. Когда они принуждены были оставить город, то унесли с собой все, что только могли захватить, а остальное старались истребить; но за всем тем черногорцы сделали величайшую добычу и совершенно опустошили город.

---

¹²⁴ Которский залив (черногор. Бока Которска, итал. Bocche di Cattaro) – крупнейшая бухта на Адриатическом море, окруженная территорией Черногории.

¹²⁵ Дубровницкая республика (хорв. Dubrovačka republika, лат. Respublica Ragusina, итал. Repubblica di Ragusa,) – город-государство на побережье Адриатического моря, существовавшее с XIV века до 1808 года. Столицей республики был город-порт Дубровник, помимо которого территория государства включала далматинское побережье от Неума до Боки Которской.

Народ этот не может отвыкнуть, несмотря на увещания и запрещения митрополита от ужасной азиатской привычки грабить и резать головы у побежденных ими неприятелей, которые хранят они как главные драгоценности в домах своих. Невозможно было равнодушно смотреть на черногорцев и бокезцев, в восторге возвращавшихся домой с трофеями. Один из них одет был в женское платье, найденное в Рагузе, на другом был капуцинский¹²⁶ капюшон, на третьем – сенаторская мантия и парик, а на плечах с одной стороны навешаны на крючках живые гуси и куры, а с другой человеческие головы, книги, подушки и все, что только могли найти и унести с собой.

Адмирал немедленно отправился с кораблем своим в Рагузу, осмотрел позицию и возвратился в Боко, где посадил остальные войска на корабли и, сделав нужные распоряжения, пошел опять к Рагузе. Сражение 5-го числа июня, увенчавшее полным успехом планы адмирала и происходившее под его собственным руководством, показало, что преграды, положенные природой и искусством, не могли противостоять храбрости российских войск. От 2 до 8 часов пополудни продолжалось беспрестанное сражение. Русские должны были беспрестанно взбираться на утесы при несносном жаре и преодолевать смерть на каждом шагу. Каждая минута являла зрелище неслыханного мужества и деятельности: одни, поражаемые, падали с гор в пропасти, другие заступали места их; матросы втаскивали пушки туда, куда и дикий черногорец не дерзал взбираться, преследуя серну; французы были атакованы там, где природа и искусство ручались им за их безопасность – самые хитрые маневры их были отгадываемы, предупреждаемы и обращаемы им самим во вред. Наконец, потеряв 15 пушек и 400 человек убитыми (в том числе генерала *Дельгога*) и около 150 пленными, и преследуемы с лишком на 10 верст до самых стен Новой Рагузы, при помощи темноты успели они ускользнуть от черногорцев, отправленных их отрезать, и запереться в городе. Надобно заметить, что русские, кроме преодоления природы, должны были бороться с превосходным числом неприятеля. Одного регулярного войска у французов было до 4 000 и несколько тысяч рагузинцев, а у нас всего 1200 регулярного и до 2 000 черногорцев и бокезцев. Должно также отдать справедливость неприятелю: французы сражались отчаянно.

Митрополит Петр Петрович¹²⁷ и генерал-майор князь Вяземский¹²⁸, командовавшие войсками, отличили себя не только неустрашимостью, но также деятельностью и необыкновенным хладнокровием.

...Не имея достаточного числа войск, чтоб отважиться на приступ Рагузы, защищаемой сильным гарнизоном и множеством вооруженных жителей, Сенявин обложил крепость со всех сторон, устроив на высотах батареи, кои беспрестанно действовали по городу и наносили ему важный вред. Нет сомнения, что нужда в свежей воде и продовольствии в непродолжительном времени заставили бы неприятеля склониться к сдаче, если бы не невероятная измена со стороны турок, несмотря на их уверения в сохранении нейтралитета, не заставила снять блокаду. 24-го числа Мармон показался в трех сильных колоннах на высотах близ турецкой крепости и стремился зайти к нам в тыл и поставить нас между двух огней. После этого должно было отступить, и отступление произведено было в глазах сильнейшего втрое неприятеля с чрезвычайным искусством и сопровождается чудесами храбрости, благоразумия и терпения. Войска наши посажены были благополучно на гребные суда в двух верстах от крепости и перевезены на флот. На другой день для предупреждения беспокойств от разглашения слухов об отступлении войск наших Сенявин с кораблем своим отправился в Боко-ди-Катаро.

---

¹²⁶ Капуцины – монашеский орден, ветвь францисканцев; первоначально насмешливое прозвище, относившееся к остроконечному капюшону, носимому членами этого ордена.

¹²⁷ Петр I Петрович Негош (1748–1830) – митрополит и правитель Черногории.

¹²⁸ Генерал-майор В.В. Вяземский (1775–1812) командовал сухопутными войсками в эскадре Д.Н. Сенявина.

28-го войска свезены были на берег и расположены в крепостях Кафельново и Эспа-льоле так, что могли в случае надобности выйти навстречу неприятелю и подкрепить передо-вые посты, поставленные на удобном расстоянии от крепостей; далее же дороги и проходы, ведущие в здешнюю провинцию, стереглись отборными отрядами черногорцев и приморцев. Попечения эти крайне обрадовали народ и черногорцев: они начали было приходить в уныние, что провинции эти сдадутся австрийцам.

Скоро слухи о сдаче Катаро оказались справедливыми. Сенявин не мог их более терпеть и приказал приготовить народ к исполнению этой воли Государя Императора. Австрийский двор исходатайствовал ее, представив великодушию российского монарха, что Бонапарт, удержав крепость Браунау, не хотел ее отдать им не иначе как по очищении русскими Катарской области, и грозясь занять своими войсками Триест и прочие адриатические порты. Положение адмирала было чрезвычайно щекотливое. С одной стороны, благоразумие и дальновидность убеждали его сколь важно для пользы России удержание этой области, с другой стороны, он мог опасаться неприятных последствий в политике от дальнейшего промедления. К счастью, насильственное занятие французами Рагузинской республики дало ему законный повод отражать требования австрийских комиссаров и уверять, что он готов сдать им занимаемые российскими войсками области, если французы очистят немедленно Рагузу. Другой благовидной причиной служило Сенявину явное волнение жителей Боко-ди-Катаро и черногорцев, кои втайне вооружали суда и поклялись на концах мечей своих, что не хотят никакого другого покровительства и власти кроме российского Императора. Сенявин представлял австрийским комиссарам сколь мудрено при этих обстоятельствах согласить и успокоить умы этого необузданного народа и опасно предпринимать что-либо, противное ему. В то же время [тайными] пружинами Сенявина пламя народного вооружения против общего врага готово было вспыхнуть в Далмации, где ожидали только содействия флота, но вдруг получил адмирал от статского советника Убри¹²⁹ из Парижа письмо, в коем сообщал он ему выписки статей, касающихся сдачи Катаро, из мирного договора, подписанного им 8 июля между Россией и Францией, и приглашал немедленно приступить к исполнению их, присовокупив, что спокойствие Европы может быть нарушено малейшим отлагательством этих мер остановкой с нашей стороны.

После этого нельзя было сомневаться в истине этих известий, и если дальновидность и осторожность Сенявина позволяла ему благовидным манером под различными отговорками, как то: приведением в порядок счетов, собранием рассеянных судов и проч. продлить несколько исполнение статей договора в надежде скорого получения сведений об отмене его, то должен был он по крайней мере прекратить военные действия, а потому тотчас же [были] возвращены корабли с занимаемых ими военных станций. Напротив того, бедные жители пришли в отчаяние и, почитая себя совершенно погибшими, готовы были скорее оставить отечество свое, столь драгоценное вообще всем славянам, чем подпасть под жестокое иго поработителя Европы. Мог ли Сенявин равнодушен быть к судьбе этого преданного народа?..

Вслед за настояниями французов и австрийцев о скорейшей сдаче Боко-ди-Катарской области, Сенявин получил из Вены с депешей, в коей содержалась воля Государя Императора относительно занимаемых нами крепостей, которую подтверждал и посол наш граф Разумовский¹³⁰. Можно представить сколь затруднительно и скользко было положение Сенявина. Как осмелиться не исполнить Высочайшего повеления? Как не выполнить мирного трактата, заключенного полномочным [послом]? Как согласить обязанность вождя, подданного, политика с долгом патриота? Исполнить первое – значило послушаться воли Государя! И мог ли Сенявин с той пламенной любовью к славе и чести Отечества, с той уверенностью в справед-

---

¹²⁹ П.Я. Убри (1774–1847) – русский дипломат; в 1806 году подписал мирный договор с Францией, который однако не был ратифицирован Александром I.

¹³⁰ А.К. Разумовский (1752–1836) – русский дипломат, в описываемое время посол в Вене.

ливости монарха долго колебаться, долго выбирать? Он положил не сдавать Боко-ди-Катаро, доколе не узнает о сей воле Государя через депутатов, отправленных от здешнего народа в Санкт-Петербург или до решительной перемены обстоятельств на севере. Этим подвигом он вышел из среды обыкновенных людей и стал наряду с теми бессмертными мужами, кои, жертвуя своей личностью для пользы отечества, не страшатся говорить правду царям.

Между тем, угощая и увеселяя французских и австрийских комиссаров, адмирал умел посеять между теми недоверчивость и неудовольствие, так что последние формально протестовали против первых, и тем выигрывал время. Наконец Лористон¹³¹, видя что русский военачальник проник в политику его властелина, которому нужно было захватить Катарскую землю для властолюбивых видов своих на Морею и Албанию и для изгнания русских с Ионических островов, отправился обратно в Рагузу, прислав с отчаяния громоносную ноту.

Французы начали подвигаться к нам и строить на северном мысу, называемом *La pointe d'Ostro*, лежащем у самого входа в Катарский залив, сильные батареи, конечно, в намерении запереть наш флот в гавани. Все с неудовольствием смотрели на равнодушие адмирала, с каким позволял он им продолжать свою работу, но Сенявин готовил показать свету, что он умеет с французами обращаться и знает, что с ними гораздо страшнее быть в союзе, чем в войне, ибо, пренебрегая святостью законов и договоров, Наполеон и его генералы чаще торжествуют на трофеях *коварства*, чем *победы*. Сенявин первый поставил преграды этой революционной дерзости и буйству, уничтожив их вероломные, коварные замыслы не переговорами, не жалобами, для них невнятными, но оружием!

26-го августа с фельдъегерем получена была Сенявиным депеша от товарища¹³² министра морских сил, в коей между прочим было сказано, что «воля Его Императорского Величества есть на всемерное продолжение воинских действий». Торжествуя в душе, как истинный патриот, счастливому успеху своей осторожности, Сенявин немедленно дал знать об этом митрополиту Петру и принял с ним столь благоразумные меры к собранию распущенных [по домам] черногорцев и приморцев, что в несколько дней был в совершенной готовности отразить сильного неприятеля, между тем как тот нисколько об этом не помышлял.

30-го августа праздновал адмирал самым блистательным образом тезоименитство августейшего именинника Императора Александра, и когда еще на флоте раздавались громкие крики торжества, или как многие успокоились после дневных веселий и радостей – вдруг на рассвете раздался выстрел с адмиральского корабля. Воспрянули ото сна и торжества, и через час кроме «Ярославля» все корабли снялись с якоря и рассеялись по Адриатике. Это было сигналом деятельнейшей войны и ответом французским бюллетеням, объявлявшим о совершенном уничтожении сил Сенявина в Адриатике.

Напротив того, старание, которое наполеоновские агенты приложили, разгласив о заключении мира между Россией и Францией, имело в других краях весьма удачные для них действия. Англичане, едва узнали о подписании трактата, как немедленно отступили из Калабрии и возвратились в Мессину, оставив несчастные эти провинции без заступления и предав жителей их отчаянью и мщению французов.

...Нельзя изобразить радости, изъявленной всеми, особенно жителями, при обнаружении известия о возобновлении войны.

Корабль «Св. Петр» в несколько минут очутился перед французскими батареями и приветствовал незваных гостей залпом целого борта ядрами с картечью. Ему даны были еще три канонерские лодки в подкрепление. Через несколько дней не стало основания неприятельских батарей, хотя всякий раз ночью они поправляли, что было днем разрушено. 13-го сентября мыс Остро очищен был от неприятеля, который принужденным нашелся оставить на

---

¹³¹ Жак Александр Бернар Ло, маркиз де Лористон (1768–1828) – генерал и дипломат Наполеона.

¹³² Заместителя.

месте 15 орудий разного калибра, достаточное количество снарядов, потеряв при этом случае много убитыми. Ниспровергая таким образом силою силу, и коварству неприятеля Сенявин не позволял торжествовать: 12-го является на фрегат «Венус» под парламентерским флагом французский офицер и подает капитану бумагу, коею главнокомандующий генерал *Молитор*¹³³ извещает, что приказал прекратить военные действия, возникшие от некоторых недоразумений, и с согласия адмирала Сенявина послал на двух судах несколько бочек воды и провианта для войск, находящихся на мысе *Острепе*, почему и просит российские крейсера не задерживать их и пропустить. Капитан решился послать к адмиралу удостовериться в справедливости такого приказания и получил в ответ следующие достопамятные слова, написанные рукой Сенявина на рапорте капитанском: «Неприятелю верить не должно, тем паче французам. Вы, г. капитан, отвечаете, если суда не будут взяты». Разумеется, что приказание адмирала было выполнено.

После многих удачных для нас сшибок неприятель начал ретироваться к Старой Рагузе. Генерал-майору Попондополо¹³⁴, командующему нашими войсками, было приказано от адмирала осторожно его преследовать, не теряя своих коммуникаций, дабы не попасть в засаду и не быть отрезанным, что весьма легко могло случиться в сих неприступных горах и пропастях. Предположения Сенявина не замедлили выполниться... 19-го на рассвете неприятель атаковал наши передовые посты одновременно во всех пунктах. Скоро сражение открылось по всей линии и бой сделался рукопашным, кровопролитным; скоро превосходные силы неприятеля должны были уступить единодушию и храбрости русских. Он был опрокинут; но заметив, что французы получили две новые колонны и в состоянии окружить малочисленные наши войска, Попондополо перешел на другую позицию, им предназначенную. После чего с удивительным искусством поддерживал он отступление линии, то останавливая неприятеля искусными маневрами, то опрокидывая его жаркой атакой и заставляя каждый шаг в продолжение 8 верст и 7 часов боя покупать кровью.

20-го сентября два сильных отряда французов двинулись к крепостям нашим и, пройдя некоторое расстояние, разделились: один приближался со стороны моря и делал вид приступа, а другой, обходя крепости, показывал, будто хочет прорваться во внутренность провинции. Но маневры эти были фальшивые, ибо неприятель сам был уверен, что не мог иметь успеха без сильной артиллерии против крепостей, защищаемых гарнизоном, который с таким упорством противостал и в поле всем его силам. Цель его состояла единственно в том, чтоб осмотреть окружные места, ограбить и предать огню дома обывательские. Однако эта дерзость стоила им самим немалой жертвы от пушечных выстрелов, коими поражаемы они были с обеих крепостей и с корабля «Ярославль». Черногорцы, ободренные благословением и личным присутствием предводительствующего ими митрополита Петра Петровича, удачно поражали их метким ружейным огнем, а раздраженные приморцы, видя дома свои, объятые пламенем, стекались со всех мест и умножали число сражающихся для спасения отечества. Кровь лилась рекой более 6 часов с обеих сторон. После чего французы начали уступать и ретироваться к своему главному лагерю. В этот день неприятель потерял более 300 убитых на месте, в том числе 8 офицеров; с нашей стороны урон состоял в 35 убитых и раненых.

Так кончилось грозное наступление французов, кои, полагаясь на искусство знаменитых своих генералов *Мармона*¹³⁵, *Лористона* и *Молитора* и несоразмерное превосходство сил своих, 15 тысяч против 3-х, почитали разбитие русских, предводительствуемых *адмиралом*, а потом и занятие крепостей и области, легким для себя делом.

---

¹³³ Габриэль Жан Жозеф Молитор (1770–1849) – французский генерал.

¹³⁴ Генерал-майор Э.Г. Попандопуло (?-1810) – русский генерал; занимался устройством армии Ионической республики.

¹³⁵ Огюст Фредерик Луи Виесс де Мармон (1774–1852) – французский генерал, в описываемое время губернатор Далмации.

После этого Сенявин употребил все свое внимание на деятельнейшее нанесение вреда неприятелю помощью флота недопущением никаких пособий к нему через море и истреблением его торговли. Наши корабли ежедневно приводили *призы*: к концу октября осуждено было их трибуналом более чем на 2 000 000 рублей. В плену у нас находились 1 генерал, 2 полковника, 150 штаб- и обер-офицеров и до 3 000 солдат.

Кровопролитная война эта произвела на свет много прекрасных анекдотов, кои с удовольствием рассказываются моряками и кои, по моему мнению, сильнее *реляций* показывают характер этой брани и дух русского начальника и подвизавшихся с ним. Заметим некоторые из них.

Бриг «Александр» под началом капитана Скаловского, оставленный у острова *Браццо* для обсервования¹³⁶ неприятеля, стоял 16 декабря на якоре у местечка *Милина*, как узнал, что в 11 часов пополудни вышли из *Спалатры* 4 французские канонерские лодки, на коих посажено было 500 солдат. Тотчас же снялся он с якоря, но при маловетрии не мог переменить места, и вдруг теми 4 лодками был атакован со всех сторон. Скаловский, неся только на борте брига по 6-ти 4-х фунтовых пушек, не прежде открыл огонь, как по приближении неприятеля на ружейный выстрел. Два раза французы стремились на веслах абординовать бриг, крича, чтоб сдался, но оба раза были отбиты с величайшим для них уроном. Наконец, направив все выстрелы свои на самую большую лодку, Скаловский имел счастье потопить ее; после чего прочие, будучи в страхе, начали ретироваться в Спалатро; но храбрый капитан, несмотря на то, что корпус брига был чрезвычайно поврежден, и такелаж почти весь был сбит картечью и пулями, преследовал их до самого места, сильно поражая своей артиллерией, так что у входа потопил другую лодку, а остальные едва укрылись и спаслись в порту. По верным сведениям известно стало, что французы при этом случае потеряли ранеными и убитыми 217 человек; а с нашей стороны было убитых только 4, да раненых 7 человек.

15-го сентября во время ретирады¹³⁷ к *Кастельнову* в узких дефилях¹³⁸ поручик Арбенев отстал от изнеможения и взят был в плен французским полковником, наехавшим на него верхом. На дороге находят они раненого русского гренадера с ружьем. По приказанию полковника Арбенев велит ему положить его, но солдат вместо ответа прицеливается и убивает неприятеля. Арбенев кидается к своему избавителю, чтобы взять его с собой на лошадь, но русский герой никак не соглашается, упрашивает его, чтоб он спасался поскорее, а о нем не заботился: «Пуля, – говорит он, – далеко в моей груди, и смерть мне неизбежна». Арбенев с величайшей опасностью доскакивает к передовым войскам наших, просьбами, заклинаниями набирает *охотников*¹³⁹, под тучей пуль и картечи добирается с ними до места, где оставил он своего избавителя и, несмотря на то, что находит его лишившимся чувств от истечения крови и другой раны, полученной уже после того, как расстался с ним, на плаще выносит его в сторону, преодолевая при этом еще большие опасности, и помощью стараний и попечений возвращает ему жизнь, а потом, взяв на свою квартиру, и само здоровье. Адмирал нередко посещал этих героев храбрости и великодушия.

Четырнадцать человек солдат, коими должно было пожертвовать в цепи, дабы скрыть ретираду нашу, заклавшись¹⁴⁰ в толстую башню, двое суток отчаянно защищались в ней, и решились скорее умереть с голода, чем сдаться. Генерал *Мармон* не мог не отдать справедливости и не удивиться этой жертве честолюбия – он их отпустил к своим в полном вооружении и принял с уважением в своем доме. Солдаты наши присланы были к князю Вяземскому с таким

---

¹³⁶ Для наблюдения за неприятелем.

¹³⁷ Во время отступления.

¹³⁸ Проходах.

¹³⁹ Добровольцев.

¹⁴⁰ Забаррикадовавшись, укрепившись.

письмом от Мармона: «Генерал! Поздравляю вас со счастьем командовать лучшими солдатами на свете; щадя кровь храбрых, я дал им капитуляцию¹⁴¹».

Егерь 13-го полка просьбами, увещаниями, угрозами на проклятие митрополита и наконец жертвованием всех своих денег выкупает из рук неистовых, кровожадных черногорцев французского солдата и отводит его пленным в главную квартиру. Спустя долгое время после того, егерь приезжает в гости к землякам своим на корабль «Св. Петр», на котором содержался спасенный француз. Этот последний узнает своего избавителя, кидается к нему на шею и в чувствах немой, но сильной признательности предлагает ему два талера, составляющие все его сокровище, кои выработал он на корабле. Разумеется, что русский воин не принял их. Прошло несколько месяцев, как Сенявин получает письмо от Мармона, в коем уведомляет он его о благородном поступке нашего егеря и просит отдать ему в поощрение прочим 100 луидоров и сообщить имя великодушного, чтобы он мог испросить для него от своего императора орден Почетного Легиона. Это было следствием благодарности упомянутого французского солдата, который, быв перед тем разменен и видя, сколь худо содержат земляки его русских пленных, с мужеством героя явился пред своим начальником и представил ему сколь противно поведение их с поступками русских в рассуждении пленных... причем рассказал генералу, как и сам он был спасен русским солдатом. По приказанию Сенявина объявлено было по всей армии и флоту, чтоб явился солдат, спасший французского стрелка. Прошло два месяца, и никто не является; между тем возвратился корабль «Св. Петр» из крейсерства, и как на нем было несколько свидетелей тому, как француз узнал своего избавителя, по опросу земляков скоро отыскали скромного благодетеля и представили пред адмиралом. Когда Дмитрий Николаевич отдавал ему 100 наполеондоров, то егерь отсчитал 12 червонных, а остальные положил на стол, сказав: «Эти, ваше превосходительство, мои кровные деньги, а чужих мне не надо». Нужна была власть начальника, чтоб заставить его взять остальные, к коим Сенявин прибавил еще собственных горсть червонных и произвел его в унтер-офицеры.

Лейтенант Титов послан был с *Спалатро* на корвете под мирным флагом для размена пленных. Кинув якорь на рейде, поехал сам на шлюпке с бумагами к французскому коменданту, который принял его учтиво и даже пригласил к обеду. Но нельзя представить себе удивления Титова, когда после обеда генерал приказал ему повелительным образом ввести корвет в гавань. Титов представляет генералу, что и с рейда весьма удобно перевозить пленных. Дерзкий бонапартист заставляет Титова писать приказание оставленному за него командиру на судне, чтоб ввести его в пристань. Он повинует, но пишет, что повелевает честь, совесть и служба. Комендант вырывает у него шпагу, велит заключить в тюрьму и грозит, что расстреляет немедленно. Между тем приверженные нам жители дали знать о том на корвет. Мичман Н. в негодовании на подлость бонапартова генерала тотчас же пишет к нему, что «если капитан его не будет через полчаса возвращен, то он сожжет все суда в гавани и будет все жечь и истреблять, а если он лишится жизни, то повесит на глазах всего города на реях 10 французских офицеров, находящихся на корвете». С этой запиской отправляет он одного из французских офицеров, который через несколько минут возвратился с Титовым.

(Воспоминания на флоте Павла Свиньина, т.1, с. 210–220)

Историческая справка. Кампания русской эскадры под командованием Д.Н. Сенявина в Ионическом архипелаге испытывала сильную зависимость от политической конъюнктуры того бурного времени. 1

После разрыва отношений между Россией и Османской империей (Русско-турецкая война (1806–1812) и началом военных действий, оставив часть сил для защиты Корфу, в феврале 1807 г. адмирал повел эскадру в Эгейское море и в марте блокировал Дарданеллы... 10 марта

---

¹⁴¹ Здесь – почетные условия плена.

захватил остров Тенедос. 10–11 мая нанес поражение турецкому флоту в Дарданелльском, а 19 июня в Афонском сражениях, несмотря на численный перевес противника; успешно применил сосредоточение двойного превосходства сил против турецких флагманов. Попытки турок прорвать блокаду Стамбула были сорваны, и русский флот установил контроль над Эгейским морем.

Согласно тяжёлым для русских интересов условиям Тильзитского мира 25 июня 1807 г. Д.Н. Сенявин передал Франции бухту Каттаро на Адриатическом море, Ионические острова и в сентябре отплыл на родину.

14 [апреля 1807 года]

Празднование сегодняшнего великого дня – Светлого Воскресения – на корабле имеет необыкновенную привлекательность и величие; кажется, сам восторг чувствительнее, умиление трогательнее. Ночь была тихая, но чрезвычайно темная, а от того освещение флота, который в полночь вдруг украсился разноцветными блестящими фонарями, представило очаровательную картину: огни отражались метеорами на дне морском или рассыпались в бесчисленных искрах по мелким струям волн. Пушка с адмиральского корабля возвестила начало ночного бдения на флоте. Средняя палуба очищена для молящихся, что составило обширную залу; семьсот человек с зажженными свечами в руках в молчании ожидали чего-то радостного, необыкновенного; слышится гармония, носящаяся поверху, сердце трепещет, звуки приближаются, становятся явственнее; наконец священник, окруженный поющим синклитом, и с крестом в руках нисходит с лестницы¹⁴², как вестник Неба, и одним словом: «Христос воскрес!» вливает райское веселие в душу каждого – тысячи голосов повторяют небесную истину; гром пушек возвещает ликование православных! Лобызания искренние, братские не переставали весь день; друзья и неприятели обнимались, радовались вместе; шлюпки, катера разъезжали беспрестанно от одного корабля к другому; прекрасная погода содействовала, кажется, общему веселью.

22 [апреля]

Между тем на палубе составляются различные хоры русских певцов – солдаты спорят с матросами в искусстве и превосходстве голосов. Я всегда любил русские песни, но нигде, может быть, они не поются так хорошо, как на флоте и нигде не производят такого впечатления... Когда в полночь все успокоится на корабле, когда покажется из-за облаков уголок бледной луны, я люблю выйти на ют и, прислонясь к бизань-мачте, слушать тихую гармонию русских песен – напев их поселяет в мою душу какую-то тихую меланхолию, родит мечты об Отчизне, производит в сердце некий приятный трепет, робость одиночества. В тихие ночи нередко очаровательная гармония прилетает по дуновению ветра с ближайших кораблей и оттого бывает еще трогательнее.

5 [мая]

[Корабль] «Мощный», стоявший у пролива на карауле, дал знать на рассвете сигналом, что турецкий флот выходит из Дарданелл. В 7 % часов ясно показались 8 кораблей, в том числе трехпалубный под флагом капитан-паши, два 80-пушечных под флагами капитан-бея и патрон-бея, шесть фрегатов, три корвета, два брига и до 30 лансонов¹⁴³ и канонерских лодок. «Мощный» тотчас снялся с якоря и, лавируя отменно искусно, старался выманить неприятеля. Сенявин, будучи уверен, что турки не в состоянии овладеть легко крепостью на острове Тенедос¹⁴⁴,

---

¹⁴² Крестный ход производился на верхней палубе корабля.

¹⁴³ Лансон – одно-двухмачтовое судно, предназначавшееся для транспортировки войск.

¹⁴⁴ Основной пункт базирования русского флота.

если он удалится на несколько дней от нее; здесь же оставаться с эскадрой было неудобно, ибо неприятель, атаковав нас с помощью гребной флотилии и пустив брандеры, мог бы повредить чувствительно вооружение кораблей наших.

Обойдя Тенедос по Z сторону, мы направили путь на остр. Имбро. Сенявин имел в предмет и то, чтоб дать неприятелю более способа устремиться на Тенедос и тем самым отвести его далее от пролива. Притом, если северный ветер подует сутки постоянно, чего ожидать должно по настоящему времени, то выйдем мы на ветер у неприятеля,отрежем его от Дарданелл и атакуем.

10 [мая]

В отсутствие наше турки 8 числа делали высадку на Тенедос более чем на 50 лодках, но были встречены нашим гарнизоном столь мужественно и заблаговременно, что должны были отступить, потеряв на месте более 300 человек убитыми.

(3 часа пополудни) Слава Богу! Сделался легонький ветерок от Z, который, казалось, будет раздуваться. Адмирал приказал всему флоту сняться. По мере приближения нашего к неприятелю радость на корабле увеличивалась: надежды, лестные надежды волновали душу и сердце каждого – никто и не думал о смерти, взоры всех были устремлены на *колдуна*¹⁴⁵ и перемены его мы страшились более всех предстоящих опасностей битвы. Но турки едва завидели нас под парусами, как поспешно снялись с якоря и кинулись бежать в Дарданеллы. К большому несчастью, ветер стихал, и в утешение наше оставалось одно упование, что при таком слабом ветре течение не допустит их войти в пролив, и мы поколотим их и зададим страх. Адмирал приказал, несмотря на расстройство линии, гнаться за ним; «Селафаилу» идти передовым, а всем другим стараться войти в кильватер «Твердого». Мы летели на всех парусах, палили с обоих бортов, но Сенявин искал гордого противника – мощного капитан-пашу, который бежал пуще всех. Наконец, в тумане показался кровавый флаг *Али* – с быстротой орла Сенявин направил на него свой полет и, поравнявшись, дал целым бортом залп. Онемение на несколько минут неприятеля показало, сколь разрушителен был удар этот. Но, увидев близ себя крепости (дарданелльские. – сост.), «Твердый» должен был обернуться и дать место «Селафаилу». Теснота места не позволила эскадре нашей, как хотелось адмиралу, поставить неприятеля в два огня, а могли только провожать ее вплоть до крепостей. Возвращаясь, мимоходом дали мы еще жестокий залп в корму 100-пушечного корабля и занимали долго сильным огнем другой 80-пушечный. Дарданеллы были в пламени. С одной стороны «Ретвизан» и «Мощный» преграждали путь турецкому вице-адмиралу, который, спеша к своей крепости, едва отпаливался¹⁴⁶; с другой, «Сильный», как лев, терзал патрон-бея. В 10 часов умолк последний гул, четыре часа потрясавший воздух – настала совершенная, мертвая тишина.

13 [мая]

Еще по эту пору во множестве всплывают тела турецкие; должно полагать, что они потерпели в сем сражении большой урон в людях; у нас же на эскадре оказалось убитыми 26 человек и 50 раненых. Повреждения наши столь незначущи, что исправлены были на другой же день.

20 [мая]

Ужасы морского сражения ни с чем не сравнимы: кроме неприятеля смерть грозит всюду и малейшее приключение может остановить самое блистательное действие корабля. Так, например, на «Ретвизане» в самом пылу сражения разорвало на верхнем деке пушку и ранило

---

¹⁴⁵ Колдуном назывался флюгер из легких перышек; при малейшем дуновении ветра он поднимался, и если он обещал ветер благоприятный, то штурман начинал посвистывать, чтобы, по морскому суеверию, ветер сделался сильнее.

¹⁴⁶ Отстреливался.

12 человек; сверх того произвело такое смущение на корабле, что храбрый адмирал Грейг должен был переменить некоторые счастливые движения¹⁴⁷.

23 [мая]

Капитан-паша повесил за неудачу сражения вице-адмирала, пашу дарданелльской крепости и двух капитанов.

29 [мая]

Как мы начали ощущать недостаток в свежей провизии, то адмирал отправил Грейга с тремя кораблями для взятия о. Лемноса, изобилующего скотом и разными овощами.

6 [июня]

В 8 часов утра пришла обратно дивизия адмирала Грейга. Она привела с собой много призов и судов, взятых под стенами Лемносской крепости.

9 [июня]

Уже два дня турецкий флот делает различные движения, похожие на намерение выйти из Дарданелл. Давай Бог дорогих гостей! Давно мы вас ожидаем.

10 [июня]

Турки в 7 часов утра вышли из Дарданелл в числе 8 линейных кораблей и 5 фрегатов и остановились у северной оконечности острова Ибро.

11 [июня]

В полдень к туркам прибавилось еще два боевых корабля, фрегат и несколько бригов и корвет. Ветер дует по-прежнему противный. Жестокое положение! Вот что называется: *глаз видит, да зуб неймет!*

12 [июня]

На рассвете с салинга увидели Тенедос в дыму и вскоре оттоле слышались отголоски пушечной пальбы. Открытие это произвело всеобщую радость. Заключив из того, что турецкий флот бомбардирует крепость нашу, со всей поспешностью пустились мы к нему.

Теперь предстоит для адмирала самый критический выбор: гнаться ли за неприятельским флотом и оставить на жертву тысячу человек гарнизона крепости, которая не могла долее десяти дней держаться против превосходящих сил турецких, коих высажено уже до 6 000; морские же силы наши были слишком ничтожны, чтобы можно было отделить от них несколько кораблей, не ослабив себя совершенно; с другой стороны жестоко было отказаться от победы над многочисленным неприятельским флотом, победы, которую вперед обещало мужество, искусство российских моряков и уверенность каждого матроса в превосходстве своем перед неприятелем.

18 [июня]

Рано поутру барабан возвестил открытие турецкого флота. На рассвете усмотрели их под ветром у Афонской горы. В шесть часов сделан сигнал приготовиться к сражению. Сигнал сей оживил всех. Немедленно всяк занял свое место и забыл о томительной усталости, ибо с самого 9-го числа спали мы, не раздеваясь, у пушек, комнаты наши были разобраны, постели унесены на марс и самые необходимые вещи спрятаны в кубрик, даже кухня стала скупее обыкновен-

---

¹⁴⁷ Отменить некоторые выгодные маневры.

ного. Радость блистала на лице каждого. Офицеры умильно пожимали друг другу руки, как бы готовясь на какое пиршество, канониры и матросы с засученными рукавами, с расстегнутой богатырской грудью бодрственно дожидались смерти или бессмертия! Эскадра наша летела на всех парусах на неприятельскую, которая весьма искусно построилась в линию баталии.

Уже давно со всех турецких кораблей был открыт огонь; уже все страдали от нетерпения и гнева, но адмирал не отдавал приказаний начинать битву; он сберегал первый удар и не прежде приказал палить, как подойдя на картечный выстрел. Велено было двум передовым кораблям нашим «Рафаилу» и «Сильному» напасть на капитан-пашу, а «Селафаилу» с «Уриилом» и «Мощному» с «Ярославом» занять двух других флагманов. Прекрасный план этот был выполнен как нельзя лучше и имел совершенный успех: по поражении главы неприятеля, боевая линия его скоро разрушилась, сражение сделалось всеобщим; разверзлись жерла адские и более тысячи орудий без умолку около 4 часов изрыгали смерть и гром, колебавший не только воздух, но и самые бездны морские. Адмирал во все время находился на юте, управлял движениями каждого корабля, являлся со своим кораблем («Твердым») на помощь тому, кому угрожала опасность, и расстраивал неприятельские замыслы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.